

КАК НАЧИНАЛАСЬ РУССКАЯ ПАЛЕСТИНА. ИЕРУСАЛИМ В ПИСЬМАХ Б.П. МАНСУРОВА И В.И. ДОРГОбУЖИНОВА. 1858–1860 гг.

Кирилл Вах

Иерусалимский проект:
исторический акцент

Дипломатический и одновременно инфраструктурный проект России в Иерусалиме мог появиться только с началом и только в начале нового царствования Александра II. Именно с такого краткого утверждения нам кажется необходимым начать наше небольшое введение к публикуемым документам. Действительно, Иерусалимский проект (1857–1864) был порождением своего времени. Он содержал в себе все противоречивые зерна эпохи Великих реформ в России: энтузиазм, здоровый авантюризм, уверенность в возможности перемен, широта в суждениях профессиональных чиновников, открытость и публичность при обсуждении новых идей. Но и интриги, которые опутали его с момента своего возникновения, и то, как быстро он стал частью бюрократической системы империи.

Сказанное касается также и людей, которые участвовали в Иерусалимском проекте (на своих служебных местах они оказались именно в силу произошедших в стране изменений после

кончины императора Николая I), и того духа, которым они руководствовались в повседневной работе. Эту романтическую и вместе трагическую часть истории возникновения Русской Палестины проясняет настоящая публикация.

Война закончилась, но страсти не улеглись

После завершения Крымской войны российский истеблишмент почувствовал искренний интерес к Иерусалиму. Кто только не высказывался о том, какие способы следует употребить для разрешения Восточного вопроса. В конечном итоге вечный Восточный вопрос сделался вечной общественно-политической повесткой царствования Александра II. Ни Персия, ни Средняя Азия, ни Китай не волновали так русское общество. Православная Церковь на Востоке и Иерусалим — вот главный предмет таких обсуждений. Правительство само задавало тон общественного настроения, именуя в публичном пространстве недавние бои в Крыму «войной за Святые Места Палестины».

Национальная общественно-политическая бюрократия

С восшествием на престол Александра II в российском общественно-политическом пространстве впервые появилось понятие «партий». По выражению исследователя, в отличие от современного значения под этим термином «подразумевались группировки чиновников в правительстве».¹ Нужно добавить: и группировки придворных, которые не всегда были чиновниками и не всегда — мужчинами.² До настоящего времени история российских бюрократических и придворных партий, как и история женских придворных партий империи в пореформенный период, исследована недостаточно, хотя именно их деятельность часто становилась определяющей в судьбе того или иного государственного проекта тех лет.

Иерусалимский проект был разработан и продвигался членами «партии» великого князя Константина Николаевича, но, изменяясь в продолжении времени и по названию и по содержанию, он никогда не выпадал из поля зрения конфликтующих бюрократических и

¹ Шевырев А.П. Во главе «константиновцев»: Великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012. С. 51.

² Например, как «партийная» может рассматриваться деятельность в указанный период императрицы Марии Александровны, графини А.Д. Блудовой, княгини Т.Б. Потемкиной, графини Н.Д. Протасовой, княгини Т. В. Васильчиковой и др.

придворных партий. Питательной почвой тому служил положенный в основу проекта межведомственный характер управления, который как раз должен был бы способствовать консолидации. Важнейшие ветви российской власти — такие, как МИД и Синод с их собственными чиновниками и добровольными экспертами, Императорский Дом с его дворцовыми конторами, фрейлинами и царедворцами постоянно вмешивались в обсуждение иерусалимской программы. Личные амбиции порой выносились на уровень функционирования институтов власти.

В тени великого князя

«Партия прогресса» великого князя Константина Николаевича в первые два года царствования Александра II формировала ядро будущих реформаторов. Их имена не раз встречаются на страницах публикуемых нами писем. Созданием «партии» занимался ближайший помощник и секретарь великого князя А.В. Головнин, привлекавший под крыло Константина Николаевича наиболее способных (молодых и не очень молодых) чиновников. Среди основных критериев отбора было хорошее образование, природные способности и умение находить верные решения самостоятельно. Августейшее покровительство открывало им путь наверх по карьерной лестнице, а доверие и сочувствие императора давало возможности для реализации собственных программ.

Чтобы представить масштаб того, что делал Головнин, достаточно упомянуть имена привлеченных им людей: М.Х. Рейтерна (будущий министр финансов), Д.А. Толстого (будущий министр народного просвещения и обер-прокурор Синода), П.А. Валуева (будущий министр внутренних дел), Д.Н. Набокова (будущий министр юстиции). Не стоит отбрасывать и самого А.В. Головнина (будущий министр народного просвещения). Д.А. Оболенский, Б.П. Мансуров и В.И. Доргобужин, хотя и с разным «удельным весом», входили во второй эшелон все той же «партии», формировавшейся А.В. Головниным.

Из крупных и уже состоявшихся чиновников к «константиновцам» в тот период несомненно примыкали и Н.А. Милютин, и В.Е. Пугачин, и А.М. Горчаков. Хотя они уже достигли вершины в бюрократической иерархии, но нуждались в административной поддержке. А великий князь Константин и собравшиеся вокруг него чиновники были альтернативным центром силы в правительстве и ограничивали влияние старых николаевских министров на императора, в продолжении своего царствования ни разу четко не обозначившего собственной политической программы.³

³ Когда, после официального запуска Крестьянской реформы, в государственном поле обозначился запрос на отстранение ее наиболее активных участников,

В случае с А.М. Горчаковым, поддержка великого князя нужна была ему лишь в первый год его деятельности на посту министра иностранных дел. Заняв возле царя прочное положение и убедившись, что его влияние на самодержца достаточно велико, Горчаков стал предпринимать шаги для возвращения в свою ведомственную юрисдикцию всех вопросов, которые как ему казалось, были незаконно выведены за стены МИД. Одним из первых в этом списке министра стоял Иерусалимский проект, предполагающий создание на Православном Востоке национальной паломнической инфраструктуры с центром в Иерусалиме. Работа новой российской коммерческой структуры вне церковно-дипломатического или политического контекста за рубежом видимо сужала необходимость партнерства ее с МИД и оставляла за дипломатическим ведомством скорее служебную функцию по обеспечению зависящей от министерства дипломатической поддержки в разрешении вопросов повседневной деятельности. Намерение великого князя Константина развивать на Православном Востоке собственный политический проект, пусть даже облеченный в гуманитарную оболочку, должно было вызвать противодействие со стороны Горчакова. Ответом стало решение МИД о возобновлении деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Это был упреждающий ход, попытка занять ключевые позиции в гуманитарном по своей сути проекте великого князя Константина Николаевича. К этому сюжету мы еще вернемся.

Бизнес и политика

В Петербурге понимали, что для серьезной деятельности на Востоке в стране в тот момент не было денег. Очевидно, что без указания на источник финансирования любой проект оставался бы просто мечтой. Поэтому при серьезном обсуждении любого предложения требовалось предъявить средства для его реализации, не связанные с нагрузкой для бюджета.

по иронии судьбы, борьбу с ними повели именно бывшие «константиновцы» П.А. Валув и Д.А. Толстой. Д.А. Оболенский демонстративно отстранился от всех дел великого князя. Ключевую роль в деле удаления Константина Николаевича с политической сцены сыграл А.М. Горчаков. Убедившись, что Константин Николаевич не будет вступать в борьбу после возвращения в Петербург из Варшавы, А.В. Головин в 1864 г. закрыл проект «константиновской партии» и вместе с ним закрыл и Иерусалимский проект великого князя, передав Палестинский комитет в ведение МИД и А.М. Горчакова. Тем самым оставшийся верным своему патрону Головин разом вывел Константина Николаевича из опасной для него иерусалимской игры, грозившей столкновениями с императрицей, Синодом и МИД. См.: Вах К.А. Из предыстории ИППО: Кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии // Православный палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 115–134.

Брат императора, генерал-адмирал, глава Морского министерства и созданное под его патронажем частное Русское Общество Пароходства и Торговли первыми озвучили желание представлять Россию на Православном Востоке в новом для нее гуманитарном и коммерческом формате. Коммерческая деятельность, перевозка паломников и грузов из России на Православный Восток и обратно, должна была стать основой финансового обеспечения и Иерусалимского проекта. Указание на источник финансирования стало едва ли не главным аргументом в пользу предложения великого князя.

И один чиновник в поле воин

О том, что Иерусалимский проект, по внешним признакам задекларированный как коммерческий, был именно политическим проектом, знали, наверное, все. Об этом прямо писал и говорил его разработчик, сотрудник Морского министерства — Борис Павлович Мансуров. Основные положения были сформулированы им еще во время первого путешествия в Сирию и Палестину в 1857 году. В основу были положены наработки дипломатов, с которыми Мансуров познакомился в архивах российского посольства в Константинополе и консульства в Бейруте и личные впечатления от обнажившихся противоречий между незначительными реальными возможностями России после Крымской войны и достоинством великой державы. Мансуров страстно искал новые пути к возрождению российского влияния в регионе в обход ограничений, наложенных Парижским трактатом. Дабы избежать обвинений России в нарушениях духа Парижского договора, он предложил действовать опосредованно через частную не государственную структуру, только что созданную по инициативе его начальника великого князя Константина Николаевича. Критическая записка Мансурова о положении Православной Церкви и упадке русского влияния на Востоке, напечатанная по распоряжению великого князя в типографии Морского министерства, произвела сильное впечатление в Петербурге. Император санкционировал подготовку практических шагов в Святой Земле в контексте предложений Мансурова.

Дипломаты на пароходах

Акционерная компания «Русское Общество Пароходства и Торговли» (РОПиТ) была первым опытом коммерческого партнерства между государством и бизнесом. Акционеры вкладывали средства для ведения коммерческой деятельности и получения прибыли, а государство

предоставляло компании существенные льготы и преференции, чтобы самому решать с помощью компании свои стратегические и политические задачи. В число таких задач входило создание видимого присутствия российского флота во всех портах Православного Востока, включая Палестину и Афон.

В упомянутой Записке Мансурова предлагалось перевозить паломников из России к святым местам Востока на пароходах РОПиТ. Одновременно с этим, на средства РОПиТ создавалась собственная российская инфраструктура в местах массового православного паломничества. В Записке Мансуров постарался обосновать и коммерческие выгоды для РОПиТ от участия компании в паломническом проекте. Расчеты его и на бумаге и на словах выглядели довольно убедительно. Уже летом 1857 года, во время посещения Афона совместно с учредителями и главными руководителями РОПиТ Н.А. Арксом и Н.А. Новосельцевым, Мансуров получил от них принципиальное согласие на участие РОПиТ в паломническом проекте.

Личные симпатии

Н.А. Новосельский, директор-распорядитель РОПиТ, стал даже наиболее последовательным сторонником проекта Мансурова. Этому способствовали и личные взаимные симпатии, и то, что ход мысли и предположения Мансурова были близки великому князю Константину Николаевичу. Мансуров дважды путешествовал на Восток совместно с Новосельским: в 1857 и 1859 годах. В 1858 году, будучи в Одессе и дожидаясь там Доргобужинова, назначенного на должность иерусалимского консула, о чем не раз упоминается в публикуемых письмах, Мансуров жил в одесской квартире Новосельского, затем на его даче. В конце концов, он задержался в Одессе дольше обычного специально по просьбе Новосельского, так как местное одесское общество принимало Фердинанда Лессепа, прибывшего в Россию для поиска партнеров в проекте строительства Суэцкого канала.

К сожалению, среди учредителей РОПиТ позиция Новосельского не имела поддержки. Компания выделила Мансурову по протекции Новосельского значительную сумму денег: как на проезд и обустройство представительств РОПиТ на Востоке, так и на организацию паломнической инфраструктуры в Палестине, и даже на обустройство русского консульства в Иерусалиме. Несмотря на то, что для РОПиТ Мансуров выполнил, кажется, все что от него требовалось, его явно и не явно обвиняли в том, что он втянул компанию в невыгодную сделку с правительством. Реакцией Мансурова стало решение никогда больше не ездить на Восток за счет общества и не пользоваться его кредитом в будущем.

Тем не менее, пребывание Мансурова в Одессе летом 1858 года не было бесполезным сидением. Он посетил места сражений в Крыму, в особенности памятный ему Севастополь, Алупку, заводы князя Воронцова. Исполнил поручение императрицы Марии Александровны и великой княгини Елены Павловны, полученное еще перед отъездом из Петербурга зимой 1858 года, а именно переговорил с княгиней Воронцовой, которая управляла в Одессе отделением сестер милосердия, о прииспании нескольких сестер для работы в Иерусалиме.

Предложение использовать для помощи паломникам в Иерусалиме русских сестер милосердия было озвучено еще в записке Мансурова, написанной по результатам его первой прошлогодней поездки на Восток. Такая аллюзия с минувшей войной и Севастопольской обороной, участником которой был и Мансуров, не случайна. В письмах встречаются и другие аналогичные отсылки к опыту севастопольской обороны, когда и Мансуров, и Доргобужин, и Оболенский, и Головнин были единой командой, работавшей сообща под покровительством и с одобрения великого князя Константина Николаевича. Именно на это обстоятельство ссылается Мансуров в письме к Оболенскому.⁴ Позднее Мансуров вновь упоминает о планах «просить» трех сестер милосердия из бывшей севастопольской Крестовоздвиженской общины.⁵ Иными словами внутри «партии константиновцев» была своя «севастопольская» фракция, действовавшая наиболее радикально и наиболее активно.

И Мансуров, и Доргобужин чувствовали в Иерусалимском проекте знакомый им севастопольский воздух свободы действий и выбора средств, и, кажется, они искренне обрадовались возможности вновь поработать как прежде. Но обустройство Русского Иерусалима было не похоже на оборону Севастополя. За несколько лет жизни Иерусалимского проекта история взаимоотношений «севастопольцев» представляется следующей: Головнин увлек идеей Мансурова и Оболенского. Мансуров написал и в декабре 1857 года опубликовал свой проект по личному распоряжению Константина Николаевича. Он же привлек к участию и В.И. Доргобужина, у которого Мансуров останавливался в Николаеве при возвращении с Востока в 1857 году.

Вся конструкция русского присутствия на Православном Востоке, предложенная Мансуровым, была настолько необычна для российской действительности, что лишь прямое покровительство великого князя Константина Николаевича и лично императора создали условия для

⁴ Письмо к Д.А. Оболенскому от 9 июля 1858 г.

⁵ Письмо к Д.А. Оболенскому от 7/19 октября 1858 г.

перехода от теории к ее практическому воплощению в жизнь. В дальнейшем, как только положение великого князя пошатнулось, Оболенский счел для себя возможным выйти из игры «по-английски», т.е. не попросившись, Головин был вынужден прикрывать Константина Николаевича, а Доргобужинов и Мансуров остались без необходимой поддержки. Первый в 1860 году подал в отставку с поста иерусалимского консула, а второй, внезапно для самого себя, стал нештатным сотрудником Азиатского департамента МИД по должности управляющего Палестинской комиссией.

Снова А.М. Горчаков

Собственно Горчаков никогда не поддерживал Иерусалимский проект в том виде, в каком он вышел из под пера Мансурова, и в том виде, в каком его принял под свое покровительство великий князь и одобрил император. Менее чем за полтора года с момента публикации проекта в книге Б.П. Мансурова (в декабре 1857 года), Горчакову удалось полностью лишить его внутреннего политического содержания. Когда в мае 1859 года было объявлено о решении царя учредить особый Палестинский комитет, который возглавил вернувшийся из Иерусалима великий князь Константин Николаевич, мало кто обратил внимание на то, что задачи, ради которых учреждался Комитет, были сведены к минимуму. От проекта Мансурова как комплексной системы политического воздействия не осталось и следа. Палестинскому комитету поручалось только построить и в дальнейшем обслуживать паломническую инфраструктуру в Палестине.

В первое время Горчаков действовал осторожно. Не спорил с великим князем, но настаивал на соблюдении установленного законного порядка при проведении в жизнь принятых решений, журил, но не критиковал Мансурова открыто. Его позицию не понимали даже дипломаты на местах: в первую очередь, в посольстве в Константинополе, затем — в генеральном консульстве в Бейруте. После эпохи Николая I и Нессельроде старым дипломатам трубно было даже представить, что МИД может иметь свою линию, отличную от ясно выраженной воли императора. Горчаков был иного мнения. Этот диссонанс особенно заметен в случае с решением об открытии первого русского консульства в Иерусалиме.

Консул от РОПИТ, духовенство от МИД

Когда вопрос о возобновлении русского присутствия в Иерусалиме встал перед Министерством иностранных дел, А.М. Горчаков вынужден был

сделать выбор между открытием нового консульства в Иерусалиме и возобновлением там Русской Духовной Миссии. И то и другое вместе он просто не мог себе позволить. Горчаков выбрал Миссию. Это решение, а точнее — отказ МИД от дипломатического учреждения и предпочтение ему структуры церковной, имело далеко идущие последствия.

Сделав ставку на Миссию, Горчаков постарался создать из нее универсальную церковно-дипломатическую структуру. Иерархический статус ее начальника был повышен с архимандрита до епископа, ему фактически придавалось положение представителя российского правительства в Палестине и начальственное значение по отношению ко всем другим русским официальным лицам, могущим появиться в Иерусалиме в будущем.

Среди некоторых довольно необычных для начальника Миссии поручений было и поручение покупать в Иерусалиме земли и недвижимости для устройства паломнических приютов. Об этом не раз писали и дипломаты, и русские путешественники еще до Крымской войны. Иными словами, потребность давно назрела, а идея попросту лежала на поверхности. Министр спешил, потому что надеялся упредить появление в Иерусалиме других деятелей с аналогичными задачами и поручениями.

Единственной проблемой, которую Горчаков не мог решить самостоятельно, было отсутствие у министерства денег для исполнения всех поставленных задач. Первый кандидат министра на должность начальника Миссии, епископ Поликарп (Радкевич), хорошо знавший реалии жизни на Православном Востоке⁶ и отличавшийся серьезным отношением к порученному делу, ознакомившись с инструкцией Горчакова, отказался выезжать к месту своей службы до того момента, пока ему не укажут источники средств, которых будет достаточно для решения поставленных министерством задач. В итоге торжественно назначенный на должность начальника Миссии 24 марта 1857 года епископ Поликарп был возвращен к месту прежнего служения 30 сентября того же года.

Неудача с несговорчивым епископом обозначила перед Горчаковым две задачи: найти нового, менее опытного и более сговорчивого и озаботиться увеличением финансирования Миссии. Новым кандидатом стал молодой и амбициозный инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандрит Кирилл (Наумов). Ему предложили епископский сан, полную свободу действий в рамках инструкции и безусловное покровительство со стороны МИД и Двора. Не трудно представить, как быстро архимандрит Кирилл дал Горчакову свое согласие.

⁶ В 1843–1850 гг. он служил настоятелем русской посольской церкви в Афинах в сане архимандрита.

Помощь императрицы

Второй вопрос об увеличении финансирования был решен лишь частично. На помощь МИД пришла императрица Мария Александровна. Убедившись на примере епископа Поликарпа, что наличие свободных средств для деятельности на Востоке — вещь необходимая, и понимая, что увеличить содержание РДМ через бюджет невозможно, она взяла Миссию на личное обеспечение. Перед выездом в Иерусалим императрица передала епископу Кириллу одновременно 25 000 рублей. Очень важные сведения по этой части сообщает Б.П. Мансуров. Из публикуемой ниже Записки, датированной октябрём 1859 г., мы узнаем, что за прошедший год Мария Александровна лично собрала от жертвователей в России около 40 000 руб. в качестве разовой меры. Еще 8 000 руб. она планировала отсылать в Миссию ежегодно. На деле сумма ежегодной помощи вышла немногим меньше. До самой кончины императрицы в 1880 году она жертвовала в пользу РДМ личные средства — от трех до пяти тысяч рублей в год.

Под иерусалимским солнцем

Через год, в 1858 году, в Святом Граде впервые открывается российское консульство; деньги на его обзаведение, проезд персонала и содержание на первое время существования выделяет Русское Общество Пароходства и Торговли. Еще через год, решением царя Александра II, в Петербурге учреждается специальный межведомственный Палестинский комитет — филантропическая правительственная организация для помощи русским православным паломникам в Святой Земле. Возглавил ее брат царя — великий князь Константин Николаевич, а основной капитал для строительства русских паломнических приютов в Иерусалиме — 500 000 руб. — выделил из личных средств Александр II. Оставалось лишь наблюдать, как новое русское дело на Востоке пустит глубокие корни и начнет приносить свои плоды. На деле вышло совсем не то, чего ожидали.

Необыкновенно быстрое для российской государственной системы создание этих различных учреждений и почти одновременное появление их представителей в тесном пространстве Иерусалима произвело неожиданный негативный эффект. Несмотря на кажущиеся близкие задачи, все российские структуры в Иерусалиме имели разные модели управления и разные центры, из которых это управление осуществлялось. Вместе с тем, Иерусалимский проект, как зеркало, отражал все сложные общественно-политические процессы, происходившие в тот же период в Петербурге.

Каждый за себя

Иерусалимский проект был использован во внутривнутриполитической борьбе, развернувшейся в России в пореформенный период. Интриги, борьба за власть и влияние среди небольших, но влиятельных групп петербургской аристократии, оказывали прямое воздействие на все происходившее в Иерусалиме. Вспыхнувшая при этом неприкрытая вражда между представителями российских властей в Иерусалиме — консулом В.И. Доргобужинным и начальником РДМ епископом Кириллом (Наумовым) — искусно подогревалась из Петербурга и служила прекрасной почвой для запуска различных интриг.

Публикуемые ниже документы хорошо показывают динамику внутреннего выгорания основных деятелей Иерусалимского проекта. Мансуров и Доргобужиннов к 1860 году утратили свой альтруизм. Д.А. Оболенский испугался возможных проблем с карьерой, А.В. Головин выгораживал своего патрона великого князя Константина Николаевича, которого пытались посорить с императрицей Марией Александровной. Головин берег его для более серьезных дел и считал, что русскую жизнь в Иерусалиме можно принести в жертву будущим реформам русской жизни в России.

Первый итог

К работам по возведению Русских построек в 1860 году главные деятели проекта приступили совсем не с тем чувством, с каким обсуждали их еще в 1858 и 1859 гг. В этот момент главной скрепляющей силой стала формальная институализация проекта по форме Палестинского комитета, все решения которой утверждал лично император. Вероятно, единственным наивным альтруистом до завершения построек оставался их главный строитель, русский немец, архитектор М.И. Эппингер.

Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Доргобужина.
1858–1860 гг.

Составление и подготовка текстов Кирилла Ваха

1

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому¹

Константинополь/Буюк-дере

1/13 и 2/14 июля 1858 г.

Любезный друг, я прибыл сюда 31 мая/12 июня в 9 часов утра, сутками раньше, чем думал, потому что морской переход от Марселя сюда был удивительно удачен; море было совершенно тихо и погода нежаркая, так что ничего лучшего нельзя было желать. Мы останавливались только в Мессине и в Пирее; я был несколько часов в Афинах, но, к большому сожалению, не застал там Озерова, бывшего en excursion² за городом.

Я здесь немедленно поселился в Буюк-дере, чтобы быть под рукою у посольства и в сношении с какими-нибудь живыми и знакомыми существами. Первое вступление мое на почву Востока дало мне почувствовать, что, действительно, принятие поручения в этих краях и в это время года составляет некоторое самопожертвование. Ты не можешь себе представить ничего скучнейшего, как жизнь, даже кратковременная, на берегах очаровательного Босфора. Полное стеснение в условиях материальной жизни, отвратительная среда, в которой находишься, одиночество и деловые хлопоты, трудности исполнения начатого мною дела — вот незавидная картина моего бытия. Предполагаю завтра на русском пароходе отправиться в Одессу для свидания с Доргобужиновым и прочими лицами, меня там, вероятно, ожидающими; не знаю, найду ли я там Новосельского; от этого будут зависеть дальнейшие мои планы.

Не раз случалось мне в Петербурге выражать уверенность, что в Константинопольском посольстве я не найду тех мелочных препятствий и дрызг самолюбия, которыми так богато Министерство иностранных дел. Не знаю, что обо всем деле посольство, т.е. Лобанов, думает в душе,

¹ Текст писем публикуется по копиям и оригиналам, отобраным в одно дело Б.П. Мансуровым: ГАГО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 322. Письма на французском языке приводятся в переводе. Отдельные французские фразы даны в оригинале с переводом. При публикации последовательность писем была приведена в соответствии с хронологией их написания.

² На экскурсии (*фр.* *en excursion*).

но в отношении ко мне не обнаруживается ничего неприятного; напротив того, со мной говорят и действуют очень симпатически и радушно. Здесь живут лицом к лицу с настоящим делом, и потому является сознание в полной неэгоистической благонамеренности моих действий; я предлагал и предлагаю единственное возможное средство достичь того, что всякий, как и я, рассматривает как насущную необходимость; здесь не может быть и спора о том, прав ли я или нет. Министерству легко издали и свысока рассуждать о том, годятся ли те орудия, которые нами были предложены; здесь совсем не то; посольство лучше министерства понимает, что выгода всего его политического положения зависит от нашего успеха, радуется тому, что сделано, и готово помогать в чем может. К сожалению, оно так бедно ради скупости Министерства иностранных дел, и так боязливо и недоверчиво ради слабости характера А.П. Бутенева и высокомерной пустоты министерства, что немногого можно ожидать от его содействия. Инициативы оно, вероятно, на себя не примет, но по скромности своих сил будет помогать. Я встречаю ныне затруднение только в том отношении, что, хотя по высочайшему повелению, положением бывшего комитета и по духу всех переговоров, происходивших с князем Горчаковым, все дело приобретения земель и домов и построек и пр. возложено на меня, потому что я агент не политический и не религиозный, а коммерческий — однако Преосвященному Кириллу почти ничего не было сообщено из министерства о том новом и гораздо обширнейшем обороте, который дан всему делу после отбытия его из Санкт-Петербурга, и он оставлен в тех тесных понятиях, которые созданы в нем собственным положением Миссии. Кирилл по-своему совершенно прав и сам с своей стороны спешит покупкою земли в Иерусалиме; в самый день приезда моего сюда получено здесь его письмо, в котором он просит позволения сделать покупку немедленно, не ожидая моего прибытия, опасаясь, чтобы до того времени цены не поднялись или не отбили у него дела. Кажется, что Кирилл рассчитывает купить землю собственно на те деньги, которые посланы к нему от императрицы Марии Александровны. Князь Горчаков писал Бутеневу, что он не вмешивается во все предоставленные мне дела покупок и пр. и поручает посольству: а) помогать только во всех формальностях, и б) передать Преосвященному Кириллу, чтобы он приостановился своими распоряжениями до свидания со мною.

Вследствие этого и письма Кирилла о желании купить землю немедленно — сейчас возникло сомнение и от меня потребовали разрешения, которым посольство будет руководствоваться. Очень естественно, что я могу только радоваться тому, что может сделать Кирилл, для меня вдвое лучше найти в Иерусалиме конченное дело; мне же меньше хлопот, — следовательно, я очень рад развязать руки Кириллу; но вопрос в том а) что едва ли можно совершить покупку

на имя нашего Правительства — это целый дипломатический узел и трудный, хотя Лобанов считал бы это возможным; б) следует покупать явно для Миссии, т.е. во имя Русской Церкви, потому, что это средство точно также мало удобно, как и первое, и, сверх того, вызывает явное желание раздела собственности между нами и греками; сии последние будут в претензии и найдут в этом повод к ссорам с Кириллом, а Запад восстанет на отдельное воцарение Русской Церкви на Востоке; в) Кирилл сам может покупать только во имя правительства или Церкви, — а на приобретения на имя Общества он полномочия не имеет и иметь не может; г) можно, конечно, купить на имя подставного лица — турецкого подданного, но такая операция есть только первоначальная форма, при которой нельзя оставить дела, ибо мы остались бы всегда при риске даром потерять землю по произволу Паши; следовательно, непременно нужно, чтобы Посольство просило у Порты именного фирмана на приобретение в Иерусалиме земли для х? That is the question;³ д) для того по мнению и вставляется Пароходное Общество, за которое нам можно открыто и явно хлопотать в Порте без опасения слышать упреки в начатии огромной религиозной пропаганды во вред туркам и грекам.

Вот где начинается и объясняется мораль: я могу действовать за Общество по его полномочию; если бы мне отказали или если бы я сделал промах или возбудил толки и пр., — меня можно *désavouer*,⁴ в чем наша дипломатия так искусна, — мне можно сделать форменный выговор, — тем дело и кончается. Тут не пострадает ни положение, ни достоинство Миссии и ее начальника.

Я нужен Кириллу как исполнитель, ибо ему сия роль не подобает, ибо он стоит выше сего и должен являться всегда в качестве духовного владыки, а не покупщика торгующегося, хотя бы и для богоугодного учреждения.

Я так понимаю свою роль и роль Кирилла, но едва ли могу высказать это прямо и ему, и Министерству иностранных дел. Обоим, а в особенности последнему, покажется (в Петербурге уже мне это прямо высказали), что я хочу посягать на права Кирилла, пребывать у него честь основывать и учреждать на Востоке достойные России богоугодные заведения, — вообще, что я движим вопросами самолюбия и честолюбивой ревности.

В настоящем обстоятельстве, принимая во внимание, что смешно останавливать возможный успех вопросами формы и рисковать убытком потерей времени, что никак не должно охлаждать усердия Преосвященного Кирилла разными затруднениями, которые ему покажутся

³ Вот в чем вопрос (англ.).

⁴ Дезавуировать (франц.).

излишними, что все дело покупки найденной им земли само собою продлится, вероятно, до моего прибытия в Иерусалим, — что Кирилл располагает сам достаточными суммами и не заявляя, что он рассчитывает на мои суммы для той покупки, в совершении которой он желает спешить, — что хотя я ничего не могу высказать о мнении моем насчет удобства места и годности оногo для утвержденной цели, ибо Преосвященный Кирилл не доставил в Константинополь никаких указаний даже о местности и размере, — однако на Преосвященного и можно и должно полагаться вполне как на дельного и главного судью дела, — я по всем сим соображениям просил посольство отвечать Преосвященному Кириллу, что я не встречаю никакого препятствия к немедленному приобретению сговоренной им земли, что если эту покупку предполагается сделать на имя Русского Правительства на основании тех прав, коими пользуется сам Преосвященный, то мне остается только радоваться и пока не вмешиваться в это дело, но что, если этой покупке предполагается дать тот общий характер, в который будут облечены все другие приобретения и устройства в Иерусалиме и других местах, — то я, не имея права и повода выходить из характера неофициального и коммерческого, прошу только дать покупке такую форму, которая дала бы мне возможность по приезде в Палестину перевести акты и всю операцию на имя Общества так, чтобы сохранилось единство во всех распоряжениях.

Таким образом, мы не останавливаем порывов Преосвященного Кирилла, не оспариваем его воззрения насчет удобства места и необходимости немедленного приобретения оногo, но стараемся избежать путаницы в форме дела и сохранить нужное единство. Для большей осторожности посольство просит Преосвященного Кирилла вести все дело при посредничестве генерального консула Мухина, не выставляя себя за покупателя ради высокого сана епископа.

Одним словом, все дело улажено хорошо, — и в Петербург от посольства об этом не пишется.

Я сообщаю тебе, любезный друг, все это только к сведению, а отнюдь не для сообщения Министерству иностранных дел, и прошу на основании сего не писать ничего ни Кириллу, ни кому-либо. Об этом прошу безусловно; чем меньше мы будем успеть хлопотать, тем лучше. Покажи это письмо Набокову для доклада Его Императорскому Высочеству, если хочешь и если это нужно. Обнимаю тебя искренно.

Б. Мансуров

P.S. Я видел в Ницце великую княгиню Елену Павловну и подробно условился с Ее Высочеством, что касается сестер милосердия. Она согласилась во всем со мною и готова действовать, когда нужно будет. Пока еще дело в обеспечении учреждения сестер деньгами.

Мне непременно нужно иметь постоянные сведения о мере возрастания сумм сборов и о всех финансовых распоряжениях дела. Что случилось с делом о займе в Кред. Уст.⁵ под обеспечение сборами?

Пиши мне в Константинополь на имя посольства.

Я узнал сегодня, что в Одессе нет ни Новосельского, ни Доргобужина. Напрасно я спешил, но честность *avant tout; je suis en règle*.⁶

Получил ли Доргобужин консульские инструкции в Петербурге или нет? Это очень важно; если нет, то мы потеряем здесь много времени.

2

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Одесса
№ 2

9 июля 1858 г.

Вот уже почти неделя что я здесь, любезный друг Оболенский, и сижу здесь даром, потому что Новосельский не будет сюда ранее 20 числа. Мое присутствие имеет в Одессе только ту пользу:

а) что я виделся с княгиней Воронцовой, как желала того государыня императрица Мария Александровна; я сообщил ей о главных чертах предпринятого дела и о том, что Ее Величество была бы рада найти в княгине содействие по устройству дела о сестрах милосердия и по заведыванию оным на юге. Великая княгиня Елена Павловна совершенно разделяет мысли о пользе, которую принесла бы княгиня Воронцова, и предоставила мне сказать ей об этом. Княгиня Воронцова предполагает съездить в Иерусалим, не определяя, однако, когда ей можно будет это исполнить; это будет очень полезно. Кроме того, располагая поселиться навсегда в Одессе, княгиня Воронцова, действительно, может быть посредником между Палестиною и Петербургом. Впрочем, мы до сих пор говорили только в самых общих выражениях и даже не вдавались в подробности, а тем менее проекты.

Управляемое здесь княгинею Воронцовой заведение сестер милосердия состоит только из 7 или 9 лиц; ожидаются еще 5, — но княгиня не предполагает, чтобы из сих сестер были действительно годные для Востока. Впрочем, так как теперь неизвестны еще и требования, какие будут предстоять, то нельзя и судить о том, соответствуют ли оным нынешние лица, составляющие общину.

⁵ Возможно, «Кредитный Устав»?

⁶ Превыше всего, я соблюдаю правила (*франц.*).

б) я убедился здесь в справедливости того, что я предполагал, т.е. что сборы, руководствуемые Синодом без прямого вмешательства великого князя или императрицы, совершенно педализируются мертвенностью духа нашего духовенства. До сих пор указ Синода о произведении сборов оставляется консисторию без всякого исполнения; о сборах нет и помину, в церквах нет ни особых кружек, ничего; и это так в главном городе края, под глазами хорошего архиерея, участие коего возбуждено княгиней Воронцовой и его собственным характером. Чего же ожидать от далеких углов и таких епархий, в которых находятся архиереи мелкоумные или дурно расположенные ко всякому начинанию, не имеющему предметом собственный карман местных клиров?

Очевидно, что мысль великого князя о послании всем архиереям писем от него и за его подписью была правильна, и что без этого средства дело о церковных сборах может кончиться нулем.

Если создадутся другие источники и дело обеспечится, то беда от сего нуля была бы еще не так велика. Но это дело имеет теперь уже другую сторону: публикации о сборах сделались известными на Востоке езде; Кирилл писал об этом в Константинополь, в Греции мне говорили тоже; все греческое духовенство об этом знает. Все ожидают, что вызов правительства нашего к Церкви и народу по священному делу произведет достойную денежную манифестацию.

Мы покроемся срамом и стыдом пред всеми, если дело кончится ничтожным результатом и обнаружится, что Церковь наша и народ не ответили вызову. Посылая публикации — nous avons brûlé nos vaisseaux;⁷ назад идти теперь уже нельзя; следовательно, во что бы то ни стало, надобно сделать, чтобы сборы имели результат.

Когда делали публикацию, приготовлены были разные средства, между прочим письма Его Императорского Высочества к архиереям, призвание Кокорева и др. лиц подобно Яковлеву, коих результатом было бы окружением сборов нужною обстановкою. Уже после публикации разные обстоятельства, т.е. des ballons entre les jambes jetés par les malveillants,⁸ заставили устранить означенные средства; публикация пошла в ход без нужной поддержки, как объявление войны без войска. Вот и причина возможного пuffed.

Спешу с самого начала обратить твое внимание на эту сторону дела; теперь еще время поправить дело, а бросить оное уже нельзя потому, что оно огласилось везде. От тебя зависит выдумать разные средства и представить о том Его Высочеству, как было во времена севастопольские; результат будет тот же, т.е. чудный.

⁷ Мы сожгли свои корабли (франц.).

⁸ Проскочившие между ног мячи, пущенные недоброжелателями (франц.).

Мне, во всяком случае, нужно в нынешнем году располагать 150 000 рублями на обзаведение всего в Иерусалиме, Назарете, Бейруте и Константинополе. Менее нельзя; а обеспечение дела на будущее время — особая статья.

Жду письма от тебя с нетерпением.

Душевно преданный тебе
Б. Мансуров

P.S. № 1. К письму из Одессы от 9 и 10 июня.

Бог знает, когда еще мы будем с Доргобужиновым в Иерусалиме.

Ранее июля мы из Одессы никак не уйдем, ибо Новосельский не будет сюда ранее 20 июня, а нам нужно здесь и поработать вместе, переговорить и решить о многом.

В Константинополе пойдет довольно долгое дело об исходатайствовании у Порты берата и фирманов для нового иерусалимского консульства; а посольство до 5 июня не имело от Министерства иностранных дел никакого официального уведомления об учреждении иерусалимского консульства. Были только частные письма князя Горчакова к Бутеневу. Посольство до того дня не знало, откуда и какие Доргобужинов должен получить инструкции. Порте до сих пор вследствие сего и не предъявлено о намерении России иметь консула в Иерусалиме.

Вот много причин остановки, а сверх того Доргобужинову нужно будет в Константинополе многое читать и изучать прежде вступления в должность.

Мне в Константинополе нужно будет заняться делом о перестройке дома бывшей Коммерческой канцелярии; я возьму туда с собою архитектора Эппингера, взятого Обществом на службу для Востока.

Три недели уйдут в Царьграде как ничего. Путь от Константинополя чрез Афон, может быть, Афины, Смирну, Родос и разные места, где мне нужно устраивать или осматривать агенции, опять возьмет недели две, если не больше, до Бейрута.

Здесь надо будет остановиться Доргобужинову для ознакомления с Мухиным и делами генерального консульства, что еще важнее, чем в Константинополе. Остановка в Бейруте нужна и для меня.

Надо будет остановиться и в Кайфе, и в Назарете, потому что назад заезжать будет не время и трудно.

Все это будет исполняться нами среди страшнейших жаров; половина суток такова, что человек не годен ни на какое употребление, а силы надо беречь.

Таким образом, я не думаю, чтобы нам удалось прибыть в Иерусалим ранее сентября.

Беды во всем этом промедлении не может быть никакой, ибо ничего от нас не убежит, а лучше не оставлять за собою темных задов. Я с сожалением предвижу только то, что Преосвященный Кирилл, при известной и похвальной его ревности, будет сетовать на отсрочки и жаловаться на то, что ему мало известно, что предполагается.

Мы на это должны быть готовы и успокаивать Преосвященного тем, что мы сами не знаем еще, что можно будет исполнить, ибо неизвестно еще, сколько будет денег. Для изучения дела-то мы и отправляемся, а всего разом начать нельзя. От того-то я и развязал руки Преосвященному Кириллу из Константинополя насчет покупки земли, как я писал из Буюк-дере от 3 или 4 июля.

Б. Мансуров

P.S. № 2. К письму из Одессы от 9 и 10 июня.

11 июня

Сейчас я узнал, что от здешней духовной консистории послано теперь 700 указов по числу церквей в епархии; будут выставлены в церквях особые кружки, но разносить их во время службы не предполагается. Если кружки попадут в невидимые углы, соберут очень немного; от внешней обстановки сборов зависит результат.

В духовенстве, даже между образованными лицами, ходят смешные толки о цели сборов; одни говорят, что с неправдою хотят посредством Церкви доставать денег для Коммерческого предприятия, другие — что хотят привлекать всех бродяг России к поклонничеству в Палестину и содержать их за счет сборов, третьи — что собирают на освобождение крестьян.

Наша Церковь, во славу и для пользы коей мы работаем, даже не хочет понять высокой цели и необходимости выставить Пароходное Общество как видимую цель для обезопасения существа дела.

Я понимаю, что Синоду, при существовании его бюрократизма, нельзя сообщать высших политико-религиозных соображений, но я полагал бы необходимым испросить у Его Высочества разрешения, чтобы им ОН сам, или, если это нельзя, граф Толстой (обер-прокурор) разъяснил циркуляром к архиереям, что начатое дело вполне религиозное и чисто от побуждений спекулятивных. Надобно бы дать почувствовать Синоду и всему духовенству, что от результата порученного им сбора будет зависеть суждение о степени душевного их участия к священному делу и степень доверия, коим духовенство пользуется пред народом.

Хорошо то, что сборам дан характер постоянный и ежегодный. Не мешало бы и необходимо потребовать из канцелярии Синода копии с указов, данных Синодом архиереям и самими⁹ последними по приходам.

Б. Мансуров

⁹ В тексте «сами».

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Одесса
№ 12

23 июля 1858 г.

Любезный друг Оболенский, озабоченный судьбою наших денежных средств, я обрадован был нечаянно слухом о том, что будто бы государь и императрица Мария Александровна предполагают отправиться в нынешнем году на Нижегородскую ярмарку. Немедленно родилось во мне соображение о том, что могло бы выйти чудного для нашего дела, если бы государыне императрице, принимающей, действительно, весьма живое и милостивое участие в нашем иерусалимском деле, угодно было вспомнить о наших сборах в Нижнем и приложить малейшее старание к созданию денежного фонда среди огромного обилия капиталов.

Я не слышал о том, чтобы государь великий князь Константин Николаевич должен был сопровождать государя и даже не полагал, что бы это было вероятно. Не знаю я и того, кто может быть в свите государя, и не желаю заявлять ходатайства официального. Однако, боясь упустить счастливым, может быть, судьбой желанный случай и основываясь на отношениях, развитых моими хлопотами в Санкт-Петербурге, я решился написать письмо к фрейлине А.Ф. Тютчевой в надежде, что ей можно будет вследствие сего намекнуть государыне императрице о предмете моих стараний. Завлеченный предметом, я воспользовался случаем, чтобы изложить на письме то, что у меня давно было на душе, для откровенного объяснения, почему обстановка нашего дела является не столь выгодною, сколь того можно было ожидать, и почему я сам отвергаю обвинение в излишнем увлечении и пристрастном взгляде на дело. Прошу тебя прочитав мое письмо, посылаемое при сем к тебе без печати.

Не решаясь ничего делать без ведома великого князя и одобрения Его Высочества, точно так же желая действовать в полном согласии с твоим мнением, основанным на знании местного расположения умов и местных тонкостях, я полагаю тебе письмо мое на имя А.Ф. Тютчевой с просьбою прочитав оное и передать по принадлежности, если ты не найдешь, что оно, наверное, наделает только путаницу и пользы не принесет. Если ты будешь сего последнего мнения, то разрешаю тебе делать из письма, что хочешь, и показать только Его Высочеству для сведения.

Если слух о путешествии Их Величеств в Нижний неоснователен, а вреда от письма ты не ожидаешь, то все-таки передай оное фрейлине

Тютчевой, ибо все равно, какой бы ни был предлог, который побудил меня высказаться. Одним словом, не бракуй моего письма только по причине неосновательности слуха о путешествии в Нижний. Вообще прошу тебя предоставить риску и возможности удачи ту долю, без которой нельзя решиться ни на что серьезное. Я риска не боюсь, но желаю только не действовать прямо противно твоему мнению и, конечно, противно воззрению Его Высочества.

Если ты благословишь мое письмо, запечатай его и отправь скорее, узнав, впрочем, не находится ли фрейлина Тютчева в отпуску. Но и в этом случае отправь к ней, потому что она, может быть, догадается послать кому-нибудь выписки для осторожного доклада государыне. Фрейлина Тютчева выказывала мне самое горячее и умное участие в деле и во многом помогала пред государыней; она положительно просила меня писать ей, когда будет нужно.

Благодарю тебя за спрос по телеграфу о моем здоровье. Если действительно спрашивал о том и великий князь, то вырази Его Высочеству мою глубочайшую благодарность. Я и не знал, что Новосельский телеграфировал тебе о моей болезни. Я был болен очень сильно, на краю горячки, и ни доктор, ни я не могли ожидать столь скорого выздоровления. Поправление произошло почти внезапно; мне уже почти совсем хорошо, но от лечения и сильных средств я так ослабел, что хожу еще с трудом. У меня было воспаление во всем правом боку от плеча до ног. Слава Богу, теперь благополучно.

Я надеюсь 26-го или 27-го числа отправиться в путь, зайду на Афон и буду в Иерусалиме, вероятно, в первых числах сентября. По уважению этих отсрочек во времени свидания моего с Преосвященным Кириллом я уже недели с три и во время болезни просил князя Лобанова (в Константинополе советник посольства) передать преосвященному, что я развязываю ему совершенно руки на приобретение земель, если его собственные суммы для того достаточны, если в деле покупки не будет являться форма Русской Церкви, и если от замедления может последовать неудача или передержка сумм.

Напрасно ты оставляешь меня вовсе без всяких извещений, мне было и нужно, и полезно иметь ответ твой на мои письма и сведения о твоём воззрении и о положении дел в Петербурге. Надеюсь, однако, иметь от тебя письмо.

Будь здоров и не забывай искренно преданного тебе

Б. Мансурова

[P.S.] Когда будет на месте своем Головини?

Мне очень нужно это знать.

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Бейрут
№ 46

6/18 сентября 1858 г.

При сем 3 приложения

Я прибыл сюда вчера, идя прямо из Родоса, и получил здесь второе твое письмо, любезный друг, писанное тобою 3 августа. Благодарю тебя сотни раз за это милое, радушное и доброе письмо; я его ценю вдвое потому, что нахожусь за тридевять земель и нашел в твоих словах успокоение и подкрепление в деле чрезвычайно трудном, могу тебя уверить.

Для большей ясности отвечаю тебе по пунктам:

1) Ты пишешь, что в Петербурге удивляются медленности моего путешествия и сетуют о том, что я и Доргобужинов уже давно не в Иерусалиме. Я нисколько не критикую и не обвиняю этих удивлений; на месте Петербурга я бы, может быть, судил точно так же, но я могу тебя уверить, что я не мог распорядиться иначе, и что не я, а другие виноваты в том, что мы до сих пор не в Палестине. Главные причины те: а) что все устройство дел Общества на Востоке лежит на мне, а так как я получаю деньги от Общества именно для сего, то я по необходимости должен добросовестно и подробно заняться его интересами. Ранее 1/13 августа я из Одессы выехать не мог: свидетель и причина тому сам Новосельский, который удерживал меня еще долее; я и то поспешил и лучше бы сделал для Общества, если бы помедлил еще с неделю или две; б) объезжать порты и устраивать агенции я мог только en allant, а не en revenant¹⁰ из Иерусалима, потому что всю линию надобно было открыть немедленно, а сверх того плавание по берегам Азиатской Турции поздней осенью и зимою слишком затруднительны при неимении нигде закрытых портов, наконец, Общество могло мне дать пароход на два месяца, чтобы донести меня до Яффы, но на обратный путь этого сделать было нельзя; в) инструкции Доргобужинова составлены были только в августе при нас в Константинополе при ежедневных наших настояниях, а фирмана о признании Портою нового консульства в Иерусалиме мы в Константинополе не могли дожидаться; фирман этот и берат посланы были за нами в погоню, и мы нашли их здесь вчера; наконец, г) в отношении прямого нашего общего дела я встретил столько важных случайностей, хоть и ожидаемых, но не в той степени, что мне нужно было чрезвычайно

¹⁰ На пути, а не по возвращении (*франц.*).

осторожно готовиться к *étudier le terrain*¹¹ везде. Если бы я спешил, то мне пришлось бы очень раскаиваться позже и теперь, хотя я имею большие причины сожалеть о том, что я не был в Иерусалиме гораздо ранее, но я имею еще более причин радоваться тому, что я теперь не спешил. Долго было бы и трудно распространяться подробно о многом, но могу смело сказать, что все обстоятельства представляются в виде очень сложном. Много было сделано промахов, многого можно было избежать; теперь приходится много поправлять, но первое условие для успеха в этом заключается — в большой осторожности начала и большой твердости в исполнении, когда дело будет начато.

2) Ты чрезвычайно правильно и дельно проповедуешь мне не увлекаться обширностью общего плана, не разделять средств на многие местности и заботиться преимущественно о Иерусалиме. Могу тебя совершенно успокоить насчет этого, любезный друг, потому что я и прежде смотрел на дело подобно тебе, а теперь окончательно убедился в невозмутимости и неудобстве хвататься за три дела разом. Вообще на Востоке так трудно действовать при неимении готовых и огромных средств, что поневоле сбавишь с претензий. Я это знал и прежде, но что я могу откровенно высказать тебе и, конечно, Его Высочеству, того я, к несчастью, не могу откровенно выразить разным органам нашего правительства, т.е. Министерству иностранных дел и Синоду. К сожалению, у нас дела идут так, что с правительством надобно действовать, как с Шукиным двором: при удачной обстановке и поддержке *d'engouement*¹² требовать миллион, чтобы получить 300 тысяч. Так дело мне и удалось; *engouement* был для всего плана действий на Востоке, Его Высочество сам это тотчас понял и принял под свое покровительство программу обширную, действительно достойную нашей роли. Министерство иностранных дел и Синод согласились на все из боязни, чтобы не требовали еще более. *Les questions de principe*¹³ под этою защитою были утверждены, сборы пошли, и все устроилось к славе Божией. Само собою разумеется, что мне, при знании того, чего все это стоило, должно вести дело так, чтобы в главном вопросе был полный, важный успех, который оправдал бы и усилия, и весь дальнейший план. Следовательно, я должен преимущественно хлопотать о Иерусалиме, а не кидаться за мелочными приобретениями в других местах. Самое лучшее доказательство того, как мало я склонен спешить в деле о разных приобретениях на Востоке и разбрасывать расходы по разным местностям, заключается в том, что, имея на себе чистыми деньгами в моем безусловном распоряжении более 40 000 рублей серебром, я до сих пор не истратил ни копейки и буду крепиться до последней крайности.

¹¹ Изучить обстановку на месте (*франц.*).

¹² Всеобщего увлечения (*франц.*).

¹³ Принципиальные вопросы (*франц.*).

Цены везде так бессовестно поднимают при одном известии о моем прибытии, что я принужден был до сих пор объявлять, что я нигде ничего покупать не хочу и ни в чем не нуждаюсь. Пока я собираю сведения и высматриваю, — а совершение покупок предоставлено впоследствии разным агентам официальным и неофициальным. У меня имеются уже теперь драгоценные сведения и материалы для будущего времени. Надеюсь, что я не приеду обратно с пустыми руками, но нынешним годом не отделаешься, и я уже предвижу необходимость послать кого-нибудь в 1859 году до довершения начатого дела. Молю Бога, чтобы траты за путешествие достались не мне.

Одним словом, любезный друг, будь покоен насчет того, что почти единственные усилия мои обратятся на Иерусалим. Я говорю почти с намерением потому, что сколько я ни думаю и ни соображаю, представляется совершенно необходимым немедленно сделать приобретение домов и земель в Кайфе и Назарете. Это дело почти столь же важно, как и иерусалимское, и служит сему последнему необходимым дополнением. Я, вероятно, решусь на это немедленно и сделаю это на свою голову по глубокому убеждению, что я прав или буду прав. Впрочем, этим, кажется, нечего озабочиваться, потому что расходы на Кайфу и Назарет будут очень незначительны; в эту минуту дело сие уладится скоро и легко, сколько мне кажется, а чрез год придется заплатить вдвое, потому что до меня дошло уже сведение, что французы купили что-то в Кайфе и хотят там строиться

Вот единственный побочный расход, на который я решусь независимо от Иерусалима.

3) Кстати о расходах: прошу тебя, любезный друг, перевести немедленно около 50 000 рублей на Константинополь *pour les tenir à ma disposition*,¹⁴ или, что еще лучше, устроить так, чтобы, не переводя денег и не теряя процентов, посольство наше могло доставить мне по требованию вышеозначенную сумму, хотя по частям. Я не знаю, как все это лучше сделать, но знаю, что надобно сделать секретно, чтобы банкиры константинопольские не разгласили о большом кредите, открытом для русских для неопределенной цели. Самое лучшее было бы выслать туда золото в группах червонцами, ибо полуимпериалы в Петербурге дороги (5–38 или 5–40), а в Константинополе курс золотой монеты падает вследствие заключения Фуадом-пашою займа в Европе. Эта мера избавила бы от банкирской огласки и переводных компаний; теперь на этом последнем условии является 5 % неперменной потери. Конечно, при переводе группами золота мы можем потерять проценты и пересылочные, но, кажется, можно было выпросить у государя дозволения получить золото из крепости по казенной цене червонца

¹⁴Чтобы иметь их в моем распоряжении (*франц.*).

(2–97½) и послать оное в Константинополь или в Одессу с нарочным фельдъегерем. Общество могло бы доставить золото в посольство даром, в качестве казенной пересылки. Таким образом, теряя только банковые проценты, мы, по крайней мере, не потеряем на размене кредитных бумаг, а в Константинополе можем производить уплату не рублями, а пиастрами, следовательно, выигрывая на высокой золотой монете.

По этому предмету время еще терпит, следовательно, ты успел бы переписать с князем Лобановым о том, как лучше устроить перевод денег. Переписывайся сам с князем Лобановым, а не с посольством и Бутеневым, потому что Лобанов в Константинополе все, и это лучшее средство сохранить необходимый секрет. Лобанов подготовлен мною и смотрит на все дело очень хорошо. Потрудись сообщить ему о моем мнении; сам напишу ему немедленно о содержании сего пункта моего к тебе письма и буду просить его прямо написать тебе о его мнении насчет перевода сумм.

4) Еще о деньгах: представляю на твое разрешение un cas de conscience.¹⁵ На Востоке трудно, а иногда невозможно устроить дело без взятки, т.е. бакчиша; ты сам мог в этом убедиться будучи в Иерусалиме. В строгом смысле, я не в праве расходовать на бакчиши из сумм, жертвованных на богоугодное дело, а взятки — далеко не богоугодное дело. За сим, так как бакчиши и разовые faux frais¹⁶ совершенно необходимы и в этом нельзя не положиться на меня безотчетно и безусловно, а так как из собственных средств я этого делать не могу, то я все-таки принужден буду расходовать из общих сумм. Мое мнение следующее: жертвованные суммы положены тобою в банк и приносят небогугодный процент (надеюсь 3 %, а не 1½); следовательно, ты мог бы с покойною совестью отдать мне означенный процент на faux frais, сообщив мне о количестве могущих накопиться процентов. Тебе я, конечно, отдам подробный отчет в этих faux frais, но официально этого сделать не могу и не желаю.

Само собою разумеется, что я лишнего не выдам, разве ошибусь, ибо errare humanum est.¹⁷

5) Я совершенно согласен с твоим мнением о том, что мне нет никакого дела до сумм, которые Кирилл получает от государыни императрицы; я буду строго держаться твоих указаний в этом деле, а Кирилл да будет насчет этого покоен. Такая раздельность сумм удобна и для него, и для меня, и дай Бог, чтобы у него было побольше, ибо у него самого явится надобность в больших расходах на мелочные надобности et pour les détails.¹⁸ Еще раз прошу тебя быть уверенным, что между мною

¹⁵ Дело совести (франц.).

¹⁶ Непредвиденные расходы (франц.).

¹⁷ Человеку свойственно ошибаться (лат.).

¹⁸ И на частности (франц.).

и Преосвященным Кириллом не будет ни неприятностей, ни столкновений самолюбия. Я не уступлю ему своей свободы и своего достоинства, но сумею соблюсти и его достоинство; его высокий духовный характер, его ум и личные качества облегчают мне исполнение такого долга, и я отвечаю за то, что я не буду виноват ни в чем. Кстати прилагаю к сему копию с первого моего письма к Кириллу; я имел причины не писать до сих пор; а это письмо служит мне введением в знакомство и в совокупную деятельность. В Петербурге многие лица, а в особенности Министерство иностранных дел, приписывают мне излишнюю пылкость характера и отсутствие скромности; я это знаю и сознаю в том, что в последнее пребывание мое в Петербурге я горячился и мог казаться упрямым. Но я уверяю тебя, что меня заставили часто выходить из терпения ребяческой и мелочной системой противодействия самым простым предположениям; я поневоле горячился, потому что имел пред собою слишком мало времени; надобно было уехать скоро и выиграть дело. Мне очень часто приходилось по убеждению горячиться à froid¹⁹ для того, чтобы не дать потухнуть возрождающемуся огню; я должен был часто выставлять себя за отчаянного пессимиста, потому что при нашем петербургском порядке достаточно немного воскурить фимиам пред властями и показать себя счастливым и довольным, чтобы немедленно увидеть угасание слабого пламени сочувствия и тотчас встретить желание торговаться и сделать меньше, чем просят. Вот почему я ни разу не выказывал, что я доволен тем, что сделали, и постараюсь действовать так же вперед. Я сам надоем и наживу врагов, по крайней мере, дело выиграет.

За границей вся моя горячность давно уже прошла, и, как ты сам видел из моих писем, я весьма доволен, хотя никто еще ничего не сделал в пользу нашего дела. Я доволен более всего знаками полного сочувствия и готовностью помогать в деле общей пользы; поэтому и я очень доволен нашими заграничными дипломатами, и они мною так довольны, что я принужден был останавливать Бутенева в желании посылать обо мне хвалебные песни в Петербург, очень зная, что он мне не принесет этим пользы, а, напротив того, возбудит в Министерстве иностранных дел мысль, что я надул посольство или пользуюсь кредитом Его Высочества. Даю тебе слово, что я совершенно хладнокровен именно потому, что нахожусь в омуте затруднений и знаю, какая лежит на мне ответственность.

б) Соображаясь с теми сведениями, которые ты мне доставил, рассчитываю свой бюджет следующим образом:

1. у меня на руках 40 000 руб. серебром, данных Обществом на условиях бумаги ко мне от 11 апреля № 344, с которой тебе необходимо взять из правления копию;

¹⁹ Хладнокровно (*фр.анц.*).

2. у тебя будет для расходов обзаведения, по крайней мере, 150 000 рублей и, вероятно, наберется еще 10 000 рублей;

3. таким образом, выйдет всего 200 000 рублей на первый год, т.е. на время от 1 октября 1858 по 1 октября 1859 г. У Кирилла есть, кажется, 25 000 руб.; эти деньги избавят меня от расходов на устройство больницы, ибо он уже это дело начал на свои средства. Таким образом, мои 200 000 руб. могут идти полностью на покупку земель и постройки; эта сумма составляет 800 000 франков или 4 000 000 пиастров, а при получении в Константинополе означенных 200 000 золотом, т.е. червонцами 4 266 624 пиастра по среднему курсу 64 пиастра на червонец. Вот что выигрывается на Востоке посредством золота: 266 624 пиастра получается даром, а по расчету 5 пиастров на 1 франк это составляет 53 325 франка. На это можно купить лишнюю землю или дом. Заметь, что, пересылая 200 000 руб. в Константинополь в кредитивах и тому подобным, во-первых, теряется весь лат...²⁰ на золото, а во-вторых, теряется несколько процентов на банкирские комиссии;

4. из 200 000 руб. в течение года будет израсходовано не более 100 000 руб., следовательно, будет еще тысяч 3 или 4 процентов, а надеюсь, что покупка золота не будет стоить ничего; напротив того, казна отпускает червонцы по 2–97½ коп., следовательно, на 66,666 червонцев можно выиграть по 2½ коп. на штуку, т.е. 1666 руб. серебром;

5. как я ни расположен сомневаться в блистательном исходе церковных сборов, однако, если допустить, что ты найдешь-таки средство чрез Его Высочество или лично чрез графа Толстого побудить духовенство, *en style diplomatique en exerçant sur eux une certaine pression morale*,²¹ — можно предполагать, что 35 000 церквей в России могут дать *l'une dans d'autre*²² в течение года рублей 5 на церковь; вот еще 175 000 рублей;

6. сборы чрез губернаторов, к которым Его Высочество соизволил писать лично и циркулярно, должны же дать кое-что: 60 губерний, хотя по 1000 руб. каждая, а это больно мало, вот еще 60 000 руб.; а А.В. Голвнин рассчитывал много на сибирского Муравьева;

7. прибавить следует, что Кокорев обязался и обязан съездить в Иерусалим в 1859 г. и лично сказал мне, чтобы мы в деньгах не затруднялись;

8. стыдно же будет, если наши дворяне богачи — Юсупов, Кушелевы, Демидов, Шереметев, князь Сергей Михайлович Голицын, князь Воронцов, Давыдов-Орлов, князь Орлов, граф Панин, Уваров и т.д. — не дадут великому князю хотя по 1000 руб. каждый; вот еще тысяч 25 000 руб. Впрочем, Николай Кушелев свое дело уже сделал и купил для нас в Иерусалиме место в 5000 руб. серебром;

²⁰ Слово неразборчиво.

²¹ Дипломатично, оказав на них определенное нравственное давление (*франц.*).

²² Одна за другой (*франц.*).

9. наконец, прошу тебя, любезный друг, подробно и серьезно обсудить мысль, выраженную мною <...>²³ о необходимости внесения в Государственную роспись хотя незначительную статью в пользу всего поклоннического дела. Это, по мнению моему, необходимо как принцип, спасающий достоинство нашего правительства, обязанного принимать не бесплодное участие на словах в деле политическом и патриотическом. Важно оно тем, что даст освящение нашим трудам, обяжет Министерство иностранных дел не бросать дела после истощения нынешнего engouement,²⁴ и помогать нам по долгу, а не по снисхождению, и наконец даст возможность по средствам увеличивать статью хотя по тысячке в год. Завоюй, любезный друг, хотя 3000–5000 руб. на первый год.

Все это дает надежду на то, что наше дело обеспечится тем более, что Пароходное Общество будет затрачивать ежегодно сколько нужно на материальную сторону поклонничества. Я совершенно согласен с тобою, что дальнейшие ежегодные сборы разных сортов достаточны будут на поддержание будущих заведений, но это зависит от того, чтобы постоянно продолжали вышеозначенную *pression morale*.²⁵ Конечно, успех в основании заведений сам по себе поможет делу и увеличит доходы.

Я считаю долгом только вперед заявить пред Его Высочеством и всеми моими покровителями, что на основании всех нужных заведений и обзаведение оных невозможно рассчитывать менее 500 000 рублей серебром; это составляет *minimum sine qua non*,²⁶ правда, в течение двух или трех лет. Следовательно, тебе необходимо всеми силами и средствами работать *jusqu'à concurrence de cette somme*²⁷ и далее, ибо новые устройства порождают новые потребности.

Все наше дело таково, что невозможно останавливаться и ограничиваться началом. Чем дальше в лес, тем больше дров. Это доказывает римская пропаганда: бюджеты ее начались пустяками, а теперь дошли до 4 или 5 миллионов франков; они ежегодно возрастают, источники находятся, а от увеличения пожертвований не беднеют ни правительства, ни частные люди.

Весь секрет в увеличении числа копеечных пожертвований и числа копеечных жертвователей. На тузовых даятелей можно рассчитывать разве только в начале.

²³ Конец фразы зачеркнут и плохо читается. Вероятно, должно быть: «в пересылаемом через тебя письме к фрейлине Тютчевой».

²⁴ Всеобщее воодушевление (*франц.*).

²⁵ Нравственное давление (*франц.*).

²⁶ Необходимый минимум (*лат.*).

²⁷ До этой суммы (*франц.*).

7) Насчет архимандрита Порфирия ты также можешь быть покоен, ибо вследствие претензии его²⁸ насчет того, что ему дозволено было отправиться в Иерусалим не иначе, как в моем присутствии, как бы под моею опекою, Порфирий сказал мне на Афоне, что он, может быть, во Святом Граде не будет, ибо не успеет сойтись там в одно время со мною. Так как государю императору благоугодно было лично выразить мне желание, чтобы я предотвратил всякое возможное столкновение между Преосвященным Кириллом и Порфирием, и так как Его Величеству угодно было одобрить мое всеподданнейшее удостоверение о том, что Порфирий без меня не будет в Иерусалиме, то я на Афоне высказал Порфирию немедленно, что я уже не рассчитываю встретиться с ним в Святом Граде, и что так как он там вовсе не будет, то я прошу его комиссий насчет его вещей, в Иерусалиме находящихся. Для большого ограждения я еще письменно отсюда выразил ему, что я считаю его путешествие в Святой Град в сем году невозможным. Я не мог высказать ему все это так бесцеремонно и ясно, как я выражаюсь здесь, потому что мне официально не поручено вести Порфирия с собою; духовное начальство также не говорило об этом Порфирию, но я в Петербурге объяснял ему лично и буквально, что без меня ему не следует быть в Иерусалиме и что того желает высшее правительство. Иначе нельзя было поступать в отношении к духовному сановнику признанного ума. В этом смысле я имел счастье лично докладывать государю императору при всемилостивейше дарованной мне высочайшей аудиенции пред отъездом из Петербурга. Прилагаю к сему выписку из письма моего к Порфирию от 6/18 сентября; если бы он вздумал меня обмануть и явиться в Иерусалим после меня, то он был бы виновен в совершенной *mauvaise foi*.²⁹ Впрочем, во всяком случае между им и Преосвященным Кириллом не может возникнуть неприятностей при нахождении в Иерусалиме консульства нашего. Доргобужинову известно обо всех сих обстоятельствах, и он твердо не допустит никакого столкновения. Преосвященного Кирилла я предварю сколько нужно о всей деликатной стороне дела и успокою его насчет того, что Порфирию строго настрого предписано и подтверждено вести себя так, чтобы Преосвященный Кирилл был им доволен.

8) Относительно письма моего к фрейлине Тютчевой³⁰ можно сказать тебе только то, что ты лучший судья того, что можно сделать и чего нельзя; я не претендую вовсе, коль скоро я обеспечен в том, что ты не исполнил моей просьбы из полного убеждения в неприменимости моей мысли. Я счел долгом испробовать удачи и оградил свою совесть; за тем я вперед удостоверил тебя в том, что спорить и прекословить не буду.

²⁸ Слово зачеркнуто.

²⁹ Недобросовестности (*франц.*).

³⁰ Фраза зачеркнута.

9) Относительно характера Кирилла я тебе очень благодарен за предварение, которое будет мне очень полезно. Я еще не могу судить о нем достоверно, но могу сказать тебе (секретно для тебя одного) положительно, что все учреждение Иерусалимской Миссии произошло неудачно в отношении к формам. Греческое духовенство чрезвычайно недоволено и явно, громко жалуется именно на Кирилла и лично на него, указывая прямо на его высокомерие, честолюбие, властолюбие и на его посягательства насчет достоинства греков. Жалобы эти достигли таких размеров, что Иерусалимский Патриарх поехал в Иерусалиме положительно для того, чтобы умерить Кирилла, изъять местный клир от его влияния, *textuellement pour mettre ordre à l'ambition de l'évêque russe*.³¹ По крайней мере, вот что говорят тому, кто хочет слушать и расспрашивать. Не знаю, что Бутенев доносил об этом в Петербург, но и посольство смотрит на переезд Патриарха как на весьма важное и непредвиденное обстоятельство тем более, что прежде того никакие убеждения не могли склонить Патриарха к поездке в Иерусалим, а теперь он сам решился вдруг и объяснил свой отъезд Бутеневу самыми пустыми причинами. Патриарх дает чувствовать, что его Порта заставляет противодействовать Кириллу и вооружает его против замыслов России; это, конечно, правда и весьма вероятно,³² но Патриарх и греческое духовенство теперь более туток враждебны всяким планам нашим в Иерусалиме; следовательно, теперь является еще более препятствий, чем предполагалось. Прилагаю к сему изложение (приблизительное) одного желчного разговора Патриархов с одним русским лицом; я прилагаю это собственно и безусловно для тебя одного или для Его Высочества одного по секрету, — отнюдь не для сообщения кому-либо другому или огласки в Министерстве иностранных дел и в Синоде. Я это прилагаю как документ *à titre d'information, sous bénéfice d'inventaire*,³³ до ближайшей проверки, потому что я не имею еще права³⁴ вполне доверять тому лицу, которое мне передало о разговоре и которого я назвать еще не могу. Однако многое здесь должно быть правда в особенности потому, что прямо лгать предо мною было невозможно; во всяком случае, главные обстоятельства сего разговора изложены верно и согласно с тем, что я сам слышал. Очень может быть, что греческое духовенство употребляет против Кирилла тактику личных обвинений, чтобы надоесть русскому правительству и отделаться от умного и твердого человека. По крайней мере, вот смысл, который я придаю означенным обвинениям против личности Кирилла, и, зная Кирилла за человека умного и дельного, я

³¹ Буквально для того, чтобы сдержать честолюбие русского епископа (*франц.*).

³² Зачеркнута фраза «но это неправда и невероятно».

³³ Только для ознакомления, с оговоркой (*франц.*).

³⁴ Зачеркнута фраза «не вполне».

не могу не предполагать, что он прав; трудно было и допустить, чтобы он не нажил себе врагов, а этих врагов уже так много, что Вселенский Патриарх принял Доргобужина чрезвычайно сухо. Вообще греческое духовенство очень сердится на Кирилла и на меня, ибо везде дан Патриархами mot d'ordre³⁵ насчет того, чтобы меня остерегаться; это я знаю наверно. Все это ставит меня в положение очень трудное, ибо мне необходимо примирить греков с Кириллом; я сам ссориться не буду, [не] имея и случая, и так привык уже обращаться с греческими монахами, что ни касаюсь ни их, ни себя в отношении к ним. Чтобы короче выразить тебе мнение мое насчет причин и важности нынешнего негодования греков на нас, я тебе скажу то же, что говорил прежде: виноват не Кирилл, а виновато Министерство иностранных дел и Синод, пославшие Кирилла, не обдумавши результатов посылки епископа и не подготовивши ничего для обеспечения достоинства такого лица, которое на Востоке принимается за представителя всей Русской Церкви и которое должно при этом условии быть представителем или не быть ничем.

Кончаю, ибо обо всем этом на письме не переговорить.

Благодарю и обнимаю тебя от всего сердца и крепко.

Б. Мансуров

[P.S.] К сведению я сообщаю тебе, что я вместе с сим послал иностранное донесение великой княгине Марии Николаевне об артистических работах на Афоне, делаемых по Ее повелению. Она Сама просила мне писать ей, а надобность была большая.

Приложение №1

Выписка из письма моего к архимандриту Порфирию
от 6/18 сентября 1858 г.

Послано на Афонскую Гору

Я прибыл сюда вчера прямо из Родоса и около 18/30 сентября полагаю быть в Иерусалиме. Я получил здесь письмо из Санкт-Петербурга, в котором спрашивают о Вас и о Ваших дальнейших планах. Я отвечал согласно с тем, что Вы изволили мне сказать на Афоне, что так как, по Вашим расчетам, Вам нельзя будет поспеть в Иерусалим к тому времени или в то время, когда я там буду, согласно условию определенному между нами в Петербурге, — то Вы предположили в нынешнем году вовсе не быть в Святом Граде.

Кстати, я при этом случае снова прошу Вас, досточтимый отец архимандрит, располагать мною насчет Ваших вещей, находящихся в

³⁵ Приказ (франц.).

Иерусалиме, в полной уверенности, что я сделаю все, что от меня зависит, для избавления Вас от лишних хлопот и расходов и для доставления Ваших вещей куда Вы укажете.

Приложение № 2
Разговор Патриархов Константинопольского Кирилла
и Иерусалимского Кирилла же

Константинопольский Патриарх Кирилл выразил свое неудовольствие на то, что Мелитопольский епископ наш неучтиво поступил с Его Святейшеством: «Обещался писать к нему, и не исполнил своего обещания, несмотря на то, что ему оказан был прием братский!»

Иерусалимский Патриарх Кирилл открыл всю свою душу и поведал те скорби, какие причинены были ему при и по водворении нашей Духовной Миссии в Иерусалиме.

«Ваше Правительство о назначении своего епископа в Иерусалим вело переговоры с Портою, а меня не уведомило заблаговременно; и я уже от Порты узнал ход сего дела; уже она дала мне знать, что ею утверждено пребывание русского архиерея в Иерусалиме, хотя в кодексах ее и не значится, чтобы Россия когда-либо посылала такое сановное лицо в сей город. Нам больно такое пренебрежение достоинством Православного Патриарха. Но что делать: пусть бьют нас по голове!»

«Внезапное посольство русского епископа в Иерусалим привело всех нас в смущение. Мы не могли постигнуть, для какой цели Российский Синод решился нарушить правила Церкви, коими воспрещено епископу чужой области действовать в пределе предстоятеля другой Церкви, ежели мы приняли к себе посланного им епископа, то потому, что принять его приказала нам Порта».

«Соборными правилами и обычаями ограждены права и определены взаимные отношения предстоятелей всех Церквей в предотвращении всяких тревог и смут, какие они могли бы причинять друг другу, действуя самовольно. Все мы должны свято соблюдать эти правила и обычаи. А ваш епископ, при первом появлении своем между нами, нарушил их здесь (то есть в Царьграде), не только епископы, но и мы, Патриархи, не властны отслужить ни одной литургии, не испросив соизволения на то местного архиепископа. Мелитопольский же епископ служил в здешней (константинопольской) болгарской церкви без спроса, как будто приехал в свою епархию. Вселенский Патриарх извинил бы такой поступок молодостью и неопытностью Преосвященного Кирилла; но так как при нем находился архимандрит Григорий Веглерис, грек и вдобавок цареградец, которому очень хорошо известны здешние обычаи и уставы, то в поступке, о котором говорится, усмотрено было

неуважение к преемнику св. Иоанна Златоустого, неуважение свойственное людям, привыкшим действовать везде по праву сильного. Впрочем, архимандрит Григорий извинился пред Его Всесвятейшеством вместо епископа Мелитопольского».

(Патриарх не сказал, что и как этот архимандрит говорил в извинение.)

«Когда епископ Мелитопольский явился ко мне, — продолжал Патриарх, — тогда первая речь моя к нему была о том, чтобы он сообразовался с установленным порядком богослужения в храме Воскресения Христова. Этот храм, — говорил я ему, — не принадлежит русским, и потому священнодействуйте в нем вместе с нами, по нашему уставу и в наши часы, а не как-нибудь иначе, и не тогда, когда вздумается. Ему надлежало бы помнить мой совет, но он забыл его».

«В прошедшую неделю Православия наместники мои неблагоразумно дозволили ему одному служить литургию в Воскресенском Храме: а он необдуманно воспользовался дозволением их. Что же вышло? Я, ни в чем не виновный, я от Порты получил выговор за предоставление первенства на святых местах русскому епископу, не имеющему никакого права на это; да и греки недовольны были предпочтением меньшинства русских богомольцев большинству прочих благоговейных поклонников».

«В Великий Четверток епископу Мелитопольскому вздумалось прочесть Страстное Евангелие на Голгофе; и он, собрав своих соотечественников, пошел с ними в храм в минуту, когда латинский Патриарх Валерга выходил оттуда по окончании своей службы.³⁶ Французский консул немедленно уведомил об этом пашу, и требовал, чтобы русский епископ устранен был от священнодействия на Голгофе в такие часы, когда и греки не служат там и читают Страстные Евангелия вне храма (на площадке).³⁷ Добрый и благоразумный паша помедлил исполнением сего требования; и Страстные Евангелия были прочтены Преосвященным Кириллом. Но я, ни в чем не виновный, получил выговор Порты за смуты, какие он учинил на святом месте».

«Судите сами о положении, в какое ставит меня епископ Мелитопольский. А я откровенно скажу Вам, что Россия, в настоящих обстоятельствах, должна действовать здесь благоразумно и осторожно».³⁸

Патриарх прибавил следующее: «Когда г. Бутенев изъявил мне удовольствие за удобное помещение русского духовенства в Архангельском

³⁶ Помета на полях около этого предложения: «Тут Патриарх неправ, ибо Преосвященный Кирилл просил дозволения у латинов чрез греческих наместников и получил оное».

³⁷ Помета на полях: «Вот где отступление от греческого порядка».

³⁸ Помета на полях: «Каков урок!».

монастыре и в построенном для Вас (то есть для русских) доме, тогда я смело сказал ему следующее: “Вы довольны, а я очень недоволен тем, что епископ Мелитопольский требует себе ключи от Архангельского монастыря”. Бутенев возразил мне: почему же он не мог бы иметь тот ключ, который вручен был архимандриту Порфирию? А я отвечал: Порфирий был архимандрит, а Кирилл епископ!»

Приложение №3
Копия с письма Б. Мансурова
к Преосвященному Кириллу

Бейрут

6/18 сентября 1858 г.

Ваше Преосвященство, милостивый архипастырь.

В.И. Доргобужинов прочел мне те строки Вашего письма, в которых заключается знак столь благосклонного Вашего ко мне внимания, и я спешу принести Вам, Преосвященный Владыко, изъявление искреннейшей моей признательности. Я действительно виноват пред Вами в том, что так долго заставляю себя ждать в Иерусалиме, но я надеюсь и уверен, что, выслушав меня, Вы оправдаете медленность моего путешествия и убедитесь в том, что мне невозможно было распорядиться иначе. Наконец мы вчера достигли Бейрута, и это удалось мне так скоро потому только, что я из Родоса направился прямо сюда, минуя порты Карамана, в которые мне нужно было зайти. Мы спешим теперь, по мере сил, но ранее 18/30 сентября едва ли придется нам получить Ваше благословение, ибо нам надобно пробыть в Бейруте дней пять или шесть, а затем отделить дня три-четыре вообще для Кайфы, Назарета и Яффы.

Скорее мы распорядиться не можем, потому что В.И. Доргобужинов доканчивает в Бейруте изучение своего нового консульского поприща, <а я не хотел оставить>³⁹ за собою портов не исследованных потому, что располагаю остаться в Иерусалиме около двух месяцев и оттуда прямо воротиться в Россию.

Меня самого давно сильно тянет в Иерусалим потому, что там находится гордиев узел всего предпринятого дела и там заключаются как все условия успеха, так и все предвидимые препятствия. Я нем и бессилен, пока я не сойду с Вами, Преосвященный Владыка, без Вас я ничего не могу и не должен предпринимать; посему я до сих пор только собирал все возможные сведения и материалы, чтобы на Ваш суд отдать и мое мнение, и те предположения, которые родились у нас после отъезда

³⁹ Текст находится на сгибе листа, восстановлен публикатором.

Вашего из России. Меня вполне успокаивает та мысль, что все наши предположения, хотя и созданные вдали от Вашего Преосвященства, должны быть согласны с Вашим воззрением потому, что цель у нас одна и даже нет выбора в отношении средств, нужных для достижения оной. Поэтому я совершенно уверен в том, что Вы удостоите наши старания Вашим пастырским одобрением.

Я читал как в Санкт-Петербурге, так и в Константинополе всю в высшей степени занимательную переписку Вашего Преосвященства и вынес из сего чтения то отрадное убеждение, что наше святое дело получило уже в руках Ваших самое достойное и лучшее направление. Все зависит от средств, которыми можно будет располагать, и в этом отношении я надеюсь быть Вам небесполезным помощником. Ваше дело, Владыко, будет указывать, разрешать и направлять, мое — исполнять и действовать согласно с Вашими видами и со средствами. С учреждением в Иерусалиме достойного русского консульства это дело исполнения во многом облегчится и вступит в порядок нормальный.

Будучи в Константинополе в конце минувшего мая и несколько раз потом из России, я просил наше посольство, князя Лобанова в особенности, выразить Вашему Преосвященству, до какой степени я обрадован был, услышав, что Ваши личные старания почти довели до успешного результата предположение о приобретении в Иерусалиме очень удобного и выгодного места для постройки странноприимного дома и пр. Сначала, правда, мы не знали, где именно находится это место и сколько на это потребовалось бы расхода, также на какие суммы Вы изволили полагать отнести оные; но случайное свидание мое в Одессе с г. Митьковым дало мне некоторое объяснение на эти вопросы. Я еще более порадовался, узнав в чем дело, и тогда же просил князя Лобанова передать Вашему Преосвященству, что начатое Вами дело согласно с условиями возложенного на меня поручения, и что все мои средства вполне к Вашим услугам. С тех пор мне уже было неизвестно, чем означенное дело кончилось, но я смею надеяться на то, что оно получило благополучный исход.

Еще раз покорнейше прошу Вас, Преосвященный Владыко, удостоить меня Вашею дорогою благосклонностью; я надеюсь заслужить Ваше расположение, столь нужное и для меня, и для успеха, и прошу Вас видеть во мне помощника усердного, почтительного и откровенного.

Принося Вам повторительное изъявление всей благодарности моей за милостивое попечение о моей квартире, пользуюсь сим случаем, чтобы засвидетельствовать Вашему Преосвященству чувства глубокого почтения и полной преданности Вашего, Преосвященный Владыко, покорнейшего слуги

Б. Мансуров

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Яффа

15/27 сентября 1858 г.

Любезный друг Оболенский, спешу уведомить тебя в двух словах, что я сегодня утром прибыл в Яффу благополучно, хотя после трудного плавания. С нами все, Доргобужинов, Мухин, минус Порфирий, как я тебе о том писал.

Был я в Кайфе и Назарете; здесь остался очень доволен; будет и хорошо, и дешево. На оба пункта я не полагаю потратить более 10 тысяч руб. серебром.

Послезавтра я буду в Иерусалиме, как полагал, и оттуда буду тебе писать. Слава Богу, я наконец кончил почти двухмесячное трудное путешествие.

Обнимаю тебя от всей души.

Искренне преданный
Б. Мансуров

[P.S.] Дай знать Головнину и донеси Его Императорскому Высочеству о моем приезде в Палестину.

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Иерусалим

19 сентября/1 октября 1858 г.

Любезный друг Оболенский, спешу уведомить тебя, что я прибыл сюда третьего дня вечером, видел Преосвященного Кирилла, сразу в него влюбился и чрезвычайно доволен приемом, которым он меня почтил. Кажется, мне нетрудно будет уладиться с нашим епископом, несмотря на особенности его характера, именно потому, что я откладываю в сторону всякое самолюбие и готов предоставить ему всю заслуживаемую им честь и славу. Для меня совершенно достаточно сознания, что я помог чем-нибудь общему делу. На поверку выходит, что нечего раскаиваться в том, что я прибыл сюда позже, чем желали. Напротив того, вышло лучше. Самое главное то, что я застал здесь Иерусалимского Патриарха. Все, что я писал тебе о гневе сего последнего на Россию и на Преосвященного Кирилла — оказалось истинною; но виною тому был не Преосвященный Кирилл, а страшные интриги всех против нас. Слава Богу, что Патриарх решился тотчас сам ехать в Иерусалим, он приехал грозный, с явным намерением объявить войну Преосвященному

Кириллу, теперь он сам сознается, что его напугали напрасно, что не за что было сердиться и что русские зла не делают. Честь успокоения Патриарха принадлежит вся Преосвященному Кириллу; если осталось еще в Патриархе недоверие, то оно со временем изгладится. Будь покоен на мой счет, ибо я сам успокаиваюсь. Ты совершенно прав в оценке Кирилла, сколько мне кажется. С ним не очень легко, но можно поладить; однако, я бы очень-очень желал, если можно, выпросить у Его Императорского Высочества письмо обо мне к Преосвященному. Кстати, сей последний очень сетует на то, что он не получил от великого князя первого и второго издания моей книги, тогда как он много об этом слышал и не понимает, почему ему не сообщили того, что для него именно нужнее, чем всем другим.

Надеюсь, любезный друг, что Преосвященный Кирилл будет мною доволен, но надобно меня поддерживать.

Мы по шею в торжествах устройства консульства; приняли нас все удивительно хорошо.

Обнимаю тебя от всей души.

Б. Мансуров

7

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Иерусалим

30 сентября/12 октября 1858 г.

Едва успеваю сказать тебе, любезный друг Оболенский, что здесь все благополучно, мы с Преосвященным Кириллом в ладах и напропалую кокетничаем друг пред другом. В существе мы согласны в мнениях; дело, кажется, пойдет, но, видно, страшно подняли Кирилла против меня и нас всех. Ему написали из Санкт-Петербурга такую чушь, что смешно слушать, как он о том рассказывает.

Что-то он теперь обо мне пишет? Дело о странноприимном доме идет, кажется, хорошо; 1/13 ноября я думаю отправиться в Константинополь за фирманами, а к 1 января прошусь у Его Императорского Высочества в Париж на свадьбу брата.

Обнимаю тебя крепко.

Б. Мансуров

[P.S.] Следующей почтой напишу тебе подробно.

Иерусалим
№ 75

6/18 октября 1858 г.

Любезный друг Оболенский, ты ждешь, вероятно, с нетерпением подробных известий от меня, но до сих пор я решительно не мог писать к тебе подробно потому, что дел было и есть страшно много и надобно было сперва осмотреться и посообразить, в чем дело.

Начну исторически:

Пр. Кирилл был страшно предубежден против меня, в чем мне сознался сам, так что он видел во мне личного и систематического врага и подобное невыгодное суждение обратил и против второго (секретного же) издания моей брошюры, которую он секретно получил от Т.Б. Потемкиной, хотя в Петербурге строго настроено желали, чтобы это издание не попало за границу. С обычным своим многоглагольством (*on aime à faire ce que l'on fait bien*⁴⁰) он открыто и публично отзывался о том, что я неосторожно и малоосновательно опубликовал личные впечатления о Иерусалиме, почерпнутые из шестинедельного там пребывания. Все, что говорили против меня и моей записки в Петербурге, нашло верный отголосок в Кирилле, и, между прочим, он явно высказывал (и письменно в Санкт-Петербург) выражал мысль, что мы ведем дела Церкви на буксире Пароходного Общества для выгод компании и т.д. И он, умный человек, не понял того, что иначе нам действовать было нельзя, как выставляя безвредную для всех ширму Общества.

Может быть, не следовало русскому архиерею гласно пред простыми путешественниками осуждать таким образом меры, которые были официально одобрены правительством, тем более что известно было о том, что я по высочайшему повелению отправляюсь опять на Восток; но все это дело прошлое; я об этом говорю только для того, чтобы очертить положение вещей, и потому, что все вышеизложенное есть истина, сообщенная мне лицами, слышавшими сами такие отзывы Преосвященного Кирилла, прибавлявшего за неделю до моего прибытия, что он изучил мою книгу и при случае, если он будет мною недоволен, готов разбить меня до совершенного послушания. Спешу прибавить, что эти сведения дошли до меня в течение сих двух недель положительно, а вкратце еще до прибытия в Иерусалим.

Я, конечно, не обратил на все это никакого внимания. На первых наших встречах расточены были нами обоюдно всевозможные чары любезности; Преосвященный Кирилл в этом деле остер, я старался

⁴⁰ Все любят делать то, что у них хорошо получается (*франц.*).

от него не отстать, и мы так были взаимно милы друг к другу, что все окружающие говорят ему и мне, что мы влюблены взаимно. До сих пор между нами не было ни облачка, ни спора, ни недоразумения, ни несогласия, мы постоянно смеемся, видимся всякий день по 4 и 5 часов кряду и беспрестанно поражаемся тем, что ни у одного из нас нет ни одной мысли, которую бы всякий не имел прежде в душе и уме. Во всех действиях наших в отношении к настоящему делу приобретений и построек мы до сей минуты так согласны, что все идет как по писанному. Я должен отдать Преосвященному Кириллу справедливость в том, что он очень умело понимает дело, имеет правильные понятия, если он думает то, что мне говорит; он мне не мешает ни в чем, а я, конечно, в его дела не суюсь. Я до сих пор не делал ни одного шага, не предварив Преосвященного, и на все, что я предполагал или предполагаю, всегда получал от него изъявления самого полного согласия, так что все мои мысли и намерения получили от него явное, полное одобрение и благословение.

Я ему откровенно и подробно выяснил, что я совсем не того мнения, чтобы нужно было строить в Иерусалиме странноприимный дом, госпиталь, церковь и монастырь в виде коммерческих заведений, что Общество нужно нам для этого потому, что оно привозит поклонников и что оно нам даст деятелей и средства, которых правительству дать не может, что строить и покупать чрез дипломатов неудобно, а чрез монахов и архиерея не совместно ни с их обязанностями духовными, ни с достоинством Церкви, для которой должен хлопотать мир, что иначе начнется в Иерусалиме война против Миссии, которую все должны уважать как пастырей, а не как покупателей и архитекторов, что без Общества не нашлось бы ни казенного жалованья для меня, хранителя и распределителя планов и сумм, ни архитектора, ни даровых агентов для снабжения заведений всем, что нужно будет, что все делается для пользы Миссии и для возвышения достоинства архиерея, для обеспечения поклонников и для создания архиерею того, чего у него нет, паствы, которую он может и будет управлять духовно-полновластно, что не только никто не хочет посягать на его власть и достоинство, но, напротив того, консульство существует для защиты его власти от турок и иноверцев, для избавления архиерея и Миссии от светских дипломатических столкновений и для поставления архиерея еще на большую высоту.

Все это было выражено в двадцати разговорах и всегда, когда дело касалось личного положения Преосвященного Кирилла, который, в существе, хочет быть и дипломатом, и архиереем, и строителем, я выражался так мягко, так почетно для него, что, как я выше говорил, он не только ни разу не возражал и не изъявлял сомнения или не полного удовольствия, но, напротив того, двадцать раз говорил мне, что он

душевно жалеет, что не знал меня прежде, что все виноваты сплетни, что я совершенно прав, что теперь вдвоем мы поведем дело прекрасно, что он не желал бы, чтобы я уезжал и что теперь он совершенно доволен, покоен и рад.

Все это мне выражалось Преосвященным Кириллом гласно, при свидетелях, повторительно, настоятельно. Одним словом, как выше сказано, между нами нет еще и, надо думать, не будет до моего отъезда ни облачка, ни тени, а будут продолжаться изливания самые нежные.

Вследствие настоятельной просьбы Преосвященного Кирилла я дал ему прочесть первое издание моей брошюры, которое до сей минуты у него, и по этому случаю явилось первое обстоятельство, в котором выразилось то, что трудно мне поверить вполне архиерею, несмотря на все его любезности. Я знал, что он читал наверное второе издание (также секретное), ибо он давал оное читать о. Ювеналию, который сам мне это говорил по секрету, прибавляя, что Преосвященный получил книгу секретно и давал ее секретно. Я осторожно спрашивал Владыку, не читал ли он уже чего-либо подобного, кроме опубликованной брошюры, и он мне два раза отвечал: «Даю Вам слово, что я не читал». Это меня крайне удивило потому, что он мог мне признаться в противном, хотя и не указывая, от кого получил книгу. По проверке оказалось, что он положительно читал второе секретное издание и отправил оное обратно в Петербург. Такое скрывание истины архиереем меня очень удивило, но я оставил дело так, ожидая, что будет, при чем я остаюсь и теперь.

Положением нашего дела я так доволен ныне, как нельзя лучше. Преосвященный приготовил земли и людей, с которыми надобно действовать. Ему положительно обещали, он взял на себя доведение обещания до контракта, так что мне уже не пришлось искать участков, и затем, если его не обманут и если его уверенность в успехе не есть только знак неопытности и доверия к комплиментам, то дело уладится очень хорошо, хотя дорого. Начав дело сам, Пр. Кирилл просил меня уже не показывать моего участия в покупке земель, дабы не возвысить цены, на что я очень охотно согласился; таким образом, за ходом сего дела о покупке участков я следил и знаю только чрез Кирилла и сам я ни с кем об этом даже не говорил и не поверял никого. Преосвященный так положительно взял на себя успех начатого им до меня дела, что мне оставалось только радоваться, ждать и заняться с архитектором Эппингером планами и соображениями, что я и делаю до сей минуты.

За сим начинаю закулисную историю, происходящую, как всегда, от окружающей среды — *entourage*.⁴¹

⁴¹ Окружение (*франц.*).

Отцы Ювеналий и Леонид приняли нас с сердечною радостью и, конечно, нас обворожили. Ты знаешь уже, любезный друг, что они оба недовольны были архиереем за то, что он их не употребляет ни на что, ничего им не доверяет и держит прямо как послушников. Леонид положительно хотел оставить Иерусалим и уже подал об этом прошение Владыке. И его, и Ювеналия мы нашли весьма недовольными архиереем. Оба они знали о дурном впечатлении Владыки в отношении ко мне, слышали о том, что я будто бы пользуюсь в Петербурге большим кредитом, питаю враждебные чувства к архиерею и еду в Иерусалим с желанием и возможностью забрать его в руки и переделать в Миссии все, что нехорошо. Оба хорошие, достойные и высоко христианские отцы увидели в этом возможность опереться на меня и на консульство, чтобы изменить свое положение, как им того хотелось, и поддерживались в своих надеждах сплетническими дамскими и недамскими письмами из Петербурга, откуда им писали, что враги Преосвященного Кирилла сильны и ожидают посредством меня найти случай вызвать его в Россию. Сам Кирилл, раздраженный неизвестностью о моих поручениях, подкрепил в них мысль о его слабости, ибо часто неосторожно и желчно выражал, что если ему присылают обер-прокурора для Миссии, то он бросит Иерусалим. По всем этим причинам первые любезности отцов Ювеналия и Леонида обратились вполне на нашу сторону, и хотя я с первых разговоров объяснил Преосвященному Кириллу, что я приехал помогать, а не мешать, однако зная, что у отцов Леонида и Ювеналия есть в России большие связи, и, между прочим, что Ювеналия сильно поддерживает Н.Н. Мальцова, которая с женскою простотою готова ратовать и против Кирилла, и пользуется в глазах Владыки огромным влиянием при Дворе, — то Преосвященный Кирилл очень озаботился возможным полным переходом Леонида и Ювеналия на нашу сторону будто бы против него.

Я с самого начала узнал и понял тактику обоих отцов, но будучи убежден, что в освобождении епископа от сплетен подчиненных, единстве и свободе его власти, и удержании подчиненных от сплетен и жалоб на начальника заключается единственное условие успеха и достоинства нашей Миссии, я (не говоря и не выражая ничего отцам Леониду и Ювеналию) стал прямо на сторону Преосвященного и только частыми разговорами с ним (вовсе не касаясь отцов) и менее частыми с отцами и удалением себя от выслушивания их жалоб, бессознательно (ибо я все узнал после) отнял у них надежду на поддержку против епископа.

Случилось, между прочим, что о. Ювеналий просил меня об одной вещи, по-моему неудобноисполнимой, и из этого вышло у него убеждение, сообщенное о. Леониду, что я передаюсь на сторону Владыки против их. Доргобужинов держался в отношении к епископу так же, как и я, и я надеюсь, что ты понимаешь необходимость сего, и вследствие сего

отцы Леонид и Ювеналий поколебались в доверии к нам, не объясняя себе еще хорошо, почему бы случилось так, что я, враждебный архиерею по общим толкам, явился в Иерусалиме иным?

Против существа факта, т.е. того, что я стал явно на сторону архиерея, даже не сознавая того, что я этим действую как будто против иеромонахов, кажется, нечего и возражать. Это было согласно и с политикой, которую я должен наблюдать в отношении к Преосвященному Кириллу, и с выгодой дела, и с моим убеждением о необходимости явно и твердо поддерживать власть начальника даже в ущерб подчиненным, если бы это случилось. За сим, чего же больше было желать Преосвященному? Кажется, нечего. Самолюбие его было соблюдено, власть уважена, сплетничанию, даже бессознательному, добродушному, положен предел. Преосвященный этим не довольствовался: опасаясь, как я говорил выше, что отцы Леонид и Ювеналий не написали в Петербург жалобных писем против него, и не желая, чтобы Леонид оставлением Миссии не возбудил предположения о несносности характера его, Кирилла, и опасаясь, из недоверия ко мне, чтобы они не нашли во мне ходатая и поддержки, Преосвященный, убедившись из моего поведения, что пока ему нечего меня страшиться, вследствие известной тебе и сродной его хвастливости, начал напропалую любезничать с отцами Леонидом и Ювеналием, убедил первого отсрочить отъезд в Россию, успокоил второго в вопросах самолюбия, обещая сделать его начальником будущей где-то Миссии, а обо мне стал говорить: что он пока мною доволен, но что мое личное служебное положение в Санкт-Петербурге в последнее время сделалось очень шатко, ибо и великого князя довели до скуки заниматься Иерусалимским делом, что он, Кирилл, держит меня совершенно в руках и заставит меня самого отказаться письменно от убеждений, выраженных в моей книге, — что в Министерстве иностранных дел я имею так мало кредита и поддержки, что я сам говорил ему, Кириллу, что ему стоит написать вообще в Петербург десять строк против меня и заставить вызвать меня из Иерусалима, что я так подлачиваюсь под его, Кирилла, только потому, что от него зависит испортить мою карьеру, и что он более меня не опасается, ибо держит надо мною Дамоклесов меч, и тому подобное в этом духе. Затем в отношении к консульству и Доргобужинову Кирилл развивал такую же тему: что я вожу Доргобужинова за нос, что сей последний есть нуль по характеру, что консульство должно быть покорным слугою его, архиерея, и будет плясать по его дудке, что сто́ит только всех нас держать в руке, и т.д.

Все эти милые речи передавались нам *tout chaud*⁴² сперва, чтобы узнать правда ли, а потом — в виде соболезнования в убеждении, что архиерей прав и знает, как есть.

⁴² С пылу, с жару (франц.).

Кто не знает Преосвященного Кирилла, его странной для умного человека хвастливости, легковёрности, склонности говорить много и очень неумеренно, страшного его самолюбия и властолюбия, тот никак не поверит, чтобы умный и дельный иерарх мог говорить такие пустяки только для того, чтобы приласкать двух иеромонахов и поставить их на свою сторону. Ты знаешь, любезный друг, до какой степени Кирилл словоохотлив и неумерен в речах; с другой стороны, ты знаешь, как святы, добродушны и честны Леонид и Ювеналий. Эти чудные люди, достойные всякого уважения, бессознательно обратились в источники всяких толков и сплетен в Иерусалиме; они желают только добра всем и рвутся из ревности послужить делу иначе, нежели отправляя ежедневно утрени и обедни. Их невозможно не любить и не уважать, но они просто дети в вопросах житейских и дипломатических, гнет Преосвященного Кирилла смущает спокойствие их духа, а нервная, лихорадочная особенность иерусалимской жизни выводит их из своего характера.

Таким образом, все мои старания ладить с Преосвященным Кириллом для успеха дела, полное пожертвование с моей стороны всякого самолюбия, забвение с моей стороны того, что мне Миссия одолжена заботами Петербурга о ее отношении и обогащении рядом заведений, готовность моя дать Кириллу всю честь и всю славу, лишь бы сделать дело, — все это объяснилось в голове Кирилла рядом изложенных умствований, которые он счел нужным тут же передать подчиненным, коих он сам держал в черном теле и отстраняет до сих пор от всякого серьезного дела

Само собою разумеется, что все это меня не сердит, не огорчает; я в гораздо большем готов отдать свое самолюбие в жертву, следовательно, в этом случае мое самолюбие не обижается. Мне стыдно и смешно было бы смотреть на это с такой точки зрения. Что мне больно и досадно — это проявление такой недоверчивости, такая страшная двуличность и совершенное непонимание Кириллом того, что наше общее дело слишком высоко, честно, национально и важно для того, чтобы не решиться отложить всякие вопросы личностей.

Я посмотрю теперь, что он сделает по изучении моей брошюры и поднимет ли он на меня перо из-за теоретических зрений и для критики такого труда, который принадлежит прошедшему и сделал уже свое дело. Его целью должно было отнять у меня достоинство поборника нашего дела, доказав что я ошибался во всем, возбудить на меня un Blâme général⁴³ за мои мнения и действия, и, воспользовавшись уже помощью, которую мне удалось ему же сделать, очернить орудие этой помощи, а всю будущую деятельность обновить в его смысле (может быть, в моем же по существу) и затем приписать все себе одному. Опять повторяю,

⁴³ Всеобщее порицание (франц.).

что вопрос самолюбия для меня не существует; мнением Министерства иностранных дел и Синода я вовсе не дорожу, я дорожу только мнением великого князя и тех, кого я люблю и уважаю, поэтому только я и упоминаю обо всех этих сплетнях.

Преосвященный Кирилл с первого раза меня просто обворожил; я и теперь признаю в нем большие достоинства, которые редки в наших духовных лицах; но зато он имеет все недостатки умных, возгордившихся семинаристов. Ты был совершенно прав, когда говорил, что он смотрит настоящим генералом; лучше невозможно было его сравнить; просто генерал из семинарии, но вдобавок — генерал, слишком рано выскочивший в сей чин, занятый преимуществами одного, боящийся везде потерять свое достоинство, постоянно напоминающий свое величие и не отрадовавшийся еще своему сану. Это генеральство так его забавляет, что часто бывает смешно. Вместе с тем Преосвященный Кирилл чрезвычайно умен, учен и ловок в обращении с чужими. Он мягок в формах, но заносчив, хвастун, каких очень мало, вечно говорит о себе, о своих острогах, ловкостях и успехах; видно, что он при рассказе об острогах своих — тут же сочиняет их *après coup*,⁴⁴ всех он отделал, отщелкал и никого не пожалел; на словах он очень смел, а на деле боится и начальства, дающего ордена, и Потемкину и Мальцову.

Преосвященный Кирилл имеет большие достоинства: он природно умен, образован, ловок, представительен, знает свое и служебное дело прекрасно, известен чистотою жизни, решителен и тверд в действиях, не вязнет в убивающих душу формальностях, способен писать откровенно в Петербург, если чувствует себя в милости, совершенно понимает грустную и дурную систему духовного управления, имеет в этом деле правильные понятия, оценивая весь вред обращений из духовенства безвыходной касты, — говорит прекрасно и пишет хорошо, и, кажется, в состоянии взять на себя ответственность в деле важном. Он чрезвычайно интересен в разговорах о духовных делах России и выражает в этих вопросах идеи широкие, современные, хотя является поклонником восстановления в России Патриаршества и желчным противником обер-прокурорства; он вообще защитник *de l'omnipotence de l'église*⁴⁵ и движим, кажется, ревностью и желанием возвысить наше духовенство.

Не достает в нем одного главного: любвеобильной, христианской, пастырской души, теплоты сердца и тех высоких воззрений о Церкви и о Православии, той теплой православной политики, которые исходят не из одного ума, а из сердца. Самолюбие и властолюбие его всегда самоличные; он не думает о Церкви, а о духовенстве; относительно

⁴⁴ Задним числом (*франц.*).

⁴⁵ Всемогущества церкви (*франц.*).

Востока его занимает не торжество Православия и Русской Церкви, а лично его победа над греками; в успехах Миссии в Палестине он ищет невольно и инстинктивно своего собственного торжества, поэтому-то он и не хочет позволить никому — ни посольству, ни мне, ни консульству — принять участие самостоятельно в этом торжестве, а хочет достигнуть его сам. Он чувствует, что не может достигнуть сего один, он готов воспользоваться помощью, но с условием, чтобы эта помощь была им потребована. Он еще достаточно неопытен, чтобы думать, что можно делать все самому, не доверяя никому; разделение труда в духе добросовестного сердечного единства он не понимает, ибо по инстинкту опасается найти в других желание превзойти над ним, подобно тому, как он чувствует за собою такой грешок. Если бы у него было поболее души и теплоты сердца в политико-религиозных убеждениях, он бы верил, что мы желаем ему помогать не из крестов и чинов, а из любви к делу; он бы не был постоянно занят опасением, что я готовлюсь ему вредить и стеснять его свободу, что консульство уменьшит его значение в Иерусалиме, что мы хотим ограничить его роль только служением в церкви. Он бы не старался отыскивать оружие против нас и верил бы в нашу добросовестную преданность делу, в наше убеждение о необходимости возвысить Миссию и его самого. Теперь половина времени Преосвященного Кирилла, вероятно, употребляется на защиту против наших возможных посягательств, на разузнавание о наших словах и действиях, на доведение нас самих до неосторожного высказывания скрытых намерений.

В настоящее время Преосвященный Кирилл так занят желанием подчинить себе греков, что этому желанию приносит в жертву миролюбие и характер духовных отношений к Патриарху и членам Синода; он убежден и беспрестанно говорит, а, вероятно, и пишет в Петербург, что греки его страшно боятся, а арабы, народы и прочие его обожают; он так верит в свою популярность, что бывает странно слышать его о том удостоверения, когда видишь с другой стороны много противоречащего, и когда знаешь, что значит здесь любовь и чем она поддерживается и покупается. Конечно, арабы и прочие его любят и на него надеются, но такое чувство они переносят на всякое лицо, берущее их сторону против греков, в частности на все русское, от которого ожидают Бог знает чего. Доверия у греков Преосвященный Кирилл далеко не имеет, потому что он перешел в отношении к ним к крайней противоположности в сравнении с прежнею грекофильскою системою и с смешными чувствами, которые наш Синод и граф Толстой питает к восточным клирам. Дружеских бесед и отношений между Преосвященным Кириллом и греками почти не бывает или очень редко: разговоры и сношения всегда обуславливаются просьбами, требованиями с критикою и напоминаниями. Все это пройдет, когда

Преосвященный Кирилл попривыкнет к своим лаврам и поймет на деле их значение; он смягчится потому, что довольно умен, чтобы постичь необходимость сего; он умом своим поймет и на деле увидит, что нечего спешить приобретением популярности, что не нужно носить явно вывески покровителя арабов против греков, что нужно сперва ужиться с греками, выказать им покой и желание укрепить Церковь, а что потом придет время, когда можно будет прямо действовать на арабов и поддерживать их против притеснителей.

Я сужу Преосвященного Кирилла совершенно хладнокровно, потому что не имею к нему никаких претензий и совершенно доволен его внешним поведением в отношении ко мне и пока в отношении к делу построек и обзаведения. Я сознаю, что несмотря на недостатки, коими всякий человек богат по немощи, выбор Преосвященного Кирилла был удачен потому, что вряд ли найдется в России подобный ему архиерей; надобно дать ему пообогатиться жизненною опытностью, ибо он из келейной, ученой жизни прямо перенесен был на поприще политическое, где всякий шаг важен; главное, надобно дать ему успокоиться; нравоучениями ему не поможешь; пускай действует сам и обожжется раза два; больших ошибок он не сделает, он даже оправится и вывернется из ошибки сам, благодаря своему уму; консульство, с своей стороны, будет служить ему умеряющим началом. Для него самого и для дела вредно то, что Петербург в него влюблен, готов рукоплескать ему во всех мелочах, готов ставить на ступени величия все мелкие жизненные обстоятельства, о которых он переписывается с Т.Б. Потемкиной и подобными; одним словом, вредны для него *engouement*⁴⁶ наших набожных дам и князя Горчакова, который видит в нем свое творение, своего ученика и свою единственную надежду для Востока. Смешно мне припомнить, что князь Горчаков характеризовал мне Кирилла следующим образом: «C'est un homme remarquable par son esprit, son extrême modestie, et la douce timidité de son caractère; il est tout à Dieu et le seul défaut, que je lui connaisse, c'est sa candeur; je crains d'être obligé de le pousser pour agir, mais malgré cela j'espère le former en le bien dirigeant». Tout cela est textuel.⁴⁷ Вот как наш министр иностранных дел сумел понять человека не молчаливого по натуре. Разве Кирилл прикинулся тогда агнцем?

⁴⁶ Увлечение (*франц.*).

⁴⁷ «Это человек, выдающийся по своему характеру, своей крайней скромности и мягкой робости характера, он полностью принадлежит Богу и единственный недостаток, который я за ним знаю, — это его наивность; боюсь, мне придется подталкивать его, чтобы он действовал, но, несмотря на это, я надеюсь, что он всему научится под моим руководством». Так буквально он и говорил (*франц.*).

Пора мне, однако, кончить статью о личностях. В заключение могу повторить тебе, любезный друг, что на деле я Преосвященным Кириллом очень доволен; не думаю, чтобы я сам верил в совершенный закат моей звезды, ибо на деле он этого не выражает. Он соглашается со мною всегда, легко уступает моим указаниям и советам и, когда мне случается выражать их в виде мнения, не противодействует мне ни в чем; напротив того, без меня и моего ведома он еще ничего не делает, вполне оправдывает мои политические воззрения на Восточное Православие и на средства, коими можно и должно достигнуть нашей политической цели. Повторяю, что до сих пор между нами не было ни спора, ни недоразумения, ни несогласия, напротив того, изливания любезностей, дружной и искренней любви до сей минуты не исчерпаны. Четверть часа тому назад он от меня вышел, и мы сошлись и расстались как самые лучшие друзья. У нас нет недоразумения даже в отношении к суммам; он готов ответить за меня, что уже и сделал, а я за него, что сделал.

Если явная, доказанная мне здесь двуличность Кирилла не обнаружится в Петербурге, и если он чрез дамскую секретную переписку не поднимет там сплетен, то и нечего опасаться насчет благополучного исхода дела. Постарайся, любезный друг, последить за тем, что получается от него Т.Б. Потемкиною, которая вообще мною недовольна. Становясь с виду против меня, от нее можно выведать много. В государыню императрицу Марию Александровну я верю вполне и убежден, что она не поверит сплетням и удостоивает верить в мою добросовестность и отсутствие во мне мелкого эгоизма, исключаящего любовь к делу.

Не могу не сказать тебе нескольких слов об отцах Леониде и Ювеналии: невозможно не любить, не уважать и не почитать этих достойных и чудных людей; в Ювеналия просто можно влюбиться в христианском духе. Они оба производят здесь на всех и на меня самое отрадное впечатление, и трудно было выбрать лучших духовных представителей благочестия и кротости. Из них можно бы сделать чудные орудия для всего, но Преосвященный Кирилл их портит и испортит; на нем лежит большой грех в том, что он не умел снискать любви и доверия в их душе, просящейся на любовь и доверие. В отношении к ним его генеральство выразилось вполне и самым неудачным образом; они просто дети в политических вопросах, но в деле надзора за поклонниками и их назидания нельзя найти им подобных. Он и от этого дела оттер их совершенно, посылает их только изредка к поклонникам для следствий и для передачи строгих приказаний. На поклонников Преосвященный Кирилл действует только с генеральскою строгостью (иногда действительно нужною), следовательно, Леонид и Ювеналий всегда являются только полицейскими чиновниками, а не пастырями и увещателями. Отчего не отдать им доли в исповеди поклонников? Это сблизило бы их с духовными их детьми и заинтересовало бы их в деле нравственного наблюдения за нашими

странниками. Леонида и Ювеналия еще нельзя употреблять в делах политических и дипломатических, ибо они живут только во Христе, но чего нельзя с ними достигнуть в деле назидания и привлечения сердец? Посредством их и полицейский надзор за поклонниками обратился бы в благодетельное руководство. Вместо того наши поклонники только боятся нашего епископа и жалуются на его недосыгаемое величие. Даже в отношении к ним Преосвященный действует либо сам, либо чрез своего драгоценного Саруфа Фадлалла и кавасов. Здесь именно является в Кирилле отсутствие сердечной теплоты, и очень естественно, что Леонид и Ювеналий его не любят, ему не доверяют, и им не привлечены к себе духом соучастия в святом деле. Это все очень жалко, тем более, что оба эти отцы либо сами уйдут, либо выпроводятся епископом для получения вместо их овец бессловесных. Они должны ему мешать тем, что слишком привлекают к себе других.

В отношении к общему делу построек и устройства будущих заведений могу тебе сообщить следующее:

1) покупка земель идет своим чередом, но так как самые постройки не могут быть начаты ранее будущей весны по получении фирманов и по исследованию грунтов (чего теперь до введения во владения сделать нельзя), то нам необходимо обеспечить временное призрение наших поклонников вперед на три года до того времени, когда все наверное будет кончено. Это делается нами благополучно и хорошо посредством найма домов и заведений здесь материалов, которые перенесутся после на постоянные заведения. Расходы на все это не будут велики и будут обнимать: Иерусалим с окрестностями, Яффу, Назарет и Кайфу. Обеспечить только один город Иерусалим невозможно, главнейше потому, что в других некоторых местах все-таки нужно будет сделать что нужно, а позже мы купим все вчетверо подороже, если удастся купить.

Вот приблизительно сумма временных расходов на три года:

на Иерусалим и окрестности — 77 000 франков

__ Яффу — 8 200 _____

__ Кайфу — 9 000 _____

__ Назарет — 10 400 _____

Всего на 3 года — 104 600 франков.

Из этих расходов употребится на такие предметы, которые останутся за нами вечно и перенесутся в постоянные заведения:

по Иерусалиму — 62 000 франков.

__ Яффе — 4 000 _____

__ Кайфе — 4 000 _____

__ Назарету — 4 000 ____

Всего — 74 000 франков.

Следовательно, временного расхода, из которого после трех лет останется нуль, — будет около 30 000 франков.

Все это, конечно, очень приблизительно.

В числе сих 104 600 фр. заключается жалованье на три года местному архитектору (помощнику Эппингера), который будет исполнять все временные мелкие работы, переделки и пр.

2) На покупку земель, сколько теперь можно судить, потребуется: в Иерусалиме и окрестностях — 92 500 фр.

__ Кайфе — 8 000 _____

__ Назарете — 16 000 __

__ Бейруте — 60 000 ____

Всего — 176 500 фр.

NB. В Яффе можно обойтись: Патриарх обещал мне дом в вечный наем.

Как мы ни желаем сберечь деньги и не рассеивать их на второстепенные местности, но все-таки приходим к финальному и положительному убеждению, что нельзя и не следует упускать возможности обеспечить за нами будущее. Теперь есть и средства, а цены возвышаются неимоверно, и рано или поздно, а сделать все-таки будет нужно, а не воспользоваться случаем купить землю дешево и в нужном месте, то оно не вернется, и будет то же, что теперь в Иерусалиме: все лучшие места скуплены и мы теперь покупаем последнее (sic) годное и большое место, которое можно было приобрести при архимандрите Порфирии совершенно за бесценок. Наконец, последний аргумент тот, что в случае надобности или чего-либо непредвидимого, мы все купленные места можем продать, выигрывая 25 или 30 тыс., а, может быть, гораздо более.

Купить земли в разных местах не значит еще, что придется на них сейчас строить. Мы обеспечиваемся наймами теперь на три года; будут средства — построимся мало-помалу, имея за собою готовую землю; будет мало средств — подождем, продолжим наймы переплачивая много на год, а с земель будем извлекать доходы; не будет ничего по прекращении всех средств на Иерусалим — продадим землю с барышом.

Все дело заключается в том, что на несколько лет мы положим около 84,000 франков не в банк на 3 %, а в <...>⁴⁸ на 10 % (здешний таух⁴⁹); разом мы не употребим и те 200 000 рублей, которые ты мне обещаешь к концу года.

Предваряю тебя, любезный друг, что земли в Кайфе, Назарете и Бейруте будут мною куплены непременно, дело уже начато и Преосвященный со мною согласен; ergo, не спорьте, ради Бога. После все скажут спасибо, а обеспечится чудное дело.

⁴⁸ Слово неразборчиво.

⁴⁹ Процентная ставка (франц.).

3) Вопрос о постройках зависит от размера источников, которые соберутся в России. Дабы не завлекаться слишком далеко, мы предполагаем проекты и планы построек в Иерусалиме так, чтобы можно было соотноситься со средствами. Самый грунт Иерусалима, ныне зиждущегося на вековых развалинах разных эпох и поколений, препятствует возведению больших и громадных корпусов. Под грунтом видимым иногда находятся целые дома и своды; инде крепко, а на несколько сажен дальше — насыпь мусора, под которым своды или подземелья. Если мы бы решились устроить все в одном огромном корпусе, то на фундаменты ушло бы столько же и более, чем будет стоить все здание. Поэтому мы решились строить на обширной местности (около 3000 кв. саж.) отдельные дома и флигеля для поклонников простых, для благородных (?!), для госпиталя, для Миссии и т.д. Смотря по средствам, будем увеличивать или уменьшать и размеры, и число флигелей. Каждый флигель будет содержать около 270 поклонников и домовую церковь и т.д. Мы начнем два флигеля на 540 человек и флигель для Миссии с домовою же церковью. Если будут средства, сделаем и благородный флигель, и особый дом для госпиталя. Пока ограничимся этажом для больницы. Мы этим выигрываем и время, ибо как скоро кончатся один флигель для поклонников (хотя только 270) и один дом для Миссии, которые оба будут строиться в одно время, можно будет перенести туда главное устройство всего, а особо оставить за нами наемные дома для некоторых простых и для всех почетных поклонников. Если бы мы решились строить огромный корпус, то затянули бы постройку на безызвестное время, не могли бы скоро окончить отдельной части здания, завлеклись бы, как всегда бывает, на страшные суммы, и, подобно австрийцам, истратили бы на фундаменты и укрепление грунта более, чем на корпус. NB. Австрийцы поставили фундамент на 24 аршина.

Строить мы полагаем только в Иерусалиме до тех пор, пока не найдется средств и для Кайфы и Назарета, где мы обойдемся до тех пор наймом и переделками, насчет чего меры уже приняты мною по личном осмотре в Кайфе и Назарете.

Если строиться в Иерусалиме как следует, хорошо и широко в пред-смотре будущего, т.е. на 1000 чел. поклонников (в прошлом году было уже около 800), и если устроиться достойным образом, надобно будет, по крайней мере, 1 500 000 франков или 400 000 рублей сер.; на Кайфу и Назарет уйдет не более 500 000 фр. или 125 000 рублей; следовательно, всего надобно желать около 2 000 000 франков или 500 000 рублей, правда, распределенных лет на пять. Если будет меньше, мы и сделаем меньше, но для необходимого в Иерусалиме непременно нужно не менее 250 000 рублей.

Вот все, что я могу ныне сказать приблизительно.

4) На снабжение заведений мебелью, посудой, и пр. можно считать около 70 000 франков или 17 000 рублей, независимо от того, что мы сделаем временного на три года, но имея тут и обзаведение Кайфского и Назаретского заведений. Собрать на Иерусалим придется около 50 000 франков или 12 500 рублей необходимого во всяком случае расхода.

За сим наши потребности являются приблизительно в следующих размерах:

Необходимое minimum:

временных расходов на обеспечение всех потребностей на три года до окончания построек на 500 чел. — 104 600 фр. = 26 150 руб.

на покупку земель — 176 500 фр. = 44 125 руб.

на постройки в Иерусалиме и окрестностях —

1 000 000 фр. = 250 000 руб.

на снабжение всего утварью Иерусалимских заведений —

50 000 фр. = 12 500 руб.

(около) 1 331 000 фр. = (около) 332 775 руб.
в течение трех лет, считая от 1/13 ноября 1858 г.

В случае полного развития заведений в Иерусалиме и основания своих постоянных заведений в Кайфе и Назарете:

на постройки — еще — 1 000 000 фр. = 250 000 руб.

__ снабжение и пр. — еще — 20 000 фр. = 5 000 руб.

Наконец, на постройки в Бейруте для распространения действий и влияния нашей Духовной Миссии в Сирии и на Ливане, и на устройство там d'une succursale⁵⁰ нашей Миссии с заведениями

500 000 фр. = 125 000 руб.

(вместе с прежним) 2 850 000 фр. = 712 000 руб.
в течение пяти лет.

Вот наши надобности и желания, но прибавлю, что, по всей вероятности, и необходимый бюджет в отношении к иерусалимским постройкам дойдет до 300 тыс. рублей; може[т] да, може[т] нет.

Тебе, любезный друг, надобно ковать деньги, как железо.

На счет Общества я думаю, что можно отнести: в 1-й год — 25 тыс., во 2-й — 20 тыс., в 3-й — 15 тыс.; в 4-й — 10 тыс., в 5-й — 10 тыс.; всего — в 3 года — 60 000 руб.; а в 5 лет — 80 000 руб.

⁵⁰ Отделения (франц.).

Следовательно, на твою долю приходится создать на дело

— малого размера — $382\ 000 - 60\ 000 = 322\ 000$ рублей.

— больших хороших размеров — $762\ 000 - 80\ 000 = 682\ 000$ рублей.

Я надеюсь и рассчитываю на последнюю сумму; первую в виде minimum, — и, как я сам ни рассчитываю, все-таки прихожу к убеждению, что в три года можно достать более 700 000 рублей.

Не нужно мне, надеюсь, настаивать пред тобою, любезный друг, о том, чтобы настоящее письмо мое не было бы дано тобою для чтения никому в Петербурге, никому решительно, а то будут сплетни. Не все понимают меня и могут подумать, что я хочу вредить Преосвященному Кириллу, что неправда, ибо с ним мне лучше иметь дело, чем с упрямыми духом или с нерешительною умницею. Я пишу тебе открыто потому, что уверен в тебе и в том, что содержание письма сего и других не огласится и не породит толков и рассказов. Прошу тебя показать сие письмо в подлиннике только А.В. Головнину и даже переслать ему, если он за границей с Его Императорским Высочеством; но ради Бога, чтобы оно не затерялось.

Жду от тебя известий, а пока обнимаю тебя от всей души.

Искренно преданный тебе

Б. Мансуров

Напиши ко мне: можно ли мне воротиться в Петербург не ранее марта?

P.S. 15/27 октября.

Мое письмо пролежало, любезный друг, до являющейся okazji, посему прибавлю еще несколько слов.

Престранный человек наш Преосвященный! Был еще эпизод, подобный прежним: недавно публично за своим обедом при 10 человеках он, говоря обо мне, продолжал в том же тоне, как прежде, и прибавил: «Да что такое здесь Мансуров, где его инструкции, где его полномочие, с какого права он распоряжается здесь чем-либо? Этаких господ может приехать сюда десять! А, впрочем, я им пока доволен, ибо он умеет поддельваться и вывертываться».

В этот самый день Преосвященный Кирилл просидел у меня часа три, был как всегда отменно мил и любезен, поддакивал мне во всем, что я говорил, оправдывал мои мысли и намерения и в десятый раз повторял, что от меня зависит успех дела и его собственное приятное положение. Одним словом, курение продолжалось предомно по-прежнему.

Все эти проделки меня смешили, и я ждал, что будет. Видимо, Преосвященный хотел уверить своих подчиненных, что я совершенно в его

власти, что он так силен, что все пред ним должно преклоняться, а что консул и я поневоле должны быть его покорными и послушными слугами.

Все это вывелось невольно и бессознательно на чистую воду потому, что отцы Ювеналий и Леонид стали сожалеть о нашем жалком положении и горевать о том, что теперь уже окончательно Преосвященный Кирилл свернет их в бараний рог. Мы этого сперва не понимали, пока они наконец не высказались добродушно и откровенно. Я на это отвечал им только то, что они могут выводить какие угодно заключения, но что я сам очень доволен архиереем, тем более что он не заставит меня отстать ни от одной из моих мыслей или отбросить какой-либо из моих планов. Ничего не могло их удивить более этого потому, что Преосвященный беспрестанно твердил о том, что он заставит меня отказаться не только от моих намерений, но и от моих убеждений.

Случалось после того несколько пустых обстоятельств, в которых Кирилл неосторожно заявлял пред Миссией решимость поступить так-то, а по совещанию со мною поступал совсем иначе; в двух случаях он таким образом не сдержал данных неосторожно обещаний. Надо отдать ему справедливость, что он во всех этих случаях принимал мои возражения чрезвычайно мило, отступался от своего мнения без самолюбивой горячности сознавался, что ошибался, и действительно поступал так, как я и Доргобужинов советовали. Эти случаи и, по всей вероятности, невольное явление сомнительных выражений лицами своих подчиненных, когда он продолжал хвастаться à mes dépens,⁵¹ произвели наконец то, что Преосвященный Кирилл понял, что его вывели на чистую воду и что все его тонкости послужили ему же во вред.

Вследствие сего два дня Кирилл не знал, как на меня смотреть, краснел, конфузился, высматривал, что я делаю и говорю. J'avais trop beau jeu pour ne pas être complètement humble et généreux.⁵² Я еще усилил любезности и предупредительности, соблюл с лихвой самолюбие Кирилла и после того дело пошло по-прежнему хорошо и прямодушно, открыто, откровенно между нами. Мы не имели никаких объяснений; только глаза выражали в эти два дня, что все выведено наружу. С тех пор Преосвященный Кирилл начал иную речь в отношении к своим подчиненным. Он начал хвалить мою ловкость, мое умение заставить себя, Кирилла, полюбить меня; он начал говорить, что, конечно, в моих планах много неправильного, но что можно предоставить мне действовать, что из того, что я сделаю — он, Кирилл, извлечет, что ему нужно, и переделает, что захочет; что, вообще, я ловкий малый и он меня любит за эту ловкость и за вывертливость, и т.д.

⁵¹ В ущерб мне (франц.).

⁵² У меня была слишком хорошая карта, чтобы не быть совершенно смиренным и великодушным (франц.).

Depuis cet heureux jour il n'y a plus même dans l'air un nuage entre nous,⁵³ и теперь я, наверное, могу сказать, что до отъезда отсюда не будет между нами и тени несогласия. Если бы не вся эта закулисная история, то я бы должен был сказать только одно: дай Бог мне всегда иметь дело с таким образованным, умным и дельным человеком!

Я не знаю, ясен ли тебе из моего письма тот главный факт, что между Кириллом и мною до сих пор не было даже спора, и ни разу разговор не лишился аккомпанемента улыбок, любезностей, уверений в любви и буквально — кокетничания првеселого и приятного. Ей, ей так.

Делом я доволен, хотя насчет земли в Иерусалиме нас тянут за душу и кормят все обещаниями на завтра. Это дело начато было Кириллом, им ведется с большою ревностью на счет моего вмешательства, однако он уже призывал меня на помощь. Надеюсь, что все кончится до срока, в который я желаю выехать; т.е. на сих днях. Тогда я уеду в Константинополь прямо за фирманами.

К сожалению, за землю мы поплатимся очень дорого — до 45 000 рублей; но зато хороша и обширна.

Я с Эппингером готовлю планы, чертежи, сметы, расчеты и т.д.

Планы будут утверждены на месте Преосвященным Кириллом, мною и Доргобужиновым; иначе, впрочем, поступить невозможно, ибо в нашем деле нет еще ничего конкретного, а всякая минута дорога. Начнем мы работать немедленно по получению фирманов.

Пока я хлопочу об обеспечении поклонничества временно, до окончания построек.

Все очень до сих пор благополучно, но мне тут так страшно много дела, что мы пишем пятый день вшестером и едва успеваем. Вспомни, что на моей шее, кроме земель, построек, найма и расчетов, лежит все устройство восточных восьми агентий, назначение и выбор агентов, переписка с ними и с Конторой, и т.д. Пропадешь так.

Я устал страшным образом. Представь себе, что я с 17 сентября не успел быть даже в Вифлееме.

Крепко и искренно тебя обнимаю, любезный друг; будь здоров, пиши мне, и сие письмо береги, как око, только для себя; прошу о сем Христа ради.

Душевно твой

Б. Мансуров

Скажи, пожалуйста, обогатят ли меня новые штаты? Неужели мне не дадут более 2 200 руб., ныне мною получаемых? Ведь я живу пятый год только командировками, а пора бы посидеть и на месте; за тем на 2 200 руб. я в Петербурге жить решительно не могу.

⁵³ С этого счастливого дня в небе между нами нет и облачка (франц.).

Кирилл возвратил мне книгу мою с большим числом карандашных заметок. В них он весь высказался вполне. Относительно существа дела ни слова, во всем он остался согласен; но везде, где дело касается чем-нибудь его личности, везде является самолюбие и едкое замечание, правда, в виде шутки. Заметки очень любопытные. Отсутствие всякого возражения против существа дела, касаются объяснения моих планов и мыслей, чем я окончательно доволен.

Сие мое письмо писано тебе au fur et à mesure que les circonstances et les épisodes se suivaient.⁵⁴ Ныне оказывается, что кроме расхода на земли, на Иерусалим нужно minimum — 300 000 рублей в три года.

9

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Иерусалим
№ 72

7/19 октября 1858 г.

Любезный друг Оболенский, у меня готово для тебя огромное письмо обо всем, но строго секретное, для тебя одного и для А.В. Головнина только. Насчет предъявления оного Его Высочеству да будет поступлено, как хотят А.В. Головнин и ты.

Здесь пока все благополучно; дело идет вперед, кажется, хорошо. С Преосвященным мы в самых любезных отношениях. Он во всем решительно со мною согласен; не делается ни шагу мною без него, и, по его словам, им без меня. По крайней мере, он ежедневно говорит мне, что со мною согласен и что мы сошлись и сходимся во всем. Я доволен ходом дела и я знаю положительно, что Преосвященному Кириллу не в чем меня обвинять. Что у Преосвященного в душе — не знаю. Снаружи дело идет хорошо. Высылай поскорее в Константинополь 50 000 руб. золотом и готовь затем еще 25 000 руб. на расходы до марта.

Напиши мне, когда мне нужно быть в Петербурге. К январю должен быть в Париже на свадьбе брата; кроме того, я хочу и должен видеть отца после семимесячного гоняния по свету Божию. Не должен ли я сообразовывать мои планы с слухами о путешествии великого князя, которое может быть очень интересно для меня и для дела.

Мы готовимся просить о весьма скорой высылке в Иерусалим трех сестер милосердия, конечно из Крестовоздвиженских, но без начальника пока.

⁵⁴ Постепенно, как развивались события (*франц.*).

С Преосвященным трудненько, но можно ладить, в особенности, если он убедится в том, что мне в Петербурге верят и что я пошел к нему не на послушание, а на помощника.

Впрочем, такие susceptibilités⁵⁵ в настоящее время наружу не являются, я говорю только в виду будущего.

Преосвященный Кирилл с Доргобужинковым живет дружно и в ладу, равно как и со мною.

Письмо мое к тебе, вышепомянутое, отправится из Иерусалима ровно отсюда чрез неделю, т.е. 14/26 октября.

Обнимаю тебя от души.

Б. Мансуров

[P.S.] 1/13 ноября я выезжаю отсюда в Константинополь, чтобы хлопотать в посольстве фирманы на земли и постройки. Затем поеду в Одессу, если Новосельский там, и в Париж, если его там нет. Получением фирмана окончится работа нынешнего года, и, следовательно, мое поручение, за что воздам славу Богу и благодарение.

10

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Иерусалим
№ 105

21 октября/2 ноября 1858 г.

Любезный друг, все по-прежнему благополучно, отношения мои с Преосвященным Кириллом все улучшаются, и он, надеюсь, приходит к убеждению, что ему нечего меня опасаться. Notre ciel est toujours sans le moindre nuage.⁵⁶ Все бы хорошо, но дело о покупке земли в Иерусалиме, т.е. главный вопрос, идет не так, как надо бы желать. Нас все кормят обещаниями и откладывают окончание дела до завтра под самыми пустыми предложениями. Здесь нужно быть так осторожным, что я боюсь вмешаться прямо в дело, начатое и ведомое Преосвященным Кириллом с драгоманом Фадлаллю, а между тем нужно непременно кончить. Авось удастся мне уведомить тебя в будущую неделю о благополучном исходе дела и о моем отъезде. До 45 000 руб. за землю мы не дойдем, в последнем письме у меня вышла описка, а 30 000 руб. потратим наверно.

Меня в настоящее время всего более озабочивает будущее: как ни вертись, а все-таки мне необходимо продолжать начатое дело на Востоке

⁵⁵ Тонкости (франц.).

⁵⁶ На наших небесах, по-прежнему, нет ни облачка (франц.).

самому, — заменить меня некем, ибо всякий новый человек, хотя вдесятеро умнейший, будет новичок, а я знаю и людей, и местность, и все ко мне привыкли.

Я жду от тебя с сильнейшим нетерпением ответа на то: 1) как ты думаешь устроить дальнейшее заведывание делом построек и устройств и употреблением сумм, 2) можно ли мне воротиться в Петербург не ранее марта, ибо мне необходимо отдохнуть хотя недель шесть и быть на свадьбе брата.

Надеюсь, что я найду в Константинополе те 50 000 руб., о коих я просил.

Прибавлю насчет будущего, что я ни в каком случае не соглашусь ехать на Восток еще раз на счет Пароходного Общества потому, что в Обществе не все смотрят на дело подобно Новосельскому, а видят во мне элемент, насилующий свободу Компании. Я послал Его Высочеству два донесения (огромные и, кажется, интересные), в коих я сообщил Новосельскому копии. Спроси их у него, любезный друг, тебе весьма хорошо знать об оных.

Жду послезавтра письма от тебя с огромным нетерпением; я получил от тебя всего два, одно в Константинополе, а другое в Бейруте.

Напиши мне что-нибудь относительно возможной перемены в моем содержании, ибо я буду скоро на экваторе, а весьма тяжело иметь в виду неизвестное.

Нельзя себе представить, чего стоит для меня путешествие и пребывание на Востоке, несмотря еще на весьма выгодную в некоторых отношениях обстановку. Как ни стараешься, а все невозможно мне тратить менее 800 руб. серебром в месяц, и то при выгодных условиях.

Пожалуйста, прочитай мои донесения великому князю. Ты увидишь, что дела Общества пойдут весьма плохо, если он не решится удвоить числа их пароходов и затратить большую сумму на береговые учреждения в России и на Востоке. Эти два вопроса жизненны, все зависит от решимости сделать пожертвование вперед и вовремя.

Ради Христа, пиши мне, ибо теперь уже настало время критическое, горячее.

Обнимаю тебя прекрепко.

Душевно твой

Б. Мансуров

Ты не можешь представить себе, как я устал. Все ничего, и я рад работать еще вдесятеро, лишь бы был успех.

Скоро попросим трех сестер — хороших.

Смирна

15/27 ноября 1858 г.

Прибыв сюда сегодня, я нашел здесь письмо Ваше, многоуважаемый Александр Васильевич, из Парижа от 31 октября/12 ноября и спешу премного и преискренно благодарить Вас за любезный и скорый ответ. Я ждал его с большим нетерпением, ибо от того зависели все мои планы. Послезавтра я отправляюсь в Константинополь и надеюсь найти там письмо от Оболенского, которое уведомит меня о том, необходимо ли мне ехать в Петербург по нашим делам. Обстоятельства в настоящее время так важны и серьезны, что я мало надеюсь на возможность даже быть на свадьбе брата в Париже и готов, хотя с прискорбием, оставить надежду отдохнуть немного и предпринять долгое и трудное путешествие в Петербург и оттуда в Ниццу к Его Высочеству, которого мне необходимо видеть, во всяком случае прежде начатия дела снова в 1859 году. Мне необходимо также побывать в Одессе, хотя Новосельского там нет. Не могу скрыть, что дела Общества идут беспорядочно, хотя чрезвычайно успешно в отношении заработка. Можно и должно было бы зарабатывать вдвое больше, если бы было у Общества столько средств, сколько нужно, а без нужных средств лучше больших дел и не начинать. Я все более и более убеждаюсь и вправе утверждать, что на Востоке успех Общества есть важный политический шаг вперед и дело легкое потому, что успех к нам просится. Стоит только пользоваться.

Без хвастовства могу смело сказать, что, по счастью для Общества, я был ныне на Востоке потому, что на моей шее лежит теперь не только все устройство линии и агентий, но все многосложное управление делами. Беспрестанные отлучки Новосельского из Одессы и множество лежащих на нем дел привели к тому, что Одесская контора по необходимости передала мне дела, а Новосельский развязал мне руки во всем. Время было такое важное, что я решился действовать полновластно, хотя не имею формальных и бумажных полномочий. Если бы я ждал и спрашивал разрешения, прошло бы только время и весь успех бы уничтожился. Чтобы выразить Вам, сколько мне было и есть дела, скажу только, что мне пришлось обзаводить, устраивать и направить 11 контор в Тенедосе, Митилене, Смирне, Хиосе, Родосе, Мерсине, Александретте, Латакие, Триполи, Бейруте, Кайфе, Яффе и Иерусалиме, так что с начала и поныне все эти агентства получали из Одессы только пустые уведомления, номера на номера, а что вся переписка и все дело лежали на мне.

Я на все это не только не навязывался, но беспрестанно просил Одесскую контору и Новосельского решать главные вопросы. Мне

платили постоянным молчанием или полномочиями: дело надо было делать, я перекрестился и поневоле взял все на себя. После скажут спасибо, но я жестоко устал и удерживался только силою убеждения, что на Востоке невозможно бросить чудного, святого и выгодного дела и что там решительно нельзя делать вещей наполовину.

Bien malgré moi je suis devenu spécialiste pour cette tié de l'Orient, mais je Vous jure qu'il faut énormément de patience et de santé pour suffire a tout et pour ne pas être dégoûté de l'Orient.⁵⁷ Несмотря на силу моего здоровья, я четыре раза был болен до необходимости слечь и прямо из кровати пустился в обратный путь из Иерусалима. Я должен был даже спешить, потому что из моей компании сделался безымянный лазарет от лихорадок. Всем нам было очень плохо.

В отношении к Иерусалиму скажу Вам только то, что меня постигло совершенное разочарование в отношении к личности Преосвященного Кирилла. Он, решительно, чиновник и больше ничего; говорит красно, но мелкодушен, страшно неопытен, увлекается всем, что льстит ему на словах и легковверен до невероятия при совершенном отсутствии характера. Malheureusement, il n'a même pas l'onction de la dignité,⁵⁸ он настоящий Гвоздев. Я с ним был и остался в самых лучших отношениях и вследствие разных обстоятельств, о которых я расскажу Вам при свидании, он так смирился и даже уничтожился пред нами, что мое довольно строгое осуждение никак не может быть приписано самолюбию или чему-либо вроде этого. Напротив того, самолюбие мое им слишком удовлетворено, я ни в чем не встретил и тени возражения или спора; это-то мне и не нравится, потому что интересы и цели наши не совсем те же.

Кирилл до того увлечен и обманут был в деле приискания земли в Иерусалиме, что мы чуть-чуть не попали в чрезвычайно невыгодный и неприятный просак. Я шесть недель ждал, молчал, следил за начатым им делом, но должен был наконец вмешаться и остановить.

Надобно было начинать дело сызнова, а Кирилл до того был запутан, что совсем был сбит с толку и с радостью передал мне все заботы. Виновато опять наше Министерство иностранных дел, в пику нам поручившее епископу заниматься светским торгом на земли и дома, вовсе несоответствующим ни характеру, ни способностям архиерея. Вот что значит мелочность самолюбия, малооснованный engouement⁵⁹ к человеку, которого увидели три недели до отправления на Восток, и

⁵⁷ Вопреки собственному желанию, я сделался специалистом по Востоку и клянусь Вам, что нужно огромное терпение и здоровье, чтобы заниматься всем и не возненавидеть Восток (*франц.*).

⁵⁸ К несчастью, у него нет ни капли достоинства (*франц.*).

⁵⁹ Поклонение (*франц.*).

пренебрежение основным началом: что духовенству должно предоставлять только церковные и духовные дела, а не политические, гражданские и спекулятивные. Наш бедный архиерей невольно сильно скомпрометировал свое достоинство.

Я вовсе не ручаюсь за успех, который очень труден, но надежду имею и имею довольно связей разного рода на Востоке, чтобы надеяться, но если даже я найду неудачу, то для меня — светского человека — это ничего не значит — если я ошибусь, меня безвредно можно отозвать, *désavouer*⁶⁰ и т.п. В отношении к епископу все это невозможно, его ошибки и неудачи всегда связывают достоинства правительства и Церкви.

Чем более смотрю на наши дела на Востоке, тем более убеждаюсь в том, как ребячески плоха и слаба наша дипломатия и как неспособен и вреден Ковалевский. Грустно.

Я пишу Вам с плеча в минуту изливания только для Вас и, конечно, совершенно конфиденциально, потому что лишь немногие поверят тому, что я не имею личности против Кирилла. Я, ей-ей, рад бы бросить все, но, увы, сознаю, что не должен просить Его Высочество распорядиться мною иначе.

Надеюсь, до свиданья в январе в Ницце; сильно сего хочу. Пока прошу Вас, многоуважаемый Александр Васильевич, верить живой моей преданности и еще сто раз благодарю за Ваше письмо.

Я послал еще из Иерусалима три донесения Его Высочеству. Изволили Вы их видеть? Не будет ли Новосельский в Ницце? Кажется, да.

Покорнейший слуга Б. Мансуров

12

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Константинополь

6/18 декабря 1858 г.

Я с трудом предполагал, что не получу от тебя никакого письма и с последней почтой, но, к сожалению, должен был увериться в истине сей мысли. На душе твоей большой грех, любезный друг, потому что, если на днях одесский порт замерз или замерзнет, то я останусь еще более месяца без всяких известий.

Пока спешу тебе сообщить вкратце:

1) Часть моих сердечных желаний увенчалась блистательным успехом. Патриарх Иерусалимский пред отъездом из Святого Града поставил нового епископа Назаретского, имеющего жить в епархии. Сего отдельного престола не существовало несколько веков, и новый епископ будет

⁶⁰ Дезавуировать (*франц.*).

единственный живущий в епархии и ею управляющий. Успех тем более замечателен, что во епископы поставлен Преосвященный Нифон, мой знакомый, мною указанный, молодой человек 36 лет от роду, образованный, говорящий порядочно по-французски, деятельный, энергический и замечательно отличившийся в Наплузе среди гонений и бунтов. Преосвященного Нифона из простого монаха, даже не дьякона, в две недели возвели в архиерейство. Наш Преосвященный Кирилл участвовал в стараниях по сему делу, хотя ему нельзя было действовать открыто, ибо Патриарх не послушался бы его настояний из самолюбия для того, чтобы не иметь вид услужливости пред русским духовным иерархом.

Все дело ловко, скоро, тонко и чрезвычайно умно обделал наш консульский агент в Кайфе и агент Общества г. Константин Аверинó, которого я вызывал нарочно в Иерусалим. Он нам оказал услугу вескую, за которую я настоятельно буду просить ему орден, а ты только поддерживай меня.

Новому Назаретскому епископу мы условились с Преосвященным Кириллом давать ежегодное пособие около 1200 рублей, для того, чтобы сами иерусалимские епископы просились жить в епархии.

Тебя, любезный друг, настоятельно прошу немедленно заказать, достать или выпросить для Преосвященного Нифона полное архиерейское облачение с митрой в подарок для обновки. Я ему обещал таковое, и если ты найдешь, что нельзя подарить оное от государыни императрицы или от Синода, то посылай прямо от меня; дело объяснится короче.

Об отказе в сем я и не помышляю.

2) В Кайфе и Назарете к Пасхе или даже раньше будут готовы странноприимные дома, устроенные и меблированные для всех православных поклонников, для простых и для высших сословий отдельно.

До сего дня все православные принуждены останавливаться у католиков или у арабов.

Я уговорил Патриарха сделать постройки и некоторые переделки на его счет, я только добавляю кое-что и меблирую на мой счет.

Faire déboursier aux grecs n'est pas facile surtout quand ce n'est pas pour une spéculation à leur profit.⁶¹

Еще подвиг г. Аверинó, преданного нам человека, Ионического подданного.

3) В Яффе уже устроено такое же странноприимное отделение для русских, также на счет Патриарха с добавлением от меня расходов на мебель.

К Пасхе мы уже будем готовы и здесь.

⁶¹ Заставить греков раскошиться нелегко, особенно если в этом деле для них нет выгоды (*франц.*).

4) В Иерусалиме дело подвигается, хотя медленно, с трудом ужасным. Надеюсь на благополучный исход. Здесь, в Константинополе, дело обставляется хорошо.

Я с Патриархом Иерусалимским в самых дружеских отношениях. Слава Богу, и я не смел на это надеяться, потому что греки были на нас взбешены.

Пока из наших сумм у меня истрачено только около 2000 рублей, а ассигновано около 43 000 руб., включая сюда все приобретения земель в Иерусалиме, Назарете и Каифе.

Твои 40 000 руб. на это и пойдут, потому что я означенные деньги взял в Обществе. У Доргобужинова хранятся теперь ассигнованные 39 220 руб. на лицо.

Готовь мне 50 000 руб. чрез два месяца для начатия работ; за фирманом Порты дело не станет, посольство почти ручается, если Петербург не испортит.⁶²

Я на днях передаю Лобанову подробное представление о всем деле построек и пр. Оно тотчас пошлетя в подлиннике в Петербург. Доложи об этом государыне императрице, дабы моя записка была представлена Ея Императорскому Величеству. По многим местным, здешним причинам, записка писана мною на французском языке.

Обнимаю тебя от души.

Преданный тебе
Мансуров

13

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Константинополь

13/25 декабря 1858 г.

Все нет еще от тебя ни слова, любезный друг. Утешаюсь опять тем же, *pas de nouvelles — bonnes nouvelles*.⁶³ Я жду еще парохода послезавтра из Одессы, но, быть может, ничего не получу потому, что рейд, вероятно, замерзнет. Тогда я рискую прождать здесь с лишком месяц.

Следствие сего и по причине замерзания рейда я, вероятно, в субботу 19 декабря/1 января отправлюсь чрез Триест в Ниццу и Париж. Я так утомился во всех отношениях, что имею полное право на отдых, и недостаточно здоров, чтобы ехать теперь, зимою, чрез всю Россию в Петербург.

Прилагаемая копия с письма моего к Новосельскому объяснит тебе все положение дел. Я не вижу, к чему бы мне непременно нужно быть в Петербурге; разве для рассказов. Но на письме мне дела лучше удаются, чем на словах.

⁶² На полях на против абзаца добавлено: «непременно».

⁶³ Отсутствие новостей — это хорошая новость (*франц.*).

Ты еси мой alter ego.⁶⁴ Твое дело — меня заменять во всем. Слава Богу, дела идут хорошо. К сожалению, мне необходимо опять быть везде в 1859 году на Востоке. Самое дело я слишком почитаю и уважаю, чтобы не быть готовым продолжать его. Но чего я не желаю — это еще раз быть на жаловании Общества.

Один раз обошлось благополучно, рисковать другой не желаю.
Пиши мне в Париж на имя посольства.

Искренно преданный тебе
Мансуров

14

Б.П. Мансуров — Н.А. Новосельскому

№ 195

Копия

Константинополь

13/25 декабря 1858 г.

Любезный друг Николай Александрович!

Спешу уведомить Вас, что я окончил свое дело нынешнего года следующим образом. 1) В письмах моих к Вам, к И.Н. Сатову и в контору заключаются все замечания и предположения, которые нужно было мне передать Обществу и правлению. Сему последнему я не пишу еще отчета и потому, что не имею времени, а дело не до красноречивых и двойных отчетов. Может быть, я в Париже на досуге составлю целую записку о Восточной линии; материалы у меня готовы, нужно только время.

2) Отчет в суммах я отдал И.Н. Сатову. Из 37 907 рублей я истратил на надобности Общества необходимые и для него законченные 6016 руб. 90 коп., для дел филантропии и приютов — я позаимствовал на счет возврата от князя Оболенского 28 599 руб. 56 коп.; на лицо у меня осталось 3 290 руб. 54 коп. которые пойдут частью на суточные чиновникам Общества, частью на дело филантропии заимообразно.

3) Итого, я на счет Общества не сделал никакого хода некоммерческого и не ввел оное ни в какую филантропическую издержку. Так падают обвинения на меня в том, что я хочу вести коммерцию на буксире религии и политики. Напротив того, я на счет моих средств купил в Кайфе место для угольных магазинов.

4) Я вчера подал в посольство формальную записку о испрошении для Общества фирмана на покупку в Кайфе места и на постройку на оном магазинов, набережной и пристани.

⁶⁴ Альтер-эго, второе я (лат.).

5) О всех предположениях, филантропически решенных, я подаю в посольство также подробную записку, которая посылается через неделю подлинником в Петербург. Постарайтесь прочитать оную у Ковалевского. Там ясно, что я не ввожу Общество ни в какой расход, не оправдываемый его коммерческим характером. Следовательно, прошу меня не бранить и не опасаться.

6) Хитров отправляется в Петербург в отпуск, Хованского я отправляю в Бейрут в помощь Несторову, который в сем нуждается. Рекомендую Вам Хованского, славного и полезного человека. Мне он будет очень нужен и полезен в будущем году. Он знает мои дела, как свои пять пальцев.

7) На Востоке все агентства в полном, нормальном действии, хорошо обставлены и конторе следует только им помогать. Восточная линия идет благополучно и лучше, нежели я ожидал.

8) Прожив здесь долго, могу Вам сказать: у нас четыре агента отличные, дельные, коих следует беречь: барон Штейгер, которого в Одессе не умеют достаточно ценить, ей-ей, Куртович, который имеет только тот недостаток, что горячится тогда, как многие спят, Несторов в Бейруте и Аверино в Кайфе, человек редкий. Берегите их четырех особенно; это мое завещание Вам и Обществу, даваемое мною из любви к Вам и к делу.

9) Дела идут благополучно; глубоко благодарю Бога за успех, являющийся в существе дела, хотя он в глаза не кидается. Дело теперь в терпении и постоянстве, а о театральной выставке дела я не забочусь.

10) Перенесение моего главного Иерусалимского дела на предварительное рассмотрение в Министерство иностранных дел дает мне месяца два срока относительного покоя, коим я воспользуюсь для отдыха среди семейства в Париже. Я страстно, физически и нравственно устал и скоро стану не в состоянии работать.

11) Еще завещание: обрисуйте положительное положение Доргобужинова; оно так трудно, так сложно, трудно, что только Вы можете его успокоить и дать ему возможность кончить начатое святое дело. Весь вопрос в деньгах: не заботьтесь об экономии и берите на себя весь нужный расход: я Вам сделаю за то экономию двойную. Вы видите на деле, что на меня можно рассчитывать: я мог очень легко в нынешнем году вогнать Общество в большой расход и никто бы мне не мог на то возразить. Я Вам вперед сказал, что этого не будет, в доказательство дарю Обществу место в Кайфе. Помните же это мое завещание: покройте все расходы Доргобужинова и не торгуйтесь в вопросе о его содержании: я Вам деньгами же сохраняю более и вознагражу за все. Это вопрос совести для Вас и для меня, помогите в том, что, по совести, я еще не могу принять всего на себя. Повторяю, что Доргобужинов в положении трудном

12) Еще завещание, последнее и убедительное: Вы подняли вопрос о принятии к нам славянских капитанов; один из них, Черногорцевич, был в Одессе по Вашему вызову, чрез меня и Куртовича, но его прогнали, даже

не учтиво, ибо ничего не знали. Впрочем, я все исправил. Я Вам собрал четырех кандидатов: Лазаревича, командира лучшего из пароходов Ллойда «Aquila Imperiale», говорящего чисто по-русски; Петковича, отлично рекомендованного бывшего командира у Ллойда; Черногорцевича и Юрковича, двух отличных моряков. К двум первым надо адресовать чрез меня, к двум последним — чрез Куртовича. Возьмите четырех, а двух первых непременно и наверное, но действуя осторожно, очень осторожно. Не взять никого уже нельзя; о первом — Лазаревиче, уже известном Его Императорскому Высочеству Константину Николаевичу, — я буду просить Его Высочество особо, даже о переводе его во флот. Теперь признаюсь, за Лазаревичем я гонюсь уже 2½ года. Возьмите его непременно. А мое задушевное завещание, основанное на глубоком убеждении о необходимости сей меры. Вот 2½ года, что это убеждение более и более утверждается.

К сожалению, мне необходимо к марту 1859 начать новое путешествие на Восток. Я готов к Вашим услугам, но с Обществом не желаю иметь официальных сношений.

Душевно Вас люблю и сердечно обнимаю. Благодарю за Вашу помощь, на мою рассчитывайте всегда и твердо. Искренно Вам преданный. Может быть, через неделю я уеду отсюда в Триест, Ниццу и Париж. Пишите мне уже в Париж.

15

Б.П. Мансуров — А.М. Горчакову

Париж

15/27 января 1859 г.

Возведение наших будущих построек в Иерусалиме может сократить указанный бюджет только за счет вычета расходов на аренду консульского дома. Еще следует заметить, что благодаря уже собранным филантропическим суммам наше правительство станет обладателем консульского особняка, на который им не будет ничего потрачено. Посему совершенно справедливо, чтобы правительство учитывало этот филантропический капитал и проистекающие из него выгоды, а министерство продолжало бы добавлять к нему ежегодно 850 рублей, которые более не придется тратить на аренду консульского дома.

Поскольку в Иерусалиме в силу абсолютной необходимости придется тратить 9 460 рублей, а правительство хочет давать из бюджета всего 4 700 рублей в год, то останется годовой дефицит в 4 760 рублей, который придется восполнять Обществу⁶⁵ или консульскому персоналу из собственного кармана.

⁶⁵ Т.е. РОПит.

Я не сомневаюсь в готовности Общества пойти на жертвы, чтобы повсюду поддерживать авторитет нашей страны, в общем, и агентов Общества, в частности. Но я сильно сомневаюсь, чтобы совету правления разрешили потратить на агентство в Иерусалиме больше, чем на другие агентства, и больше, чем само правительство выделяет на дипломатический институт первостепенного значения среди всех консульств Востока.

С другой стороны, очевидно, что никакая часть филантропических денег не может быть истрачена на оплату правительственных агентов или чтобы прийти на помощь правительству.

Посему, если Министерство иностранных дел не увеличит бюджет иерусалимского консульства до 6 460 рублей (поскольку я располагаю сведениями, что Общество сможет выделить только 3 000 рублей на поддержание своего агентства в Святом Граде), я должен Вас предупредить, Ваша Светлость, что нынешний персонал нашего консульства столкнется с материальной невозможностью оставаться на своем посту по той настоятельной причине, что господин Доргобужинов и его коллеги не достаточно богаты, чтобы приносить подобные жертвы. С другой стороны, я могу здесь с чистой совестью заявить, что будет невозможно, в самом прямом значении этого слова, поддерживать в Иерусалиме консульство, достойное России, исходя из меньших расходов. В представленных мною расчетах я не выделил ничего на роскошь и даже на комфорт, столь важный в стране, где материальные лишения являются самым малым из испытаний, с которыми мы сталкиваемся. Разумеется, совершенно не важно, будут ли наше консульство в Иерусалиме представлять господина Доргобужинова, Кривошеина, Левитова, Шейхашири или другие лица, и я могу ручаться, что привело их туда не честолюбие, но я глубоко убежден, что наше правительство никогда не сможет найти хороших агентов для столь далекого и трудного края, как Палестина, если оно не даст им средств, чтобы жить там прилично и с достоинством. А если бы нашлись те, кто готов поступиться достоинством государства, которое они представляют, то я более чем убежден, что Министерство их не приняло бы.

Возьму на себя смелость лишь добавить относительно упомянутых лиц, что персонал нашего консульства в Иерусалиме подобран очень удачно и нет совершенно никаких оснований желать перемен. В любом случае перемена персонала всегда представляет самые большие неудобства, как с точки зрения потери опыта работы в данной местности, столь ценного и трудно приобретаемого, так и в связи с чрезвычайными расходами, сопряженными с переездами на огромные расстояния. Я даже не говорю о дурном впечатлении, которое производят на месте подобные перемены, и о том, как трудно установить между агентами доброе согласие, схожее с тем, что царит в семье, которое ныне существует между различными членами нашего консульства и Духовной Миссии.

В заключение считаю своим долгом обратить внимание Вашей Светлости на тот факт, что исполняющий обязанности консульского секретаря господин Кривошеин, который ныне, в Иерусалиме, незаконно, но по крайней необходимости носит титул хранителя печати, который используется в других учреждениях сего типа, более не может оставаться непризнанным в этой должности Министерством иностранных дел, поскольку со дня на день какая-либо болезнь господина Доргобужинова, более чем вероятная в сем дурном климате, может заставить господина Кривошеина временно взять на себя его функции. Я предполагаю и надеюсь, что Азиатский департамент не собирается назначать в Иерусалим другого секретаря консульства, поскольку выбор коллеги был оставлен за господином Доргобужиновым, а господин Кривошеин наделен всеми качествами, которых можно было бы желать в хранителе консульской печати: это отличный ученик Санкт-Петербургской артиллерийской академии, очень культурный и способный молодой человек, который продолжил свое образование за границей на собственные средства. Кроме того, он перевез в Иерусалим свою семью, и переезд стал бы для него большой и незаслуженной тяготой.

Надеюсь, Ваша Светлость, что в этом письме, которое я имею честь направить Вам, Вы не усмотрите чрезмерного вмешательства в дела, касающиеся отношений иерусалимского консульства с Министерством иностранных дел. Я могу дать слово чести, что в настоящий момент я выступаю как адвокат служащих нашего консульства в Иерусалиме, не будучи никоим образом — ни устно, ни письменно — уполномочен ими, однако я почитаю не только своим правом, но и долгом предпринять сей демарш, поскольку до сих пор консульство находится на содержании у Общества, законным представителем которого я являюсь. Деликатность господина Доргобужинова всегда мешала ему обращаться к своему начальству по денежным вопросам. Для Общества было бы также неудобно предстать перед правительством с требованиями, касающимися, по существу, минимальных сумм. Между Обществом и Министерством так бы навсегда и остались недоразумения, а безвинной жертвой этого, в любом случае, был бы персонал иерусалимского консульства. Видев все в непосредственной близости и не имея никакого обязательства перед Обществом, я считаю своим настоятельным долгом, поскольку имею такую возможность, изложить практическую истину, какой она является в действительности. В настоящее время я имею право голоса, поскольку Общество просило меня и поручило организовать на Востоке все его агентства и принять все необходимые меры, чтобы обеспечить их успех. К тому же, как изволит заметить Ваша Светлость, предмет данного письма являются именно интересы Общества и агентства в Иерусалиме.

Передаю это дело в Ваши руки и прошу принять решение о том, как может быть использовано это письмо, которое я имею честь направить Вам.

Примите, Ваша Светлость, уверения в моем глубочайшем почтении.

Б. Мансуров

Пер. с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

16

В.И. Доргобужинов — Б.П. Мансурову

Иерусалим

22 января/3 февраля 1859 г.

Милостивый государь Борис Павлович.

Имею честь уведомить Вас, что земля Тануса на Мейдаме всего 5760 сажений квадратных куплена мною за 284 000 пиастров.

После письма моего к Вам № 8 Танус 9 января объявил мне решительно, что ждет ответа моего только до 18 января старого стиля, а затем распродает землю свою по частям другим покупателям. Я догадывался, что другие покупщики — выдумка, но рисковать было страшно: упустивши из рук Тануса, я опять оставался ни при чем, среди бессовестных требований турок и еще бессовестнейших спекуляций посредников между ними и мною. В эти девять дней мне оставалось добиться личного свидания с Кальди и покончить с ним дело, за 150–170 тысяч если можно, без посредников. Мазараки передал мне, что единственный человек, которого слушается Кальди и в слово которого верит, — Бедер-Эффенди, один из заседателей в Мехкеме. Отправился я к паше с просьбою, чтоб он спешно передал Бедеру, что Кальди нечего бояться паши и что может Кальди продать нам землю, без какой вести Кальди и слушать не хотел о негоциациях. У паши — новое затруднение: он нехорош с Бедером и поэтому считает для себя небезопасным передать Бедеру такое разрешение, которое, при условии доноса отсюда, может его скомпрометировать в Константинополе. Приходилось искать другого средства убедить Кальди, что ему нечего бояться паши. Порешил я с последним на том, что он даст мне написанное будто бы от имени Кальди прошение на продажу земли нашему *prête-nom*⁶⁶ (о Шахашири паша и слышать не желает) а на этом прошении паша собственноручно напишет свою разрешительную на продажу резолюцию «представить ход делу», которая резолюция в моих руках послужит убеждению Кальди,

⁶⁶ Подставное лицо (франц.).

что ему нечего бояться паши, а — в случае сношения со мною в цене — останется только подписать это готовое и с резолюцией уже — прошение отправить от паши к Мазараки, чтобы окончательно решиться в выборе *prête-nom*. Остановились мы на раие, православном арабе, Панайоти Сабабини. Призвал я Панайоти и мы потолковали; обещал я ему бахчиш; покончил с ним — и снова к паше. Паша говорит, что, в доказательство того, что уважает он мою просьбу, он, обдумав теперь, согласен передать Кальди разрешение и чрез Бедера, но что Кальди туп и глупо упряма, как Коробочка, и верит только в одного Бедера, я ухватился за эту переменчивость в мыслях паши; отправился от него к Мазараки с просьбою немедля устроить у него (так как он врач у Кальди, и последний может иметь к нему больше доверия, чем ко мне) свидание с Кальди и Бедером. Послали за Бедером: нет его дома, уехал за город; а времени нет, два дня уже пропали: остается только неделя до ответа Танусу. В понедельник утром привели наконец ко мне Бедера, который, выслушав меня, начал очень развязно запрашивать меня, сколько именно подарю я денег не ему, который будет трудиться у Кальди для нашего дела, а семи или восьми Эффенди, сидящим в Махкеме, сложа руки, за то только, что они, сося трубки в мехкеме, могут счесть себя обиженными, если, давая деньги Бедеру, мы заделаем⁶⁷ их. Я отвечал на это, что каждому работающему для русских, мы платим хорошо, но что подьячим вымогателям мехкеме я не дам и гроша, и посмотрю, кто кого пересилит, они ли меня с пашею, или наоборот. Что при заключении хюджетов в мехкеме я за каждую подпись этих тунеядцев брошу им что сам захочу, но торговаться загодя с ними считаю унижительным для себя, потому что их пакости надеюсь пересилить. Бедер, попробовавши и видя, что не удалось, отступил, обещая склонить Кальди на свидание назавтра. Во вторник сошлись мы все у Мазараки. Вы помните, как умеют кричать два араба, говорящие на улице о погоде. Здесь их было пять, а кричали они полтора часа о сотнях тысячах пиастров. Я, чрез Шихашири, говорил все, что было надо сказать: что в воскресенье я даю последний ответ Танусу, после которого ответа кончаю с Танусом и затем ничья земля мне больше не нужна; что Танус просит страшно дорого; что поэтому я и рад сегодня же отсчитать в руки Кальди деньги за его землю, если его цена не будет слишком дорога. На все это тугоголовый турок отвечал: «Что Вы даете за мою землю?» У турок все ведь навыворот: не продавец, а покупатель объявляет первую цену. Я начал с 65 тыс. пиастров и шел, постепенно набавляя, до 100 тыс. Кальди все молчал. Наконец встал и объявил, что такие дела в один день не кончаются и что он подумает.

В среду явились ко мне Валеро, первые иерусалимские банкиры — два панских жида, действующие постоянно вместе с Паскалем,

⁶⁷ Так в тексте.

австрийским драгоманом, страшно хотящим занять при нас здесь место Пьеротти, уже от нас поживившегося. Валеро, по предложению Гуармани, тоже участвующего в их делах, явились ко мне с предложением услуг их покупать земли для нас. Зная, как Валеро влиятельны в городе и как в состоянии они все пронюхать, что мы делаем, я увидел, что дело мое с Кальди, прямо мною ведомое, могут жиды испортить своим вмешательством, и поэтому пришлось хитрить: я принял их предложение чересчур радостно и горячо, но не для покупки земли у Кальди, которая — говорил я им — и низменная, и не нравится мне близ к стенам города, а для скупки у лидских феллахов земли на север от Мейдама. Спровадивши этих, жду ответа Кальди. Среда, четверг — нет ответа. Посылаю в пятницу за Бедером. Бедер приказывает мне сказать, что сейчас, т.е. на днях, Кальди земли не продаст, а чрез неделю — может быть. Подозревая стачку Бедера с Танусом или с Паскалем, посылаю Шахашири в субботу прямо к Кальди — ответ тот же: «Теперь не продам, а после — может быть». Понимая, какие деньги мне вверены, важность дела и необходимость покончить безотлагательно чем-либо, я в воскресенье утром шлю приглашение Танусу к шести часам вечера. Отправил Мазараки и Шахашири на базар ловить Кальди в лавке, он торгует какою-то дрянью. Поравнявшись с прилавком, на котором, поджав ноги калачиком, сидел этот стр<...>⁶⁸ Кальди, я, разумеется, прошел дальше по улице, а Мазараки с Шахашири начали с ним переговоры. Через четверть часа они меня нагнали с тем же ответом Кальди: «Пусть покупают у других, а своей земли теперь я не продам». Мазараки предложил мне последнюю попытку: зайти в ближайший (Ивановский) монастырь к игумену и от него послать Шахашири за Кальди. Так мы и сделали; Мазараки на улице предлагал ему 130 тыс. и 150 тыс. пиастров; он даже не сказал своей цены. Шахашири вернулся с тем же ответом, Кальди с ним не пошел, отзываясь невозможностью бросить лавку. Все это неприлично долгое и неприлично скучное описание передаю в Ваши руки как ответ людям, которые стали бы говорить, что Доргобужинов белоручка и, отклоняя личные беспокойства, хотел покупать в Иерусалиме земли чрез других. Испытал я на опыте, много ли может сделать добрая воля и неленивый труд, с большим запасом денег и пособием людей, знающих край и уважаемых в крае, там, где жадность турков возбуждена целый год раздававшимися по городу трубными гласами о том, что замахнулись русские покупать земли. Вечером я и Мазараки истожили все красноречие и всевозможные предупредительности перед Танусом; не описываю Вам всего, как дело шло: нет времени, меня отрывают от письма вот уже пятый раз. Переговоры начались в 6 часов, и в 11 только мы стали пить шампанское, покончив дело. Я писал Вам в

⁶⁸ Слово неразборчиво.

прошлом письме, что за землю собственно свою (230 000) и брата жены своей (75 000) Танус просил 305 тыс. Могли мы выторговать только 21 тыс. и сладили на 284 тыс., да обязался он еще привести, на свой счет, в порядок половину большой систерны на его собственной земле, так что и эта половина систерны наполнится мартовскими дождями. Ея воды и воды в большой систерне брата жены его хватит на первое время открытия работ. Третья огромная систерна в купленном нами у Тануса участке может быть исправлена только к работам 1860 года: дожди кончаются обычно в марте, а к этому сроку привести ее в порядок нельзя. В этих словах ответ и на предположение о постройке большой систерны на новой земле: если бы эта новая земля купилась — как обещал Пьеротти — в ноябре, то за три месяца, при условии солнечной зимы, можно было бы построить большую новую систерну, а теперь поздно и до последних дождей кончить не успеют.

Перехожу к деньгам:

Танус сознался мне, что проданная нам им земля обошлась в разное время до 80 тыс.; следовательно, на 80 тыс. он взял 204 тыс. чистого барыша. Смешно было бы говорить после этого, как говорит мне архиерей, например, что земля куплена нами дешево. Дело в том, что мы почти не выйдем из ассигнованных 600 тыс., несмотря на огромный бахшиш паше, не входивший в расчет, и на 106 тыс. пиастров, схороненных Пьеротти у Дамасских ворот. Вот расчет против ассигновок:

1. Покупки Пьеротти _____	106 000
2. Ассигновка на Коптский дом ___	160 000
3. Бахчиш Паше _____	76 000
4. Земли Тануса _____	284 000
5. Участок Пьеротти _____	12 000

	638 000

Передержка в 38 тыс. пиастров с избытком окупается стоимостью двух хороших систерн и третьей, требующей только поправки, с выкапывания вновь, что весьма ценно в работе систерн.

Теперь второй вопрос: что делать с Пьероттиевыми участками и чем оправдать их? До времени — ничего с ними не делать. Танус крепко ухаживал, чтобы я отдал ему землю Эгнеми в 20 тыс. пиастрах при уплате денег за его земли. Я умудрился не сделать этой глупости, а приказал ему сдать землю феллахам под посев овса из-за трети жатвы в нашу пользу. Не знаю, что из этого выйдет. Будем ждать, лишний клочок земли под Иерусалимом всегда пригодится на что-нибудь, хоть бы на сад или на огород для наших рабочих. Оправдывать эту покупку незачем, по моему мнению, это ошибка, в ней мы сознаемся. Такова, видно,

моя доля, чтобы действовать постоянно на новине; а без прошлых примеров, без знания языка, людей и местных условий — ошибки избежать трудно, особенно в Иерусалиме, где столько интриг и столько людей, живущих на счет ближнего. Об этой покупке надо забыть: постыдно было бы для меня, из-за желания оправдать действия человека, нами избранного, продолжать скупать земли около участка, им купленного; упрятать наши постройки в яму и уходить на эту яму, в которой, по близости стен может быть, и наверное почти, и строить бы не позволили, те же 600 тыс., за которые мы имеем теперь лучшее, бесспорно и всем заведомо, лучшее место под городом. Что сделано — того не воротишь; поговорим лучше о планах на будущее. По первоначальному предположению, размеры загородного места определялись в 8000 квадратных сажень. Вот расчет, против предположения:

- а) в земле Тануса — 5 540 саж.
- б) ___ __ брата жены его — 219,5 саж.
- в) ___ __ Пьеротти — 150 саж.
- г) в прилегающем к нашей Земле Кушелевском мейдеме — 1143 саж.

Всего 7052,5 сажень

В среду пишу к Эппингеру и спрашиваю его, действительно ли точно нельзя обойтись 7 тысячами сажень вместо 8. Если можно — дело сделано. Если нет — необходимо прикупить еще Никифора землю: в ней 1 613 сажень и она необходимое — дополнение Кушелевского Мейдама. Мазараки говорит, что Никифор отдаст ее за 80 тыс. пиастров. Дорого, даже по сравнению с тем, что заплатили мы Танусу. Вот пропорция: 5760 (Танус) : 284 000 (пиастр.) = 1613 (Никиф.) : 79529 (пиастр.). Все-таки, но 80 тыс., не меньше. Я не говорю уже о том, что у Никифора нет ни одной систерны, а у нас три, и из них 1,5 большие с водою. Но зато местность Никифора гладка как стол; как раз место для наших построек. Однако, словом, если можно, купить и купить непременно. Жалко только, что денег в России у нас мало. Архиерей говорил мне, что, с своей стороны, кроме собранного подписанием через великого князя, он надеется еще на 200 т. руб. серебром. Из них сто думает заполучить от московского митрополита, остальные сто — не говорил откуда, дай Бог, что бы это были не фантазии.

Перехожу к предмету весьма важному: княгиня Шаховская привезла Пьеротти от графа Кушелева письмо и 20 тыс. франков с чем-то золотом. Письмо Пьеротти показал мне: я глазам не верил, читая его. Граф Кушелев в нем говорит, что он, по причинам ему известным, отказывается от своих прежних филантропических идей и поручает Пьеротти продать землю свою, за что она досталась ему. Дай Бог, чтобы Вы смогли

объясниться лично с графом, письмо — в подобных случаях — далеко не так действительно, как следовало. Вырвать у нас эту землю, когда в комбинации с землями Тануса она играет, пока нет еще Никифоровой земли, главную роль — было бы крепко для нас огорчительно. Отвечайте, Бога ради, скорее, какие меры возьмете Вы против этой вполне неожиданной неприятности. Без Кушелевского Мейдама земля наша много потеряет, не говоря уже о том, что дорога полоса к загону и что в этом смысле потеря его будет незаменима: он в самой северной части Мейдама и дальше поэтому от стен города. Тогда как южнейшая точка нашей земли отстоит от городской стены только на 195 шагов и в этой южной части строить нам едва ли позволят. Если нельзя даром, пусть оставит граф за нами хоть преимущественное перед другими право покупки за его цену. Хюджеты все у меня; я получил их от Вас и до письма от Вас с указанием, кому отдать их, из рук не выпущу их.

Прилагаю в конце копии с депеши о Иордане, каковой есть отчет. Из него Вы увидите, что у меня нет и 122 тыс. пиастров, а я, между тем, с завтрашнего же дня приступаю к негоциациям по коптскому дому внутри города. Шлите денег скорее, чтобы мне здесь не сесть. Для спешности распоряжений я шлю 27 января копию с настоящего официального письма моего к Вам и к князю Оболенскому. Он, быть может, найдет возможным выслать мне тысяч полтораста пиастров, не дожидаясь письма от Вас.

Прилагаю и копию с контракта, заключенного мною с Танусом. Купчая эта занесена целиком в Книгу актов английского консульства и в Книгу актов русского консульства и, кроме того, прочитана мною с официальною, на всякий случай, оговоркою консулам французскому и прусскому. Последний был так обязателен, что при мне просмотрел все старые хюджеты Тануса и успокоил меня, объявив, что они в порядке. Этим ко времени получения фирмана и кончен обряд легализации покупки. Как придет фирман, тогда составим формальные хюджеты на имя русского консула и занесем их обычным порядком в книги Мехкеме; причем придется раздать наказным от 15 тыс. до 20 тыс. пиастров. Это уже выгода местного порядка, вроде потери нами на новый год 11 тыс. пиастров из-за того только, что местным властям вздумалось изменить курс денег. Хотел я было заключить купчую, являя ее в Мехкеме, теперь же — на имя Панайоти, так было бы вернее. Но приходится беречь деньги, и лишняя тысяча рублей для нас теперь важна. Все консулы, впрочем, единодушно говорят, что дело слишком выгодно для самого Тануса, чтобы он решился на обман и слишком оно ограждено седьмым пунктом контракта и передачу мне в руки старых хюджетов, чтобы можно было чего-то еще опасаться.

Земля наша тем хороша еще, что лежит в единственном под городом месте — на одной высоте с Иерусалимом: от нее до ворот города ни

подъема, ни спуска; обстоятельство довольно важное для поклонников наших, между которыми большинство люди старые и слабосильные, для которых ходьба по горам была бы тяжела.

Я никак не могу себе уяснить Ваших планов в Рамле. Вы ничего не писали мне об этом деле, крайне двух-трех слов о необходимости нанять там дом, но что до сих пор еще не сделано, хотя третьего дня я послал туда юного Марабуги с поручением кончить это дело, так unsuccessfully веденное Пьеротти. Положим, что найдем мы дом. Что же из этого? Если только мы не будем в состоянии кормить у себя поклонников наших на ночлеге, все они пойдут не в наш пустой дом, а в греческий монастырь, где их кормят. Судите, какой триумф грекам и какое странное положение русских властей перед поклонниками. В Яффе, например, уже не то: там они проводят сутки, иногда более, и имеют поэтому время сходить на базар и сварить себе кое-что. В Рамле же они только ночуют, базар рамльский гораздо меньше яффского, и, не купивши чего-либо с утра, позднее ничего там и не найдешь; а ранним утром караван выступает уже в Иерусалим или в Яффу. В Рамле, следовательно, необходимо встречать поклонников накрытым столом. Грекам, постоянно живущим на месте, это легко: запасы у них постоянно сделаны; дадут знать из Яффы или Иерусалима, что выступает караван в столько-то человек, они уже знают приблизительно час прибытия и к этому времени трапеза и готова. С вопросом обзаведений нашей странноприимницы в Рамле целым домом связано много вопросов.

а) Бесплатно ли или за деньги будем мы давать там поклонникам ночлег и пищу. Если только не бесплатно, то они, по привычке и по шушуканиям яффских греков, станут приставать в Рамле в греческом монастыре. Нельзя же нам с помощью кавасов принуждать их останавливаться у нас, а не у греков. Переманить их к нам можно только приманкою сохранения денег.

б) Управляющим домом да арабскою кухаркою ограничиться будет нельзя: в греческом монастыре есть кому наблюдать, чтобы кухарка не воровала; а трапеза на 30, на 50, а иногда и более человек раз в две или в четыре недели, порою же — как перед Рождеством, например — и чаще (т.е. в две), — дело довольно стоящее; вверить же управляющему на грошом жалованья да арабке — опасно. Припасы, пересылаемые из России (кислая капуста, крупа, хлеб, сало) и покупаемые на месте (постное масло, чечевица) станут разлетаться без надзора вполне надежного человека, так что придется нам поплачиваться, да разбирать отсюда жалобы наших поклонников на то, что худо кормят или мало дают. Вот и необходимость назначения отдельного агента в Рамле на правах домохозяина и книговода для провизии и денег, на нее отпускаемых. Помните, что вопрос о даровом или за деньги продовольствии поклонников наших в Иерусалиме — вопрос, до которого теперь пока

мы не можем еще и дотронуться до времени сооружения нашей здесь странноприимницы. Пройдет три года, а в эти три года каким полезным этюдом для нас была бы проба такого бесплатного boarding house⁶⁹ в Рамле, но только и непременно — при условии честного и распорядительного агента, которому доверен был бы такой boarding house. Без даровой пищи же поклонников я не предвижу ничего нужного от рамльского наемного дома. Проверка действий рамльского агента могла бы быть вверена Гопчевичу как ближайшему и доказавшему уже полную надежность свою агенту. Ему ближе; мне же отсюда 9½ часов пути и надеяться в Рамле будет некогда. Напишите, чем думаете Вы покончить это дело.

Куда прикажете адресовать Вам следующие письма?
Вашего Превосходительства покорнейший слуга

В. Доргобужинов

17

В.И. Доргобужинов — Д.А. Оболенскому

Иерусалим

27 января/8 февраля 1859 г.

Милостивый государь князь Дмитрий Александрович.

С нынешнею почтою только считаю себя вправе писать к Вам, потому что на прошлой неделе загородная земля наконец мною куплена за 284 тыс. пиастров (т.е. за 14 947 руб. сер.) у драгомана здешнего английского консульства, араба Тануса. За эту огромную цену мы имеем около 6 тыс. квадратных сажений на Мейдаме, единственной возвышенной плоскости под Иерусалимом, где производятся учения войск и устраиваются праздничные гулянья. Место это — конечно, лучшее место под городом. Отстоит оно от Яффских ворот на триста только шагов, а от северной стены — на двести; лежит на одинаковой высоте с Иерусалимом, чрез что мы избегаем неудобства подъемов и спусков, крайне затруднительных для поклонников наших, между которыми много людей старых и слабосильных; возвышенно и потому здорово; прилегает к Наплузской дороге и отстоит в нескольких только шагах от большой Яффской; наконец, господствует над целою окрестностью, что кроме бесподобного вида на город, Елеонскую гору и Заиорданье, даст нам возможность расположить постройки наши на месте, бросающемся в глаза каждому, сюда прибывающему, и вполне соответствующем и достоинству имени русского, и требованиям положения нашего здесь, как делателей позднейших.

⁶⁹ Пансиона (англ.).

Из прилагаемой копии с письма к Б.П. Мансурову, Вы изволите усмотреть как трудна и туго шла вся эта тяжелая операция покупки земель. Дело испорчено было в начале криком и затем посредником итальянцем Пьеротти, обманувшим доверенность нашу и обокравшим нас бессовестно. Уследить за ним и вовремя предотвратить зло не было возможности, так как необходимость для нас скупать земли тайком от паши, до той минуты, когда я отнес ему бакчиш в 76 тыс. пиастров, исключала всякую возможность раскрыть мошенничество этого порочного человека до времени окончания покупкою первого участка; после чего он немедленно был отстранен мною от дальнейших приобретений для себя и далее.

Теперь, впрочем, дело уже исправлено и единственным затруднением остается только разрешение Порты на возведение наших построек в районе пушечного обстрела от крепостных стен. Здесь, с пашою, дела много уже заправлено; о нем же пишу с нынешним курьером и к князю Лобанову. Надо надеяться, что отстоим⁷⁰ право, предоставленное уже прежде нас протестантской школе и банкиру Монтефиоре.

Из прилагаемых копий — весьма, разумеется, секретно и только для Вас лично, милостивый государь, — изволите усмотреть, как идут здесь дела консульства и дела греков.

План купленной земли препровождаю, с покорнейшею просьбою извинить за его неопрятность: дела много, а рук мало. Прошлую ночь я спал только три часа, отчего и теперь пишется плохо.

Утруждаю Вас покорнейшею просьбою переговорить с графом Кушелевым о том, о чем я прошу переговорить с ним и Мансурова, если захватит он графа в Париже. Если же последний уже в Петербурге — одна надежда на Вас. Кушелевская часть Мейдома нам необходима: она округляет наш участок теперь и станет еще необходимее с той минуты, как решим мы прикупить землю грека Никифора. Я не могу понять такой крутой перемены в намерениях графа. Тут должна быть какая-нибудь сплетня.

Высланных⁷¹ мне тысяч десяти целковых теперь <...>⁷² — много изволили бы Вы подвинуть дело о покупке земли в городе под консульский дом и поклонничий городской приют; пишу условно, потому что знаю, что договоренности еще не приведены в систему и я не имею пока еще права просить Вас о том официальном путем.

Грустно, что денег у нас мало. У меня в кассе, например, не наберется и 6 тыс. целковых. Сколько у Вас, точно не знаю. На положение сербов и болгар в иерусалимских греческих монастырях смотреть нельзя

⁷⁰ Так в тексте.

⁷¹ В оригинале «высылного».

⁷² Слово неразборчиво.

равнодушно. <...>⁷³ самим именно то поле, где нам нечего бояться выразить им свое сочувствие. Вот и необходимость, наиважнейшая необходимость, увеличить будущую странноприимницу нашу с тысячи на две тысячи человек. Что за народ-то, если бы Вы видели! Один болгарин, например, прибыл сюда сам — тринадцать; по костюму не отличить его от товарищей, и всех двенадцать поднял на свой счет с родины поклониться Святому Гробу. Не утопия — надеяться на благодарное сочувствие здешних людей за приют им в Иерусалиме, где мокнут они паки на гнилой подстилке в греческих кельях. Ну что бы наведаться сюда какому-нибудь Кокореву! Ведь посмотрел бы и дал бы. Все некогда, верно, от дела урваться.

Отец Леонид возвращается по весне в Россию; с ним, если не случится верной оказии до его отъезда, надеюсь сообщить Вам кое-какие подробности. Остальное выслушаете от него лично, как приедете, Бог даст, по лету в окрестности Оптиной Пустыни.

Тяжело здесь живется. Лишь бы здоровье не пошатнулось; а больше двух лет, как ни бейся, не выживешь.

С совершенным почтением и таковою же преданностью, имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

Вл. Доргобужин

18

В.И. Доргобужин — А.Б. Лобанову-Ростовскому

Иерусалим
№ 38

16/28 декабря 1858 г.

Господин посланник!

Если в первые три месяца моего пребывания в Иерусалиме я не представил просвещенному вниманию Вашего Превосходительства своих соображений о местных людях и обстановке, то это потому, что со времени моего неожиданного поступления на консульскую службу я посчитал своим долгом компенсировать свою неподготовленность к возложенным на меня полномочиям точностью сведений, которые я буду сообщать императорскому посольству.

Я посчитал, что срочно должен использовать данный перерыв в корреспонденции, чтобы сблизиться и пригласить к себе разных местных знатных лиц, и думаю, что мне это удалось. Некоторым из них я обязан сведениями, которые позже смог сопоставить с информацией, почерпнутой из других источников, и неоднократно сравнить

⁷³ Фраза неразборчива.

с собственными наблюдениями. Этот подготовительный труд — единственное имеющееся в моем распоряжении средство, чтобы придать фактам, которые я собираюсь сообщить, характер относительной достоверности, каковой единственно доступен в такой стране, как Палестина, где столько разнородных групп ведут друг с другом войну из глухих интриг и где ложь царствует во всех соглашениях в жизни местных обитателей, которых деспотизм уже много веков приучает лгать, чтобы выжить.

Это значит, господин посланник, что, не гарантируя совершенной достоверности сведений, которые я буду сообщать в своих депешах, я искренне стремлюсь выбрасывать из них, насколько возможно, все поспешные суждения и оценки, сделанные в раздражении, этот камень преткновения, о который спотыкалось столько европейцев, с самых первых шагов на Святой Земле сражающихся с неискренностью греков и арабов. Завершаю эту долгую преамбулу, уверяя Ваше Превосходительство, что моя последующая корреспонденция будет составляться с полным осознанием ее важности, поскольку, раз существует убеждение, что дипломатические успехи миссии всегда определяются более или менее глубоким знанием страны, где она ведет свою деятельность, то соответствующие исследования допускают разделение исследователей, и если большой обобщающий труд применительно ко всей Империи делается несколькими выдающимися людьми под руководством Вашего Превосходительства, то, как мне представляется, консулы способствуют ему, поставляя сырые материалы. Им принадлежит инициатива сообщать детали, а точность их донесений в посольство иногда имеет последствием уточнение исходящих оттуда приказаний, которым они подчиняются.

Ныне, когда разрешение больших вопросов, касающихся Святых Мест, кажется, отложено, я особенно занимаюсь положением наших поклонников в Иерусалиме. В настоящий момент их насчитывается 489, из коих 152 мужчины и 337 женщин. Первые проживают в монастыре Св. Михаила напротив особняка нашей Духовной Миссии. Эта близость наших достойных монахов — некоторые из них живут в самом монастыре, — оказывает благотворное воздействие на наших поклонников, которые в монастыре ведут себя спокойно и за любовными утехами ходят в иные места. Однако женские монастыри вызывают у меня беспокойство. Паломницы распределены по трем монастырям — Св. Феодоры, специально отведенному для наших поклонников, Св. Екатерины и Св. Георгия, служащих вспомогательными для первого, где число келий недостаточно велико, чтобы принять всех русских женщин, число которых вдвое больше наших поклонников-мужчин. В Св. Екатерине и Св. Георгии Патриархия поселяет своих греческих поклонниц, а русские там в меньшинстве. Согласно паломническому уставу, составленному господином Базили, вход в женские монастыри мужчинам запрещен, и наоборот. Однако вся охрана

обители сводится к одной-единственной привратнице из числа самых старых, самых мягких и самых бедных поклонниц и одного греческого настоятеля, который очень заботится о том, чтобы взять с них то, что причитается Патриархии, которая старается выставить свои монастыри гостеприимными, отдавая их на откуп тем, кто щедрее всего платит, а посему он весьма заинтересован, чтобы привлечь туда как можно больше народу, делая ему все возможные уступки относительно правил поведения. При таком положении вещей привратница никого не стесняет, и русские и греческие послушники — самый праздный и испорченный класс в городе — избирают своим местом жительства женские монастыри. Если у них спрашивают, что они там делают, то ответ всегда один: они пришли выпить чаю к землячке. Но вместо чая пьют водку и, напившись, дают волю рукам. Иногда эти шумные чаепития кончаются менее трагически, и участники отправляются на увеселительную прогулку за ограду — в Гефсиманию, Беганию, в Св. Иоанна Пустынника, чтобы разыграть пасторальную сцену под оливами. Во время своего пребывания здесь Иерусалимский Патриарх говорил мне о некоторых скандальных сценах в монастырях, в которых вроде участвовали русские женщины. Я заметил Его Блаженству, что охрана монастырей набирается греческими настоятелями, которые там управляют, и что консульство могло бы вмешаться в происходящее только вследствие направленной отсюда жалобы, следовательно, священникам надлежит без промедления доводить до моего сведения любой повод к скандалу, поданный русскими, и чтобы раз и навсегда покончить с этими шумными чаепитиями, Патриарх хорошо сделал бы, если бы объявил греческим монахам, что всякий раз, как случатся беспорядки среди проживающих в монастыре русских и новость о них дойдет до консульства прежде, чем священник подаст жалобу, последний предстанет перед епитропами с объяснениями своего сговора с виновными.

Все восхищались прозорливостью моего замечания, с ним соглашались, но все остается, как прежде, и за полтора месяца с тех пор, как состоялся этот разговор, мой хранитель печати разбирался в четырех драках, а настоятель монастыря, где все происходило, ничего не сделал, чтобы известить консульство. Этот факт, сам по себе весьма незначительный, приобретает важность, если рассматривать его наряду с другими мелкими поступками Патриархии, которые время от времени проясняют ее отношение к нашему епископу и русскому консульству. Греки, подчиняющиеся все материальным соображениям, с большим неудовольствием ожидают того времени, когда окончательное устройство запланированных нами учреждений в Иерусалиме позволит нам бесплатно оказывать нашим поклонникам гостеприимство, которое столько веков было выгодно Патриархии. Она бы охотно обошлась без нашей Духовной Миссии. Что касается русского консульства, оно ее устраивает в качестве институции, которая будет служить ей точкой опорой в спорах с пашой. Но самая заветная

ее мечта — статус-кво в отношениях с нашими поклонниками, и чтобы его сохранить или, на худой конец, удержать хоть какие-то его обрывки, все средства хороши, даже интриги и клевета. Тут бесконечно трудятся, чтобы настроить наших паломников против епископа и меня. Впрочем, обстоятельства тому прекрасно способствуют: во все времена русские в Иерусалиме не обращали внимания на власти и творили, что хотели, а когда дело заходило слишком далеко, всегда была возможность с помощью денег договориться с греческими монахами, общепризнанными покровителями наших подданных. Посему не приходится удивляться, что водворение русских властей в Святом Граде вызывает очень мало сочувствия у большинства наших паломников, а Патриархия схватывает налету самые первые проявления их недовольства в отношении к нам, чтобы использовать его с выгодой для своих дальнейших планов. Строгие меры, установленные консульством, находят в монастыре толкователей в сутане, которые воздевают руки к небу, стенают от сострадания и извращают их смысл из-за чрезмерного сочувствия к тем, на кого они распространяются. На все бесчинства, вредные для нравственности и доброго имени русских поклонников, закрывают глаза, но если вдруг проступок, кажется, дурно отразится на интересах синодального казначейства, требуют вмешательства консульства и прячутся за его спиной. О том, чтобы простить обиды, помиловать виновных и прочие евангельские истины, обязательные для Божьих людей, они забывают — за исключением той, что предписывает умыть руки и осудить меня перед лицом виновных, когда я являюсь восстановить порядок и дело заходит слишком далеко, так что я не могу уже отступить, не поправ достоинства возложенных на меня обязанностей.

Все эти порывы сострадания и попытки поменяться ролями, когда Патриархия стремится разыгрывать из себя защитницу наших поклонников от злых намерений епископа и русского консула, объясняются гипотезой, быть может химерической, о том, что она желает отбить у нас часть поклонников ко времени планируемого открытия приютов в Иерусалиме. Нет ни малейших заблуждений насчет возможности соперничества между крупномасштабным безвозмездным представлением приюта, осуществляемым государством при помощи средств такой великой империи, как Россия, и гостеприимством на греческий лад, с жильем грязным, тесным, от которого за версту несет его хозяином-ростовщиком, однако рассчитывают на низменные человеческие инстинкты, которые непрерывно и бесстыдно эксплуатируют, чтобы одержать верх над нашим будущим приютом. У русских поклонников там будут свои службы на русском языке и исповедники-соотечественники, просторные, чистые комнаты, с деревянным полом и потолком, проветриваемые и отапливаемые зимою, а еще аптека и больница, и за все это не придется платить. Те, кто предпочтет этой «золотой клетке» берлогу с соответствующими вольностями, смогут купить ее у греков,

те рассчитывают на это, но они не получают содействия русских властей, которых перед Богом и совестью нельзя упрекнуть в чрезмерном покаянии своим соотечественникам.

Надеюсь, что Ваше Превосходительство не составит себе ложного представления о подлинной цели сего описания положения вещей. Повторю, что краски ничуть не сгущены. Если я поставил себе целью описать его Вам таким, каково оно есть, это, конечно, никак не для того, чтобы дискредитировать в Ваших глазах большинство наших поклонников, а еще менее для того, чтобы подорвать мысль о братской солидарности между нами и греками, которую примитивные традиции нашей политики на Востоке объявляют законом совершенной необходимости. Первое было бы достойно интригана, который, сильно принижая уровень нравственности доверенных ему собратьев, стремился бы добиться в дальнейшем почестей благодаря своим вымышленным успехам на пути их наставления. Второе пристало бы глупцу, который слишком стремится стать новатором в той сфере, где ему следует всему учиться. И того, и другого было бы достаточно, чтобы навсегда лишить меня Вашего доверия. Посему, если в нынешней депеше я не прибег ни к оговоркам, ни к недомолвкам, то это потому, что в глубине души я сознаю, что самая неприглядная правда, как простое перечисление фактов, всегда тем ценна, что служит предостережением, которое станет полезным в соответствующее время и в соответствующем месте. К тому же нынешние и будущие уловки Патриархии никогда не смогут отвратить меня от той умеренной и примирительной роли, которую мне отводят местная обстановка и люди. Все, что я здесь вижу, укрепляет меня в мысли, что для нас наилучший способ плодотворно действовать в Палестине — это заручиться уважением и, насколько возможно, доверием греческого духовенства: моя программа поведения, которую Вы, господин посланник, сообразовали наметить во время моего пребывания в Константинополе, во всех пунктах полностью подтверждается особенностями нашего нынешнего положения в Иерусалиме.

Я счастлив завершить данную депешу, предложив вниманию Вашего Превосходительства некоторые данные относительно наших поклонников и дающих им кров лиц, чтобы смягчить дурное впечатление от вышеизложенного.

Поведение большинства наших паломников редко оставляет желать лучшего. Если в их общем числе и встречаются некоторые индивиды, особенно женщины, которых достаточно трудно призвать к порядку, то число этого разнузданного люда не более 10, а пропорция 10 к 500 вполне удовлетворительна. Единственное серьезное наказание, которое я посчитал необходимым наложить со времени своего вступления в должность, касалось монаха, который в полном опьянении в монастыре Св. Иоанна принялся оскорблять достойных паломников, которые пили чай, не предлагая ему. Он обещал им в самом ближайшем будущем,

чтобы научить их жизни, множество неприятностей в связи с отменой крепостного права, и все это в присутствии десятка наших крестьян, которые слушали его разглагольствования, но не поддакивали. Несколько дней спустя после этой глупой выходки этот человек был выслан в Россию. Между тем, видя раскаяние преступника, я позаботился получить у нашего достойного епископа обещание не сообщать о случившемся его епархиальному начальству. Судя по всему, не нанеся непоправимого ущерба будущему этого человека, я добился своей цели, и эта высылка произвела очень благотворное впечатление на наших местных бонвиванов. До меня недавно дошли сведения, что один из таких господ, которому кто-то угрожал русскими властями в Иерусалиме, отвечал: «Даже не говорите мне об этом, их столько понаехало, что уже не стоит приезжать сюда». Хотел бы я в это верить, и как только это правильное решение, которое ныне выражено только словами, воплотится в дела, я посчитаю себя вправе пропеть *nunc dimittis*.⁷⁴

Патриархия делает что может, чтобы пристойно разместить наших поклонников. Комнаты, хоть и не такие, какими мы желали бы их видеть, при всем том пригодны для жилья. Кроме 3–4 комнат в монастыре Св. Михаила, более сырых, чем остальные, и где много недель никак не закончат изготавливать деревянные кровати, все остальные комнаты сносные. В них страдают от сквозняков из-за плохо сделанных оконных рам и дверей, но санитарное состояние для наших подданных от этого почти не страдает. Из ста больных, имевшихся с мая месяца, умер лишь один. Этим прекрасным результатом мы, по большей части, обязаны неустанному, бескорыстному и поистине евангельскому усердию доктора Мазараки, доктора из греческого монастыря и нашей маленькой больницы. Позвольте, господин посланник, вернуться к этой теме в моей следующей депеше, поскольку этот в высшей степени честный человек заслуживает наших симпатий по множеству причин.

Его Преосвященство Кирилл еще не вернулся из своего путешествия в Дамаск.

Патриарх Валерга, нанесший мне визит, вернулся на прошлой неделе из Бейрута, где дела греков-униатов требовали его присутствия.

Заканчиваю просьбой к Вашему Превосходительству соблаговолить отправить мне, если это возможно, французскую версию хати-шерифа гюльхане, которую я не смог найти ни в одной канцелярии моих здешних коллег.

Примите, господин посланник, уверения в моем глубочайшем почтении, с коими имею честь быть Вашего Превосходительства...

Пер. с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

⁷⁴ Ныне отпускаеши (*лат.*).

Иерусалим
№ 42

31 декабря/12 января 1859 г.

Ваше Сиятельство!

С последней почтой я довел до сведения императорского посольства некоторые данные о нынешнем положении наших поклонников в Иерусалиме и о том влиянии, которое на них оказывают. На этот раз я считаю своей обязанностью обратить Ваше внимание на Патриархию и наиболее примечательных лиц, ее составляющих. Позвольте мне начать с Патриарха, поскольку, хотя он обычно и проживает в Константинополе и, посему, многочисленные сведения, собранные о нем на месте, могли составить Ваше окончательное мнение о его характере, я беру смелость утверждать, что некоторые дополнительные сведения на его счет могут быть Вам интересны, особенно если они собраны не в Константинополе, где Его Блаженство Кирилл предпочитает быть маленьким и незаметным, боясь, как бы с него не взыскали за малейшее проявление себя, а в Иерусалиме, где он сам взыскивает со всех.

Характер Его Блаженства образован противоречивыми качествами. Всегда скрытный, хитрый, даже коварный, он часто подчиняется вспышкам гнева, капризам, свойственным детям или нервным женщинам. И надо всем этим господствует неутолимая жажда денег, которая является отличительной чертой его народа. Его ум, очень тонкий во всем, что касается выгоды и создания новых источников дохода, очень изобретательный на всякие уловки, чтобы душиить поборами свой народ, оставляя ему лишь столько, сколько нужно, чтобы он совсем не умер с голоду, его ум в единственном серьезном разговоре, который мы вели насчет пособий, назначенных духовенству немусульманских общин, проживающих в Турции, мне показался прискорбно узким. Все будущее Греции видится ему лишь в двух фазах: той, когда государство содержит духовенство, и той, когда духовенству предоставлен мягкий режим сбора податей и откуп епархий. Первую он считает недостижимой иллюзией, говоря о ней с той презрительной улыбкой человека, который знает, что богат, и думает, что может все купить, даже сохранение статус-кво в настоящем случае. Что касается мысли о необходимости уступить требованиям нынешнего времени, она просто не входит в его близорукое и затемненное эгоизмом разумение. Очень гордящийся своим умом, он считает себя единственной опорой Православной Церкви. О Вселенском Патриархе и своих собратьях из Антиохии и Александрии он говорит лишь с иронией и высокомерием. Он измеряет интеллектуальную ценность этих иерархов в соответствии с их денежными средствами, и

небольшой кредит доверия к ним в Порте, другими словами, скудость денег, которые они могут там раздать, является его излюбленной темой для насмешек. Себя он считает — возможно, справедливо — хозяином положения, особенно после тех насильственных мер, которые он ввел несколько лет тому назад, когда лично возглавил казначейство Иерусалимской Патриархии в Константинополе и назначил епископа Лидды своим вторым епитропом. Это означало одним ударом гарантировать себе настоящее и будущее. Из-за того, что казначей при своем второстепенном положении в церковной иерархии отвечал за суммы в Синодальном казначействе Святого Града, Его Блаженство неуютно чувствовал себя в Константинополе, он не находил ни покоя, ни отдыха, будучи вынужденным при ограниченном бюджете бороться с местными интригами и происками Иерусалимского Синода, который всегда использовал для них имеющиеся в его распоряжении крупные суммы и не жалел денег для достижения своих целей против Патриарха всякий раз, как намерения последнего расходились с интересами высшего духовенства.

Дело Феофана II, который перенес свою резиденцию из Святого Града в Константинополь, чтобы быть ближе к Порте и там с помощью бакшишей бороться с романскими, армянскими и прочими кознями, дело Феофана II казалось ему незавершенным до тех пор, пока он не победил враждебности к себе Синода, вырвав у того все доходы от его метохов⁷⁵ в Княжествах, т.е. $\frac{5}{6}$ от чистого актива его бюджета, и до тех пор, пока он не увеличил свой кредит в Порте за счет этих денег, которые уже неоднократно использовались против него. Он добился этого в 1849 г., по окончании жестокой схватки с Его Преосвященством Иерофеем, нынешним Патриархом Антиохийским, когда он на собственном горьком опыте узнал, чего стоит упрочить свое положение в Константинополе. Нанеся мощный удар, он стал распоряжаться доходами в 250 000 рублей серебром, а остальное бросил Синоду своего Патриархата. Поскольку Его Высокопреосвященство Мелетий, митрополит Петры и первый епитроп, энергично противостоял ему в деле о метохах, Патриарх посчитал нужным приставить к нему в качестве второго епитропа собственную креатуру, Его Преосвященство Герасима, епископа Лидды. Последний в настоящее время пользуется безграничным доверием своего патрона, который оставляет себе львиную долю от куцевого бюджета Синода и заправляет компанией входящих в его состав епископов, держа в одной руке монеты в 20 пиастров для послушных детей, а в другой — смещения с кафедры для строптивцев. Иерусалимский Патриархат насчитывает 10 епископских престолов, но из всех иерархов, их занимающих, лишь двое проживают в своих епископствах, а именно — Прокопий, экзарх Финикии, который уже много лет живет

⁷⁵ Небольшой монастырь, приход, подворье и пр., в целом, церковные имена.

в Птолемаиде, и недавно избранный митрополит Назаретский Нифонт, молодой красивый грек, который немного обязан русским своей столь ранней хиротонией. Все прочие — лишь номинальные владыки и не имеют ничего общего со своими епархиями, не получают отсюда ни гроша и постоянно проживают в Иерусалиме в качестве членов Патриаршего Синода. Они там едят из общего котла, ежегодно получают шесть футов ткани на сутану и два фута шелковой ткани на нижнее облачение, вот все из необходимого. Что касается обуви и прочих нестандартных вещей, они покупают их на деньги со служб и похорон, поскольку каждая служба в храме Гроба Господня приносит епископу 30 пиастров, которые отсчитывает ему синодальная казна, а каждый участвующий в похоронах и сопровождающий процессию на кладбище имеет право на 25 пиастров, взимаемых с суммы, которую платят Патриархии, т.к. она здесь присвоила себе монополию на похороны для православных. Из членов Синода почти все в той или иной степени стары и незначительны, только Его Преосвященство архиепископ Фаворский подает признаки жизни. Это человек лет сорока, с красивым лицом, очень молчаливый, очень смиренный и незаметный, но которого здесь рассматривают, не зная, по какой причине, как наследника кафедры Св. Иакова.⁷⁶

Поведав Вашему Сиятельству о некоторых интимных деталях, относящихся к Его Блаженству, дошедших до меня из надежного источника, перехожу к пересказу нескольких сцен, свидетелем которых я стал, когда Его Блаженство поддался своим привычным порывам. В день посвящения епископа Иорданского служба длилась более шести часов, и под конец Патриарх очень устал. Он выставил Святой Крест для поклонения нескольким лицам, присутствующим в святынище, но помимо этих избранных там была еще толпа одетых в черное длинноволосых мальчуганов от 5 до 12 лет, которые, по греческому обычаю, в дни крупных религиозных церемоний всегда снуют в храме. Один из этих монашков, несомненно, совершенно несведущий о социальном неравенстве, посчитал подходящим сделать то, что, как он видел, делали другие, и смело подошел к Патриарху, чтобы поцеловать крест. И ему не поздоровилось, потому что рука, державшая крест, отвесила такой удар в грудь ребенка, что тот отлетел на пару шагов. Такая же сцена произошла спустя несколько дней на улице: один человек из народа приблизился к Патриарху, чтобы просить благословения, когда тот был в дурном расположении духа. Иногда подобные нервические припадки заканчиваются рыданиями, как в тот день, когда, отправившись к нему с визитом, я застал его произносящим речь перед учениками из семинарии Св. Креста, которых он слезно призывал к евангельским добродетелям.

⁷⁶ Первым Иерусалимским епископом считается апостол от семидесяти Св. Иаков Младший.

Миг спустя ничто не напоминало о произошедшем: он вытер слезы и принялся рассуждать твердым голосом на разнообразные темы. В другой раз произвольный поток угроз и обвинений не прекращался более часа, в тот день мы обедали у него и он все время трапезы бранил тех, кто не обслуживал его так, как ему бы хотелось. В завершение мне остается сказать о его любви к России, о которой он, как я слышал, столь распространялся в Константинополе. Вот, как он действовал в представившихся ему обстоятельствах в течение двух месяцев, прошедших со времени моего приезда и до его отъезда, чтобы доказать эту любовь на деле, а не только на словах и в протестах.

1. Когда я проезжал через Бейрут, один православный грек просил меня ходатайствовать у Его Блаженства о принятии его сына в семинарию Св. Креста, он был готов платить за кров и стол. Патриарх категорически мне отказал, несмотря на то, что я излагал, насколько обоснованы причины, которые побуждают грека избегать необходимости отдать своего ребенка на обучение к католикам.

2. Нашему недавно открытому приюту при монастыре в Яффе нужен был управляющий, а указанный монастырь в данном случае не может такового поставить, поскольку насчитывает всего 4 монахов. Господин Мансуров поручил мне разузнать, согласится ли Патриарх найти среди сотен своих монахов послушника, который смог бы исполнять эту должность за хорошее жалованье, которое мы будем ему платить. Тот же категорический немотивированный отказ.

3. Мой драгоман, остановившийся в монастыре в день моего прибытия, по истечении трех недель был оттуда изгнан. Помня о том почтении, которым всегда следует окружать духовное лицо, и о необходимости расположить к себе греков, я, получив эту новость, направился к Патриарху и просил его позволить моему драгоману остаться в монастыре еще на десять дней, т.е. на тот срок, в который должны были закончить ремонт консульского дома. Его Святейшество Кирилл отвечал, что отсрочки, о которых мы говорим, длятся бесконечно, что, когда мы просили устроить в монастыре моего хранителя печати, речь шла лишь о десяти днях, но вот с тех пор прошло уже больше пяти недель и он вовсе не собирается съезжать. Я положил конец этой сцене, столь оскорбительной для достоинства консульства, поцеловав руку Его Блаженству и сказав ему самым теплым тоном, что, если он считает, что присутствие консульских офицеров в монастыре мешает оказывать гостеприимство паломникам, то я наведу порядок и приму надлежащие меры. На следующий день хранитель печати и драгоман покинули монастырь, а секретарь Патриархии получил 125 рублей серебром в пожертвование на церковь.

4. Поскольку для устройства нашего приюта в Яффе необходимо было найти дом около пристани и по соседству с греческим монастырем, а Патриархия владеет как раз таким домом, господин Мансуров сказал

Патриарху, что нам было бы весьма выгодно арендовать этот дом, если бы плата не превышала 3 500 пиастров в год. Сделали вид, что с нашим предложением согласны, однако, когда Его Блаженство уходил, в нас пустили парфянскую стрелу,⁷⁷ передав через господина Марабути, что дом будет в нашем распоряжении за 6 000 пиастров в год. Скоро будет 6 недель, как уехал Патриарх, однако его Синод так и не получил официального приказа передать дом в наше распоряжение, поэтому большие ремонтные работы, которые мы там задумали, еще не начинались.

5. В день отъезда Патриарха в Константинополь отец Ювеналий, временный глава нашей Духовной Миссии в отсутствие епископа Мелитопольского, направился к Патриарху просить дозволения сопровождать его до Святого Креста, места его первой остановки. Его Блаженство отвечал, что ему совершенно безразлично, будет ли его сопровождать Русская Миссия или нет (дословно). Отец Ювеналий однако спросил у первого епитропа, в котором часу отправление. Ему ответили, что в четыре часа пополудни. Однако в путь тронулись в 3 часа, так что пока мы седлали лошадей, Его Блаженство обогнал нас, и мы встретили его лишь у Святого Креста, где я видел, как он устремился к паше прямо до лестницы — раньше такое делали лишь для господина Базили.

Вот достаточные доказательства той новости, которую мне сообщил один грек — о том, что визирь недвусмысленно запретил Патриарху во время его отъезда из Константинополя делать здесь хоть что-нибудь приятное русским. Любовь Патриарха к России подверглась тяжелому испытанию, но тот достойно с ним справился; в тот единственный раз, когда любовь к русским не послушалась приказаний Его Блаженства и вынудила его подарить епископу Мелитопольскому золотую табакерку ценою в сотню рублей, наш епископ в ответ подарил ему Евангелие с золотой доской, полученное от митрополита Московского и стоящее не менее 600 рублей серебром. Вот как Его Блаженство понимает любовь к русским и как воплощает ее в делах.

Перехожу к наиболее примечательным членам Синода.

Председательствует там Его Преосвященство Мелетий, старый киприот, очень любимым русскими, который сносно говорит на нашем языке и сам достаточно богат, чтобы позволить себе мелкие удовольствия оппозиции. Это человек из народа, который, будучи простым каменщиком, дослужился до выдающегося положения, которое сейчас занимает, и дважды отказывался от Патриаршего престола, который ему предлагали. Это он в Патриархии занимается всем, что касается поклонников, размещает их и многих из них исповедует. До сих пор он казался мне самым симпатичным из членов Синода, и я более всего обхаживал его, чтобы расположить к нашим паломникам.

⁷⁷ Обращаясь в бегство, парфяне метали стрелы во врагов.

Его ахиллесова пята — это также любовь к наживе, с которой совсем недавно мне пришлось бороться вследствие многочисленных жалоб наших паломников на то, что Патриархия не слишком точно исполняет свои обязательства по отношению к тем из них, кто заплатил ей деньги за путешествие на Иордан. Цена этой поездки установлена в рубль с чело- века, и Патриархия заботится, чтобы эти деньги ей платили заранее, т.е. на второй день прибытия паломника. Однако иногда, особенно зимой, снаряжение караванов весьма затягивается, поэтому случается, что те, русские, кто приезжает сюда ненадолго, покидают Иерусалим, не побывав на Иордане, и им даже не возвращают взятые с них деньги.

Это произошло с несколькими нашими паломниками две недели тому назад. Узнав об этом, я поспешил известить митрополита, что дела не могут продолжаться таким образом, и ему пришлось признать мою правоту, дав мне слово чести, что отныне всем русским, кто будет вынужден уехать, не побывав на Иордане, будут возвращать деньги. В действительности, как бы хорош ни был Его Высокопреосвященство Мелетий, во всех случаях, когда речь идет о благополучии паломников и на них надо потратить деньги, его приходится подстегивать. Вот еще доказательство. Наступил сезон дождей и их выпало столько, что некоторые комнаты в монастырях Св. Михаила и Св. Георгия стали почти непригодны для жилья из-за сырости. Совершая объезд монастырей после сильного дождя, я получил множество жалоб на монастырское начальство, которое все время обещает и ничего не делает с дверями и рамами, находящимися в столь плачевном состоянии, в каком я их нашел. Эти кельи, еще сносные в хорошую погоду, во время холодных зимних дождей ужасны: вода сочится сквозь плохо прилаженные оконные стекла, которые здесь не привыкли заделывать замазкой, и грязные ручьи струятся снаружи из-под дверей, некоторые из них настолько испорчены, что крошатся, если нажать на них двумя пальцами.

Наши бедные поклонники, живущие на военном положении с начала дождей, защищаются от сырости, затыкая щели в дверях старым тряпьем, но при малейшей оплошности вода затекает в комнаты и протекает под каменный пол. Тростниковые циновки прекрасно защищали бы от сырости на полу, но они есть не у всех поклонников. В монастыре Св. Михаила четыре комнаты без потолка не выдержали дождя и стали в буквальном смысле нежилыми, хотя в них и живут. Вода там сочится сквозь крышу, и бедный старый мещанин из Аккермана, который живет в одной из этих конурок вместе со своей семьей, находится в самом плачевном положении, потому что всегда, когда идет дождь, ему приходится греть свой ревматизм под одеялами и коврами. Единственный союзник наших поклонников против нерадения греков — это хороший местный климат. Например, за весь декабрь дождь никогда не шел здесь долее суток, и по истечении этого времени всегда наступает несколько часов передышки и солнца, так что можно высушиться без последствий.

Я, разумеется, сообщил митрополиту обо всем, что видел и слышал в монастырях, обещали отправить туда плотников и стекольщиков, но до сих пор ничего не было сделано, несмотря на мои настойчивые просьбы. Оправдываются невозможностью найти рабочих во время праздников, поскольку арабы, которых справедливо называют самыми отъявленными бездельниками во всем мире, не работают и на католическое, и на православное Рождество. Я решил ждать до нового года и, если ко 2 января я обнаружу, что ничего не сделано, то, ничего не говоря грекам, провести необходимые работы за счет сумм, которыми я располагаю.

Его Преосвященство Герасим, второй епитроп и доверенное лицо Его Блаженства, начал свою карьеру у Патриарха как те мальчики на побегушках, которые заполняют передние епископов. В настоящее время это важная персона, лет пятидесяти, о котором говорят больше хорошего, чем плохого. Он болен камнями и порой позволяет себе излишества чревоугодия, а потому всегда хвор и часто находится при смерти. Вот почему его почти не видят, а когда его видят в присутствии его начальства, он всегда старается стусеваться. Ему приписывают большой ум, отменную хитрость и определенную энергию при ведении домашних и секретных дел Патриархии. Что касается внешних дел Синода, таких как отношения с пашой, консулами и паломниками, забота о них возложена на митрополита. Его Преосвященство Герасим имеет преимущество над епископом Фаворским при наследовании Патриаршей кафедры, если бы вдруг он пережил нынешнего Патриарха.

Отец Никифор, секретарь Патриархии, завершает список значимых персонажей. Очень богатый — одному Богу известно, откуда, — с неисчерпаемым запасом хитростей и мелкого коварства, именно он служит подставным лицом и козлом отпущения для Патриархии во всех случаях рискованных приобретений, когда прибыли достаются ей, а затрецины — отцу Никифору. Если дело оборачивается неудачей, турки набрасываются на него, и он, как может, выкручивается из заварухи, но если дело завершается удачно, он имеет право на небольшую долю доходов своих патронов. Этот святой отец подстроил мне столько козней в деле об участках, о которых я сейчас веру переговоры, и так смиренно мне улыбается всякий раз, как меня встречает, что я предпочитаю на этом остановиться, чтобы не сказать о нем слишком много дурного.

Позвольте мне скорее привлечь внимание Вашего Сиятельства к единственному здесь греку, чьи достоинства ни у кого не вызывают сомнений. Возможно, Вы догадываетесь, что я собираюсь говорить о докторе Мазараки, враче из греческой лечебницы в Иерусалиме. По происхождению он иониец, любит русских, почитает Россию и в здешней испорченной обстановке делает неоценимое — он имеет мужество высказывать собственные симпатии, не поступает своими убеждениями. Когда, получив новость о взятии Севастополя, в Иерусалиме местный

сброд, взбудораженный слишком усердными прислужниками консульств, которые все без исключения были нам враждебны, с воплями собрались вокруг какого-то чучела, которое носили по улицам, этот человек, величественный в своем одиночестве, доказал свой героизм, когда стоял у окна с двухзарядным карабином в руках и отгонял толпу своими энергичными жестами и словами. Толпа отступила и ушла бесчинствовать в другом месте, а часть улицы, находившаяся под окном героя, осталась незапятнанной. Нужно слышать, как поклонники говорят о докторе Мазараки и о заботах, которые он им расточает, нужно видеть его за работой с самого восхода солнца, когда он бежит из одного монастыря в другой, от греческой лечебницы до русского госпиталя (у греков до сих пор его нет), от госпиталя до Св. Креста. Не следует забывать, что он еще стал доктором для бедняков, и его заботы о бедных арабах не приносят ему ни чинов, ни денег.

Пешком или верхом бежит он среди своих бедняков, несмотря на дождь, грязь и ночную темень. Не далее как позавчера мой хранитель печати был свидетелем самоотречения такого рода: они беседовали с доктором темным дождливым вечером, когда около 10 часов пришли сказать, что у одного из учеников Св. Креста случилось кровоизлияние. Мгновение спустя Мазараки был уже в пути. Между тем монастырь Св. Креста находится в двух верстах от города, и ведущая туда дорога, хотя и прекрасная в окрестностях Иерусалима, все еще не достаточно хороша, тем более ночью. И все это делается без какого-либо вознаграждения, потому что кроме жалованья, которое он получает от Патриархии, он не берет ни гроша ни с богатых, ни с бедных. В предыдущей депеше я уже говорил о результатах, которых этот человек добился в русском госпитале, и позволю себе повторить, что с мая из ста больных умер только один. Это прекрасное поведение заслуженно снискало ему симпатии русских, и Его Преосвященство Мелитопольский еще в начале лета ходатайствовал о награде для него. Награда еще не прибыла, и я считаю своим долгом обратить благосклонное внимание Вашего Сиятельства на необходимость доказать нашу благодарность единственному в этих краях человеку, который не только на словах демонстрирует свою преданность русскому делу. Подобное вознаграждение произвело бы отличное впечатление, особенно сейчас, когда у консульства и Миссии мало друзей в Иерусалиме. Доктор Мазараки близко связан с Его Преосвященством Кириллом, пользуется большим доверием в Патриархии и, в целом, моих здешних коллег, которые единодушно признают за ним большие познания и лояльность вкупе с благородным и достойным поведением человека, знающего себе цену и ничего ни у кого не просящего.

Вот уже некоторое время ходят слухи, что пашу отзовут из Иерусалима. Если эта новость подтвердится, то мне, конечно, придется изменить свое поведение в деле о приобретении участков. Вот почему позволю себе

просить Ваше Сиятельство дать мне какие-либо положительные сведения на этот счет и известить, если возможно, когда прибудет сюда фирман, которые развяжет мне руки в деле об участках.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверения в моем искреннем почтении с каковыми остаюсь Вашего Превосходительства преданным слугою...

Пер. с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

20

В.И. Доргобужинов — А.Б. Лобанову-Ростовскому

Иерусалим

Январь 1859 г.⁷⁸

Ваше Сиятельство!

В настоящей депеше я намеревался представить отчет о положении арабской общины в Иерусалиме, однако, хотя черновой вариант исследования уже подготовлен, я вынужден отложить эту тему до следующей депешы, поскольку все последние дни помимо дела об участках земли, окончательного устройства почтовой службы и пока еще планируемой нашей транспортной службы, помимо непрерывных распрей наших поклонников, моих переговоров с Патриархией, где с первого слова ничего не делается, и необходимости удовлетворять бесконечные требования русских евреев, здесь проживающих, я все вечера посвящал допросам, очным ставкам, прочтению свидетелям их показаний и прочим процедурам по уголовному расследованию, которое я вынужден был вести в связи с одной кражей, совершенной с применением насилия и при помощи западни несколькими русскими евреями против одного нашего армянина. Мое серьезное отношение к этому инциденту, впрочем, единственно возможное в столь тяжелом случае, кажется, весьма импонировало Армянскому Патриарху, который очень интересуется судьбою своего единоверца и не слишком избалован турецкими юридическими процедурами. Теперь предварительное расследование завершено, и с завтрашнего дня я займусь им окончательно, чтобы постановить, необходимо ли отправлять обвиняемых в Россию. Российский кодекс, который мне положительно обещал Азиатский департамент, еще не доставлен, и я принужден следовать французской процедуре. Дабы обеспечить обеим сторонам все гарантии безопасности, я посчитал необходимым приставить к ним в качестве вспомогательных защитников двух лиц,

⁷⁸ Письмо без конца, дата отсутствует. Датировка приводится по контексту описываемых событий: празднование Богоявления 6 января на Иордане.

говорящих на их языках и способных уловить и передать по-русски все нюансы показаний обвиняемых, нюансы иногда весьма важные, чтобы распутать вопрос о виновности. Один из этих людей — русский армянин, которого я просил у Армянского Патриарха, другой — профессор Левисон, которого Его Преосвященство Кирилл, по моей просьбе, убедил взять на себя эти функции. Разумеется, мы сделаем все возможное, чтобы не доводить до отправки обвиняемых в Россию, ибо подобная необходимость взволновала бы еврейскую общину Святого Града и дала бы повод к комментариям и статьям. Однако, если факт преступления будет установлен, подобной необходимости будет сложно избежать.

За прошедшие две недели заслуживает упоминания попытка русских совершить паломничество к Иордану. Мысль совершить богослужение в день Богоявления на берегах святой реки во все времена вдохновляла паломников. За исключением некоторых частных лиц, которые с мощным эскортом отправлялись туда в этот день, православные поклонники массово туда не ходили, поскольку предприятие это связано с серьезной опасностью, и Патриархия с 1815 г. перестала снаряжать караваны на Иордан в день праздника, опасаясь, во-первых, бедуинов, которые в эту пору спускаются с гор, чтобы погреться на солнце в Иорданской долине, а также из-за предосторожностей, связанных со здоровьем, чтобы не вводить поклонников, подгоняемых чрезмерным религиозным рвением, в соблазн искупаться в святых водах, которые, несмотря на солнце, часто в это время года слишком холодны. В этом году русским вновь пришла мысль попытаться совершить массовую поездку. Наша Духовная Миссия ее поддержала, но греки не хотели и слышать об этом и ссылались на вышеперечисленные причины. Они еще добавляли, что, увидев, как русские отправляются в поездку, их соотечественники и арабы поступят так же, и не будет способа удержать их, ведь необходимость открыто противиться плану, подсказанному религиозным рвением, навредит Патриархии. Наконец, говорили, что в окрестностях обычной стоянки на Иордане нет ни монастыря, ни деревни, никакого иного приюта для паломников, которые обязательно будут принуждены укрываться от дождя и холода в палатках, а число имеющихся у Патриархии палаток, соразмерное с числом богатых паломников, которые ими пользуются для ночлега в хороший сезон, слишком мало, чтобы в них могла разместиться толпа паломников сейчас, когда дурная погода превращает их из предмета роскоши в предмет первой необходимости для всех.

Однако дело было не в этих, хоть и весьма разумных, доводах. Подлинным мотивом, который побуждал греков приводить их с шумом и криками, заключался в том, что они не желали уступать влияния на паломников нашей Духовной Миссии, поскольку были основания полагать, что она сможет снискать общие симпатии, если приложит усилия для

исполнения этого нравившегося многим проекта. С 1 января русские начали говорить о паломничестве. Некоторые лица, по отдельности, сообщали мне эти новости, так я узнал, что отъезд наметили на 4 января. Что касается коллективного демарша и предоставления мне списка лиц, отправляющихся на Иордан, ничего не было сделано. Между тем, по правилам, они должны были представить этот лист. Однажды, в ноябре во время подготовки к этому паломничеству, он был мне предоставлен, и я воспользовался им, хотя и безрезультатно, в переговорах с Патриархией как доказательством того, что число отправляющихся было достаточно велико, чтобы Патриархия прибегла к фондам, предназначенным для снаряжения караванов. Я немедленно воспользовался этим упущением паломников в отношении меня, чтобы вмешаться в дело, где многие обстоятельства вынуждали признать правоту за греками. Первый епитроп поспешил направить ко мне одного архимандрита, чтобы изложить очевидные причины, заставлявшие их выступать против этого путешествия. Я посчитал своим долгом сообщить ему в присутствии одного из отцов нашей Миссии, что я совершенно согласен с его доводами и затея представляется мне рискованной из-за того, что, как кажется, надвигаются дожди, а греческие женщины имеют обыкновение брать с собою в паломничество малолетних детей. Сделав это заявление, я все же не посчитал возможным отказать в содействии нашей Миссии, которая упорно желала совершить это путешествие на свой страх и риск, однако я все же позаботился о том, чтобы разрешить отъезд только при совершенно обнадеживающей погоде. На следующий день, 4 января, с самого утра шел снег, я был очень обрадован и считал, что всякая мысль о паломничестве оставлена, поскольку до праздника оставались лишь сутки, а на путешествие отсюда до Иордана обычно требуется более дня. Но 5 числа утром Его Преосвященство Кирилл уведомил меня, что караван с нашими поклонниками отправился в путь к святой реке в солнечную погоду, несмотря на довольно сильный ветер. Я немедленно отправил верхом своего секретаря, чтобы заставить всех этих людей вернуться, и именно здесь характер нашего доброго народа проявился во всей своей красе. Пока мы запрягали, караван уже вышел из города и опередил моего секретаря и кавасов. Он догнал их на расстоянии получаса езды от Иерусалима, и, по первому слову, все эти люди мирно повернули назад. Между тем я посчитал необходимым лично объясниться с ними и после обеда отправился по всем монастырям. Созвав их, я сказал, что мне нелегко было запретить отъезд после того, как они потратились на наем лошадей, но мне было невозможно действовать иначе, раз они решились предпринять столь опасное путешествие, не спросив моего разрешения. В заключение я зачитал им правила касательно путешествий на Иордан и просил их сообразовываться с ними, мы расстались лучшими друзьями на свете.

В эти дни к нам приехала княгиня Наталья Шаховская, урожденная Четвертинская, которую мне горячо рекомендовали взять под свою опеку граф Киселев из Парижа и господин Балабин из Вены. Она остановилась в монастыре Св. Николая. Это довольно молодая женщина, красивая лицом, прекрасно сложенная, которая в самый разгар сезона покинула Париж и ребенка, которого, по ее словам, она обожает, и отправилась в Палестину совершенно одна, без курьера или компаньонки. Какое мужество!⁷⁹

Пер. с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

21

В.И. Доргобужин — А.Б. Лобанову-Ростовскому

№ 2

Иерусалим

27 января/8 февраля 1859 г.

Ваше Сиятельство!

Предлагаю Вашему благосклонному вниманию описание положения арабской общины в Иерусалиме, которое я обещал Вашему Сиятельству в своей предыдущей депеше; материалы к оному были мне предоставлены арабскими православными священниками.

Общее число арабов, проживающих в Иерусалиме, может достигать 10 000 человек, которые по вероисповеданию разделяются следующим образом:

Православные арабы	450 семей или	2250 человек
Арабы-католики	200 семей или	1000 человек
Армяне	60	300
Греки-униаты	6	30
Мусульмане	примерно 1300	6420
	Всего:	10 000

Из 2250 православных арабов 1750 живут в Иерусалиме уже несколько веков; остальные 500 — беженцы из Наплуза, которые несколько лет тому назад поселились подле своих братьев в Святом Граде, потому что им пришлось покинуть свой город из-за жестокости и преследований со стороны мусульман.

В ту пору, когда султан вновь обрел власть над Сирией, откуда ушел Ибрагим, арабской христианской общине в Иерусалиме еще

⁷⁹ Окончание письма отсутствует.

принадлежали сотни домов, в настоящее время осталось всего десять семей, владеющих домами. Всего за полтора десятка лет достаток уступил место бедности, а преступное ограбление достигло таких размахов, каких не припомнишь в прошлом. Совершенно ясно, что за этот позор ответственны турецкие власти, но, на деле, он был выгоден Патриархии и, отчасти, Кустодии Святой Земли и армянскому монастырю. Я не смог точно узнать, кому принадлежала первоначальная мысль разорить арабов, но козни были так хитро подстроены, что я без особых колебаний отнес бы их на счет греков, потому что армяне намного менее заинтересованы, чем последние, чтобы взять на себя подобную инициативу, а францисканцы недостаточно изобретательны. Вот история этого заговора, какой мне изложили ее арабские священники.

Возвращение турок в Иерусалим после событий 1841 года сопровождалось усилением жестокостей по отношению к арабам-христианам, которым пришлось отвечать этим хозяевам, которых им навязали, за свои симпатии к египтянам. Малейшее нарушение служило паше и его слугам предлогом, чтобы бросить в тюрьму тех лиц, чье состояние давало им алчную надежду получить выкуп. Как только сумма выкупа была установлена и уплачена, человека отпускали, а потом все начиналось с начала. Если нового повода не находилось, его выдумывали, и жертва снова оказывалась за решеткой. На этот раз все было серьезнее: убогая мебель несчастного, его оружие, лошадь, цехины с головного убора его жены — все это уже было потрачено на первое освобождение. Что касается сбережений, то их просто не может быть у арабов, — у арабов, которые, однако, довольно зажиточны, — поскольку это самый праздный и беспечный народ в мире. Превозносят их умеренность, между тем, заслуга эта невелика, поскольку истинной причиной ее является лень. Араб, который чем-то владеет, проедает свое наследство и любую работу посчитал бы для себя бесчестьем... Его портрет будет завершен, если добавить к этому отчаянный инстинкт свободы, переданный моему узнику столькими поколениями предков-кочевников.

Впрочем, такого человека тюрьма не сломит, пока у него есть дом или рубашка, и вот так бедная арабская стрекоза идет стучаться в дверь к греческому муравью и просит у него одолжить немного денег, отдавая свой дом в ипотеку. Греческий муравей, гораздо более обходительный, чем муравей из басни, вовсе не отказывает ей в просьбе. Договариваются о сроках и условиях платежа, и с этого дня бедная стрекоза может распрощаться со своим домом. Как только должнику возвращают свободу, работодатель не упускает его из внимания ни на шаг. Сначала необходимо восстановить быт, что становится поводом для нового займа, вскоре прочие займы увеличивают долг. Займы идут один за одним, и все отличаются друг от друга, при последнем,

сделанном перед сроком уплаты, тон меняется и должника предупреждают, что в условленный день следует заплатить всю сумму. Когда приходит назначенный день, араб оказывается перед альтернативой: он не может ни заплатить, потому что у него нет ни гроша, ни спастись от тюрьмы, потому что у дружбы греков есть свои пределы. Однако эта дружба, неисчерпаемая на хитрости, когда речь идет о том, чтобы вытащить ближнего из трудной ситуации, в критический момент подсказывает мысль о компромиссе — «существует способ избежать тюрьмы: продайте нам свой дом. Вот вам еще золото. Ведь мы не хотим злоупотреблять положением единоверца; мир жесток и на нас клеветают, а мы отвечаем, делая вам благо и привлекая вас к тому благу, которое мы хотим сделать вашим несчастным соотечественникам; составим акт продажи, для вас он ничего не изменит, поскольку пока вы живы, будете жить в своем доме, не платя нам ни гроша за наем; все останется, как в прошлом, только у нас будет право собственности без права пользования, а вы должны будете поселить у себя тех из своих братьев, кто нуждается в жилье; вы немного потеснитесь, но вы поможете нам сотворить добро, а для нас, людей Божьих, это главное». И араб соглашается, ведь ему не говорят, к примеру, что многие из тех, «кто нуждается в жилье», испытывают эту нужду вследствие такой же договоренности, какую ему предлагают, и что за еще небольшую сумму его смогли выставить из его прежнего дома, чтобы использовать его с выгодой для греков, которые взяли на себя лишь обязанность пожизненно поселить других обездоленных в доме, принадлежащем теперь Патриархии. Поступая таким образом, по истечении полутора десятков лет Патриархия оказалась владелицей 170–180 арабских домов стоимостью в 7–8 миллионов пиастров, т.е. вдесятеро больше, чем заплатили их прежним владельцам. Вот так целая арабская община, насчитывающая более 2000 человек, живет бесплатно за счет Греческой Патриархии! Складывается впечатление, что это продолжение системы, принятой для ее епископов, с той лишь разницей, что епископов кормят, тогда как арабов содержат гораздо хуже, поскольку из их числа всего пять сотен самых неимущих имеют право на порцию хлеба в 10 пар (16/19 коп. сер.) в день. Этот хлеб гораздо хуже, чем у латинян, и весит всего 100 драхм, т.е. четверть оки или чуть больше половины русского фунта. Кроме хлеба Патриархия каждый год дает самым бедным до 30 тысяч пиастров, по 15 тысяч на Пасху и Рождество, дважды в год, или по 60 пиастров на человека в два приема, а сверх этого она раздает ежемесячно до 500 пиастров калекам, старикам, неизлечимым больным, наконец, тем из 500 коренных жителей, кто совершенно не может работать, чтобы получить хоть какие-то деньги, и число которых составляет от 20 до 30 человек. Короче, греки ежегодно тратят на неимущих арабов:

1) раздают 500 хлебов в день, их цена на базаре 10 пара,	
себестоимость для греков, которые их пекут, не превышает	
7 пара за штуку, таким образом за 182 500 хлебов в год	31 937.
2) На подарки к Пасхе и Рождеству	30 000.
3) На милостыню паралитикам	6 000.
Итого:	67 937.

Остается еще подсчет платы за бесплатный найм в арабских домах, выделенных Патриархией узуфруктуариям. Чтобы не запутаться, допущу, что эти дома ничего грекам не приносят, оставлю в стороне право собственности без права пользования, которое они приобрели при продаже. Принимаю во внимание только те дома, которыми они пользуются к собственной выгоде, выставив прежних владельцев. Число таковых может достигать трети от общего числа домов, купленных у арабов, хотя священники, которые рассказали мне все эти подробности, считают, что их половина. Впрочем, общая стоимость отнятых домов равняется 7 500 000 пиастров, треть этого капитала, т.е. 2 500 000 пиастров, приходится на здания, которые уже находятся в полном владении Патриархии.

Вычтя из этого последнего числа в 2 500 000 пиастров сумму в 750 000, уплаченную арабам при приобретении всех 175 домов, затем 1 023 000 процентов⁸⁰ за 15 лет, когда проходили покупки, всего 1 779 000, мы приходим к цифре в 727 000, которая составляет чистую прибыль греков от операции.

Допуская, что сумма, которую они тратят ежегодно на содержание арабов и которая в целом, как мы видели выше, равняется 68 000 пиастров и является теми самыми процентами с 727 000 чистого дохода, мы видим, что в этой сделке греки не платят и 10 процентов, и от этого еще далеко до нормальной ставки для Иерусалима — 18 %. Если добавить сюда еще 2–3 % на содержание домов, предоставленных арабам, то достигнем 12 %, а 6 % остаются грекам. Расходы на содержание домов, где все сделано из камня и где живут арабы, совсем непритязательные в отношении сквозняков, в большинстве случаев сводятся к починке террасы

⁸⁰Эта цифра столь огромна из-за чрезмерного индекса доходности в Иерусалиме, где деньги — большая редкость. Обычная ставка 18 %. В таком случае сумма капитала в 750 000 удвоится за пять с половиной лет, исходя из простого расчета, а не расчета процентов на проценты, который невозможен при столь высокой ставке. По истечении 15 лет та же сумма принесет уже 2 046 000 пиастров процентов, но не следует забывать, что греки покупали эти дома постепенно в течение 15 лет, когда представлялся случай, и расчет процентов начинался в день совершения покупки; вот почему, чтобы не ошибиться, я указал лишь половину общей суммы процентов за 15 лет.

раз в 5–6 лет. Не следует забывать, что до сих пор Патриархия оценила только треть зданий, похищенных у арабов, две трети остаются у нее в запасе. Как только представляется удобный случай сдать дом в наем за высокую плату, быстро выселяют «единоверцев», которые, получив пригоршню монет в полпиастра, пойдут стучаться в дверь к своим соотечественникам. А по поводу этого освобожденного дома в казначействе Патриархии радуются, как о заблудшей овце, вернувшейся в отчий дом. Это наш гешефт, говорят себе греки, и факты подтверждают их правоту, плачевное нынешнее общественное положение арабов останется таким и впредь. Интересы православия в Сирии могут от этого пострадать, но кубышка Патриархии будет наполняться. Греки, латиняне, армяне, турки, евреи и вся маленькая Англия цепко держатся, как звенья одной цепи, когда речь идет о коренных жителях. Господа меняются, но худжеты⁸¹ остаются, и цены на недвижимость поднимаются всякий раз, как какой-нибудь первооткрыватель из Европы приезжает просить себе места в Святом Граде.

Греки в своих заботах об арабах не ограничиваются требованиями материи; в их программу входит также духовная культура, и семинария Св. Креста может продемонстрировать посетителям просвещенный пыл и щедрость своего основателя, нынешнего Патриарха. Монастырь построен прекрасно, все богато, просторно и ярко, немного пусто, но даже слишком ярко: чувствуется, что сделано это напоказ, не без обмана. Там 47 студентов, из которых 26 арабов, эти последние, выйдя из своей прекрасной коллегии, отделанной мрамором, без сомнения, почувствуют себя очень неуютно в трущобах, которые будут служить им домом в деревенских приходах, куда они предназначаются. Греческие ученики, как и везде, находятся на привилегированном положении, поскольку пользуются правом, в котором отказано арабам, — вступить в орден и впоследствии занять высокие церковные должности. Этот (большой) рассадник антагонизма, глухой зависти и непримиримой вражды был создан достаточно давно, чтобы Его Блаженство при жизни мог собрать с него жатву. Я раздосадован на него из-за того, что отношения с Патриархом Валергой не позволяют ему посетить католическую коллегию в Бейт-Джале. Там ничто не говорит о роскоши, все просто и даже бедно, все свидетельствует о скудости той суммы, которую смогли на нее выделить, и о необходимости использовать малейший предмет для двух целей, однако на каждом шагу чувствуется практический ум создателя и систематический замысел ансамбля, ясного в малейших деталях.

Не будем заблуждаться: Его Святейшество Валерга — суровый миссионер, и будущее католицизма в Сирии принадлежит ему по праву. Его коллегия в Бейт-Джале — творение, в котором узнается мастер.

⁸¹ Документы.

Ко времени его приезда в Святую Землю, францисканская арабская школа существовала уже несколько лет. Главное предназначение этого заведения было прекрасным и практическим: давать одновременно начальное образование и научить учеников профессиям, которые принесут им наибольший доход по окончании школы — такова была цель, которую поставили перед собой хранители Святой Земли. Святые отцы, вооружившись дисциплиной, заставляли работать всех этих маленьких столяров, кузнецов и портных, жестянщиков, свечников и сапожников. Монастырь гудел, как улей утром. Десятки учеников выходили оттуда, узнав множество вещей, однако промышленность в стране не развивалась, и католицизм не насчитывал больше приверженцев. Дело в том, что францисканцам не доставало убедительности, а рутину ее не заменяла. Все изменилось, когда за дело взялся Его Святейшество Валерга. Он прекрасно понял, что для того, чтобы дотянуть араба до человеческого уровня, нужны «ловцы человеков». Создать местное духовенство, но местное духовенство по своему образу и подобию — таков был план католического священника. В настоящее время его коллегия насчитывает 23 студента, 16 из которых арабы и 7 — киприоты. Ядро было сформировано из нескольких учеников иезуитов из Газира.⁸² Полный курс длится 9 лет, в течение которых студенты не покидают этих стен даже на несколько часов. В праздничные дни родители допускают в приемную, но всегда в присутствии начальства. Ни родины, ни семьи — ученик отдаляется от них еще в детстве, а на выходе из коллегии это уже состоявшийся человек, безраздельно преданный интересам Церкви и дорожащий только Римом, поскольку другие места для него разрушены. Первый выпуск учеников состоится в 1862 году, и через три года мы увидим их в деле.

Помимо семинарии Св. Креста у греков есть еще школа в Иерусалиме. Ежедневно туда приходит 160 детей обоего пола учить греческий и арабский языки. Здесь существует та же система, что в Св. Кресте: 30 греческих мальчиков образуют особую школу, которой руководит греческий магистр, преподающий им лишь родной язык. Вот почему здесь так мало греков, который читали бы по-арабски, хотя говорят они на нем довольно бегло. 75 арабских мальчиков изучают два языка с двумя арабскими учителями, из которых первый получает 300, а второй — 150 пиастров в месяц, а также хлеб и уголь в фаланстере. 55 арабских девочек изучают свой язык по утрам с арабской монахиней из Дамаска, а после обеда шьют под руководством гречанки из Константинополя, которая получает 200 пиастров в месяц, в то время как арабская монахиня — только половину этой суммы. Обе живут и питаются на счет Патриархии. Но дети живут у себя дома и возвращаются к себе на

⁸² Город в Ливане.

обед. Францисканцы поставили дело лучше и ежедневно дают своим 112 ученикам тарелку супа и хлеба с разрешением отнести все домой, чтобы разделить со своей небольшой семьей удовольствие от горячего блюда. Помимо францисканцев есть две конгрегации сестер-благотворительниц:

Св. Иосифа, числом в 20 человек, которые обслуживают больницу на <...>⁸³ коек, куда допускают всех больных без различия вероисповедания и пола; расходы на ее содержание, которые достигают 10 тысяч франков в год, оплачивает Патриарх Валерга. Этой больнице покровительствует <...>.⁸⁴ Достойные сестры занимаются также начальным образованием и трудом, помимо 60 учеников-экстернов, которых кормят за счет заведения, сестры содержат приют с 12 маленькими девочками. У них есть отделения в Вифлееме и Яффе, оба, находящиеся под управлением шести сестер, насчитывают около пятидесяти пансионеров.

Настоятельница в Иерусалиме — та самая Мари Лапорт, которая во время последней войны продемонстрировала чудеса самоотречения в Мальтийском госпитале, под благотворным влиянием которой здешние сестры Св. Иосифа скоро сравниваются в евангельском милосердии с сестрами Св. Венсана де Поля, непревзойденным образцом благотворителей.

Сионские сестры — недавнее творение, обязанное своим появлением на свет почтенному аббату Ратисбону, крещеному еврею, главная цель которого — обратить своих несчастных иерусалимских собратьев. Их всего 12, и они также занимаются начальным и даже средним образованием. У них 15 учениц, все они живут в пансионе и платят за него.

Две протестантские больницы также принимают больных без различия вероисповедания. Английская больница рассчитана на 25 кроватей, она хорошо содержится, при ней есть аптека, лечебница и врач. Прусская больница меньше и насчитывает всего 15 кроватей, однако то, как ходят за больными десять работающих там сестер милосердия, привлекает туда народ.

В общине арабов-католиков число коренных жителей достигает 300. Хранители Святой Земли⁸⁵ платят им пособия в 10 пиастров на человека — мужчин, женщин и детей. У них паек хлеба больше, чем у греков, и гораздо лучшего качества. Водворение Патриарха Валерги на Святой Земле стало для этих несчастных поводом для скандала: этот пылкий прелат, с первых дней своего пребывания в Иерусалиме борющийся за влияние с францисканцами, посчитал подходящим составить себе партию из пансионеров монастыря и избавить некоторых из них

⁸³ Число неразборчиво.

⁸⁴ Слово неразборчиво.

⁸⁵ Францисканцы.

от милостыни Кустодии. Среди бедных католиков произошел раскол: 50 последовали за Патриархом, а 250 остались верны францисканцам. В первое время монсеньор Валерга регулярно помогал своим, однако основание коллежа в Бейт-Джале исчерпало его ресурсы, и ему пришлось прекратить пожертвования, и бедняки остались без помощи, к великому удовольствию святых отцов, которые в конце концов все-таки приняли заблудших, правда, сократив пособия.

Армяне не раздают по домам ни милостыни, ни хлеба, хотя жертвуют тем, кто приходит просить милостыню в монастырь.

В итоге, положение арабской православной общины, несомненно, хуже положения католиков. Больницы, сестры-благотворительницы и, особенно, школы — таковы преимущества, позволяющие последним склонить чашу весов в свою пользу.

Однако в глазах Патриархии все эти прекрасные вещи — всего лишь непоследовательные поступки на фоне главного принципа ограбления и соглашения о солидарности интересов, достигнутого между нею и францисканцами в тот день, когда свершилось это беззаконие.

Прежде чем закончить, еще несколько слов о положении туземного священства в православной общине Иерусалима. Оно состоит из 7 арабских священников, старейшина — отец Михаил, церковный суперинтендант города. Это маленький, кроткий старичок, который тихо здоровается и терпит греков как неизбежность и бесконечно благодарен им за то, что они еще не отобрали у него дом. Шестеро остальных зависят от милостей и гостеприимства греков. Двое из них немного говорят на русском языке, который они выучили, болтая с нашими поклонниками. Все таковы, какими желает их видеть Патриархия: простые, согбенные под игом и не имеющие никакой умственной культуры. У общины две церкви в городе: Св. Иакова Старшего, слева, перед входом в большие ворота, которые ведут к Св. Гробу, и Св. Марии Египетской, с противоположной стороны, внутри коптского двора, и еще третья церковь вне города, близ Яффских ворот.

Помимо своих трех церквей, арабские священники служат в двух греческих, а именно Св. Ефимии и Сретения Господня в женских монастырях того же имени. Эти монастыри, где живет несколько десятков греческих монахинь, не имеют ничего общего с монастырями-богательнями, где из монахинь находится лишь привратница, что делает честь паломникам, и находятся в центре арабского квартала. Вот почему в их церквях служат местные священники. Службу там ведут на двух языках: часть — на арабском, часть — на греческом, но чтение Евангелия всегда начинают с греческого текста, а если в церкви присутствуют русские, то делают любезность, читая Евангелие в третий раз на нашем языке. Бесплезно пояснять, что эти священники живут в плачевной бедности.

Не считаю возможным завершить это письмо, не доведя до сведения Вашего Сиятельства, что в настоящий момент здешние православные арабы находятся в сильном возбуждении: местному Паше пришел приказ из Высокой Порты отправить в кратчайшие сроки в Константинополь делегата, избранного из числа мирян, принадлежащих к общине Иерусалима и окрестностей, чтобы заседать в собрании, созванном для обсуждения вопроса о выплате постоянного содержания греческому духовенству империи. Сегодня утром Исса Бенад, один из местных зажиточных людей, у которого больше всего шансов быть избранным, пришел сказать мне, что в самый день получения приказа первый епитроп получил письмо от Патриарха Иерусалимского, в котором тот предписывал Синоду сделать все возможное, чтобы помешать отправке здешнего делегата в Константинополь. Вот почему Его Преосвященство Мелетий вызвал Исса к себе и после многих лестных примирительных слов просил его не уезжать, сказав паше, что существующий церковный режим ему по нраву и что ему претит мысль изменить его. Вот почему Исса, убеждения которого совершенно противоположны тем словам, которые первый епитроп хочет вложить в его уста, пришел ко мне посоветоваться насчет того, как ему вести себя в случае, если его изберут делегатом. Я ответил, что занят почтой, которая должна быть отправлена сегодня вечером, и просил его прийти завтра утром, чтобы обсудить это дело подробнее. Сегодня же вечером я договорюсь с Его Преосвященством Кириллом насчет ответа, который следует дать.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверения в моем глубоком почтении, с коим имею честь оставаться Вашего Превосходительства...

Пер. с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

22

В.И. Доргобужин — А.Б. Лобанову-Ростовскому

Иерусалим

10/22 февраля 1859 г.

Ваша Светлость.

На этой неделе от русских, совершавших паломничество в Галилею, я получил новости о Его Высокопреосвященстве Нифонте, новом митрополите Назарета. Наши очень хвалят то, как Его Высокопреосвященство обращается с ними, и теперь, когда факты свидетельствуют, что водворение этого иерарха в митрополию, столь долго пустовавшей, проходит столь счастливо для наших соотечественников, я считаю своим долгом, Ваша Светлость, привлечь Ваше благосклонное внимание к

этому событию. Оно может и должно рассматриваться как наша первая победа над нерадением греков, победа полная, превзошедшая наши ожидания, поскольку заставить Патриархию назначить епископа в епархию — это уже затея, имеющая очень мало шансов на успех, но убедить ее сделать этот жест самоотречения в пользу священника, указанного и рекомендованного иностранцами, — это великое, беспрецедентное свершение для Иерусалима, и вся заслуга здесь должна быть отнесена на счет бесконечного такта и влияния участвовавших в этом лиц.

В настоящее время население Назарета оценивается следующим образом:

Мусульман	1210
Православных	1200
Латинян	620
Греков-католиков	250
Маронитов	220

	3500

Православные там в большинстве, но что касается Святых Мест, то православные владеют лишь Источником Богоматери, а все остальное находится в руках францисканцев. Пока последние были там единственными представителями католического мира, их влияния на коренное население в Назарете, как и повсюду, можно было не опасаться. Но в 1855 году сестры-благотворительницы из Назаретской общины, материнский дом которых находится в Лионе, прибыли оказать отцам помощь в прозелитизме, ставшую гораздо более действенной; под их эгидой была организована коммуна, куда вошли от 100 до 120 турецких и греческих девушек, и местные больные, без различия вероисповедания, смогли воспользоваться плодами их святого служения. Некоторое время спустя туда приехал монашеский Валерга, чтобы положить конец слабым поползновениям протестантской пропаганды: отцы-францисканцы удалились, в бой вступил воинствующий католицизм.

Православные противопоставили ему монаха (этого самого Нифонта, впоследствии назначенного митрополитом), а щедроты Патриархии по отношению к этому одинокому борцу ограничивались тем, что ему не мешали делать свое дело.

И все же большинство христианского населения осталось верно греческой вере. Какой-нибудь сочувственный жест из Иерусалима, какое-нибудь доказательство пасторской заботы Матери-Церкви об этих чудесных православных детях, которого все время опасаются католики, марониты и греки-униаты, могли бы произвести отличное впечатление и без труда гарантировать этой матери, что ее паства и далее будет

поддерживать статус-кво. Сделать малейший жест означало бы выиграть время и получить возможность обороняться, ожидая, пока, если не греки, то русские построят в Назарете благотворительные учреждения, которые будут иметь хоть какой-то шанс с успехом противостоять католическим заведениям. Обстоятельства настоятельно требовали принять срочные меры, и при этом не слишком трудноисполнимые:

— создать в Назарете церковный центр для православных арабских приходов в Галилее;

— поставить туда человека, который знал бы край, который пользовался бы определенным уважением и доверием местных жителей и который мог бы у Патриаршего престола озвучить их жалобы и нужды и довести до них обещания греков и помощь русских;

— наконец, проложить наши будущие пути, начав с того, чтобы доказать арабам, что христианская милостыня не является исключительной привилегией католического духовенства и что существует способ остаться православным и не быть вынужденным выбирать между вероотступничеством и скотским состоянием — вот все, что нужно было сделать на тот момент. И все это сводилось к назначению в Назарет греческого епископа.

И даже качества, которыми должен был обладать человек, призванный занять эту кафедру, не были слишком редкими: будучи порядочным и имея определенный практический такт, такой человек мог и не обладать большим умом и обширными познаниями. Ведь если в Иерусалиме их не достаёт, чтобы противостоять непростительным претензиям различных вероисповеданий в вопросе Святых Мест, то в Назарете дела обстоят иначе. Там нет святилищ, на которые претендовали бы различные христианские общины, споры идут только о подлинности святынь, находящихся в чьем-либо владении, а само право владения не подвергается сомнению. К тому же в Назарете авторитет епископа столь высок, что равным им не может похвастаться представитель никакого иного вероисповедания.

Все эти соображения были прекрасно известны Патриархии, но речь шла о том, чтобы назначить содержание тому, кого должны были назначить в Назарет, а этого она не хотела. Ведь положение епископов в Палестине сильно отличается от положения их собратьев в Константинопольском Патриархате: последние обирают свои епархии и тратят эти деньги в Фанаре, чтобы получить там полные права; палестинским епископам обирать нечего, они находятся на содержании Патриархии, которая кормит и одевает их на свой счет, пока те живут в Иерусалиме, и тратит еще больше на пособия, если они возвращаются в свои епархии. Вот почему она всегда радуется всякий раз, как <...> делают дурной <...> какому-нибудь из епископов, который, устав от школярской жизни по указке епитропов, добивается <...> и делает вид, что хочет удалиться в свою епархию. Так недавно было с архиепископом Газы. Мне сказали,

что экзарх <...>⁸⁶ который до назначения Его Преосвященства Нифонта был единственным епископом, проживающим в своей епархии и получающим 10 000 пиастров в год, тогда как годовое содержание иерарха, номинально занимающего кафедру, никогда не превышает для Патриархии 4 000 (210 рублей серебром).

Глядя на эти две цифры, легко объяснить себе негодование Синода, если приходится отправлять епископа в его епархию. Он посчитал, что сделал невозможное, установив содержание Его Преосвященству Нифонту в 12 000 пиастров в год и возмещая ему сверх того расходы на диакона. Из-за этой скупости мы должны были прийти на помощь избранному нами человеку, и дела наши устроились. Есть все основания полагать, что помощь Его Преосвященства Кирилла расположит нового митрополита хорошо служить нам в Назарете. Его личный интерес подвигнет его поддерживать нас своим влиянием на местное население, чтобы обеспечить нам все шансы на успех в наших начинаниях, и всегда будет способ соизмерять наши будущие благодеяния с благоденствием и безопасностью, которую он обеспечит нашим паломникам в Галилее. Его Преосвященство Нифонт — прекрасный молодой человек, едва достигший 37-летнего возраста, он обучался в Сире и довольно легко изъясняется по-французски. Он страдает от болезни печени, которая, как говорят, иногда вызывает у него вспышки гнева. Он скорее симпатизирует турецким грекам, нежели эллинам из королевства. Все признают, что он умен, но не слишком образован.

Дело об отправке отсюда в Константинополь депутатов для участия в обсуждении церковной реформы по-прежнему остается нерешенным. Депутаты из Яффы, Рамлы, Лидды и Газы уступили запугиваниям епитропов и заявили паше, что, признавая свою неспособность судить о деле такой важности, они передают свои права голоса Иерусалимскому Патриарху, который знает все их нужды и всегда приходит им на помощь. Иерусалимские депутаты пока держатся, несмотря на страшный гнев Патриархии, которая, если они не сдадутся, угрожает прекратить раздавать милостыню арабам из Святого Града, в течение суток выставить всех тех из них, кто пользуется бесплатным гостеприимством в домах, принадлежащих монастырю, и отправить весь этот народ к знатым людям из общины, среди которых и были избраны депутаты и которые из-за своего подстрекательства станут причиной разорения всех этих неблагодарных. Однако в своем предыдущем донесении я уже сообщал, что пропорция знатных людей, т.е. тех, кто владеет домом, в сравнении с теми, у кого его больше нет и кто живет милостями греков, 10 к 450, сверх того из этих избранных семей, избежавших всеобщего ограбления, есть всего 2–3,

⁸⁶ Слова, взятые в угловые скобки, не разборчивы.

пользующиеся определенным достатком, все остальные едва сводят концы с концами. Посему возможно, если угрозы Патриархии будут исполнены, горстка бедняков, имеющая лишь самое необходимое, будет вынуждена заботиться о более чем двух тысячах коренных жителей, не имеющих ни крова, ни куска хлеба. Знатные люди поневоле в конце концов уступят, потому что нет такой героической решимости, которая устояла бы перед подобной перспективой, и, несмотря на то, что Патриархия дважды подумала бы, прежде чем встать на путь строгостей, которые настроили бы против нее все арабское население Иерусалима, ее прозорливая политика и ее бесчестные грабежи начинают приносить плоды, поскольку всякая свобода действий у арабов уже парализована, они чувствуют себя связанными по рукам и ногам и предоставленными на волю греческих монахов. Во всем этом деле я не отступаю от своей роли наблюдателя, я не вижу ни совета, который можно было бы дать, ни удовлетворительного выхода для арабов. Вот почему я посчитал своим долгом уклониться от заявлений насчет того, какого поведения придерживаться, и отказался принимать депутацию, которую хотели ко мне направить. Между тем я не нашел препятствий к тому, чтобы известить одного из депутатов, что ввиду такой серьезности дела, их первым делом было бы узнать пожелания большинства их избравшего и сообразоваться с ними во всем; что самые искренние симпатии к борьбе его соотечественников заставляют меня призвать их, по зрелом размышлении, взвесить возможные последствия демарша, могущего поставить под угрозу будущее всей общины; и что императорское консульство не может взять на себя ответственность и дать совет в деле, где им приходится выбирать между необходимостью послушаться приказа их господ, чтобы не оттолкнуть от себя греков, и необходимостью подчиниться этому приказу, которая вынудила бы их взять на себя заботу о 2000 местного населения, оставленного в полной нищете, не привыкшего работать, в краю, совершенно лишенном торговли и всяких промышленных ресурсов.

Мелькитский Патриарх Климент, очень плохо встреченный в окрестностях Дамаска, прибыл провести Великий пост и праздники в Иерусалиме. Его Преосвященство Кирилл в беседе со мной выразил желание первым нанести ему визит, как здесь принято. Отец Леонид, присутствовавший при нашей беседе, заметил, что такой поступок, совершенный исключительно ради соблюдения приличий, может быть неправильно истолкован и дать поводы для пересуд, ввиду неподобающего поведения этого иерарха в деле о григорианском календаре, которым он вызвал стихийное и почти единодушное осуждение у всей мелькитской общины. Я посчитал своим долгом поддержать преподобного отца, и Его Преосвященство соблаговолил, как всегда милостиво, согласиться с нашими доводами. Мы договорились, что, чтобы соблюсти приличия

по отношению к столь крупному церковному иерарху и не встревожить православных чувств греков, которые могут слишком быстро развеяться, поздравлять Его Преосвященство Климента с прибытием отправлюсь я, что я и сделал на следующий день, а спустя два дня Патриарх нанес мне ответный визит. Это человек лет шестидесяти, добродушный и улыбочивый, говорящий по-итальянски и без обиняков советовавший нам занять хорошее местечко в Иерусалиме. Все это не мешает ему гораздо более гордиться своим орденом меджидие, чем пасторским крестом, который теряется в складках его красной сутаны.

На днях меня посетил господин Сеймур, бывший чрезвычайный посланник Соединенных Штатов Америки при Императорском дворе. Он возвращается из Петербурга на родину через Кавказ, Анатолию, Сирию и Египет. Он с большим чувством отзывался о приеме, оказанном ему в Тифлисе, и не жалел похвал нашему Пароходному Обществу, с которым проделал весь путь от Кавказа до Яффы, прекрасному столу, который находят на пароходах путешественники, и любезности наших капитанов, особенно господина Грева.

На прошлой неделе мне посчастливилось найти и снять на деньги Его Преосвященства дом для наших поклонниц, которые живут в слишком дурных условиях в греческих монастырях. Завтра же я займусь их переселением. Не предвосхищая плодов, которые принесет этот маленький пробный приют, где с трудом можно разместить человек шестьдесят, мы все же можем уже сейчас порадоваться тому, что этот дом позволит нам удовлетворить справедливые требования наших паломниц, избавив их от бесполезных прогулок до [...]»⁸⁷

Пер. с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

23

В.И. Доргобужин — Д.А. Оболенскому

Иерусалим

19 февраля/3 марта 1859 г.⁸⁸

Милостивый государь князь Дмитрий Александрович.

Приношу Вам, милостивый государь, всевозможные извинения в короткости настоящего письма и в бесцеремонности просьбы, с которою решаюсь обратиться к Вам, именно: взять на себя труд приказать

⁸⁷ Окончание письма отсутствует.

⁸⁸ На верхнем поле письма помета синим карандашом, возможно, дата получения письма Б.П. Мансуровым: «27 апреля 1859 г.».

передать прилагаемое письмо Б.П. Мансурову, который должен быть в марте в Петербурге, но адреса которого я не знаю.

Если бы планы его изменились и письмо мое не застало бы его в Петербурге, не будете ли столько благосклонны, чтобы, вскрыв и прочитав это письмо (из него изволите усмотреть, как трудно мне здесь), отправить его, сколь можно скорее, туда, где по имеющимся у Вас сведениям находится теперь Борис Павлович.

Прилагаю также копию с последней моей депеши, которую занимательно будет прочесть если не Вам, так Мансурову.

С отличным уважением и таковой преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

Владимир Доргобужинов

Курьер в Яффу стоит у двери, оттого и спешу так: извините, Бога ради.

24

В.И. Доргобужинов — А.В. Головнину

Иерусалим

20 марта/1 апреля 1859 г.⁸⁹

Милостивый государь Александр Васильевич.

Письмо от 26 февраля/10 марта, которым Вам угодно было почтить меня из Палермо, получено мною вчера в 10 часов утра. Пользуясь отходом завтрашнего из Яффы австрийского парохода, спешу, согласно желанию Его Высочества, отправить в распоряжение Ваше, милостивый государь, секретаря моего Аполлона Константиновича Кривошеина, который поедет на Александрию, Триест и Геную. Он снабжен от меня всеми сведениями, какие успел я собрать здесь вчера и сегодня; причем я поручил ему, в случае если бы он не застал уже Вас в Неаполе, куда, по моему расчету, он должен приехать 3 или 4 апреля нашего стиля, — отправиться немедленно в Афины на пароходе той линии, которою всего скорее можно будет поспеть в Пирей, по мнению Кокошкина и А.Ф. Берга, к которым он должен явиться.

Письмо Ваше, глубокоуважаемый мною Александр Васильевич, много утешило меня. Оно — целое доброе слово человеку в обстановке, как моя здешняя. Я убежден, что лучше Вам за него благодарностью будет весть о поконченной мною, благодаря Бога, сегодня утром покупке городской (а не загородной) земли нашей под консульский дом в Иерусалиме. Участок не велик, но незаменим по местности, потому

⁸⁹ Даты не читаются.

что примыкает непосредственно к Авраамиевскому монастырю, а поэтому — к храму Святого Гроба. С ноября еще я ухаживал за этим местом, а покончили только сегодня; и так покончили, что разладить, кажется, трудно. Впрочем, здешняя сфера приучила уже меня считать верною ту покупку, хюджеты которой, занесенные в книги Мекхеме, у меня в кармане. Одним словом, сегодняшняя покупка настолько прочна и надежна, насколько может быть прочною и надежною покупка на Востоке земли иностранцем, не имеющим еще разрешительного фирмана. Участок этот продан нам коптским священником, которого загодя позволяю себе рекомендовать вниманию Вашему, милостивый государь, как человека доброго, честного и видящего в русском консуле единственную здесь опору бедной, всеми теснимой общины, им покровительствуемой. Мы с Мансуровым ассигновали на эту покупку 160 тыс. пиастров, но удалось покончить дело на 126 тыс.; в этой цифре <...>⁹⁰ rgaïs, но не все еще, так как при заключении действительной купчей, по получении фирмана из Константинополя, придется кинуть еще тысяч десять пиастров членам Мекхеме. 18¾ здешних пиастров равняются целковому.

С отличным почтением и искреннею преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Владимир Доргобужинов

25

В.И. Доргобужинов — А.В. Головнину

Иерусалим

3/15 апреля 1859 г.

Милостивый государь Александр Васильевич!

Письмо Ваше, милостивый государь, из Неаполя от 16/27 марта получено мною вчера. Спешу с завтрашним австрийским пароходом уведомить Вас, что Б. Кривошеин послан мною отсюда 20 марта и, если только не встретилось предвидимых задержек на пути, то, по моему расчету, он должен был прийти в Неаполь вчера еще. На случай, если бы он не застал уже великого князя в Неаполе, мною поручено ему кратчайшим путем отправиться отсюда в Афины, куда, вероятно, он и прибудет ко времени получения настоящего письма.

Здесь все, благодаря Бога, идет хорошо. Греки крепко рады, что Его Высочеству угодно почтить их принятием их гостеприимства и развертываются не на шутку.

⁹⁰ Слово неразборчиво.

Оба епитропа прямо сказали, что как они здесь властные наместники Патриарха, так я — их полновластный наместник в деле распоряжения всеми средствами Патриархии для приема великого князя.

Маршрут по Палестине отложен мною до предварительного со-
вещания с Борисом Павловичем.

Преосвященный Кирилл не вернулся еще из Рамле, куда отправился до времени получения мною первого Вашего, милостивый государь, письма из Палермо. Его ожидают сегодня или завтра, и я не замедлю передать Преосвященному поручение, которым Его Высочеству угодно было почтить меня.

С отличным почтением и искреннею преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Владимир Доргобужин

P.S. Позволяю себе утруждать Вас покорнейшею просьбою передать прилагаемое письмо Борису Павловичу по приезде его.

26

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Виши

6/18 августа 1859 г.

Любезный друг Оболенский, я жду с нетерпением копии с последнего журнала Иерусалимского комитета, и это мне весьма нужно, потому что я частью забыл, что именно мне поручается сделать до прибытия в Иерусалим. Прошу тебя усердно поскорее выслать мне сию копию в Париж на имя посольства и прибавить к сему копии с того, что получено в Комитете или тобою после меня. Для меня весьма важно иметь эти сведения, потому что я отправлюсь в Палестину чрез Константинополь, где мне придется и нужно толковать с Лобановым. С другой стороны, мне нужно и удобно писать и отвечать Доргобужинуву из Парижа и отсюда чрез Марсель.

Я здесь лечусь и очень хорошо делаю потому, что лечение это мне выгодно и совершенно необходимо. Жена, слава Богу, здорова и тебе кланяется. К 26 августа (старого стиля) мы будем обратно в Париже, и около 6/18 сентября отправимся в путь чрез Марсель в Константинополь и так далее.

Обнимаю тебя от души. Будь здоров и не забывай искренно преданного тебе

Б. Мансурова

Б.П. Мансуров — Д.А. Оболенскому

Виши

10/22 августа 1859 г.

Милостивый государь князь Дмитрий Александрович!

В последнем заседании Иерусалимского комитета, между прочим, предположено было дать мне разрешения насчет некоторых распоряжений по приготовительным мерам для предстоящих построек, как то на счет приглашения в помощь для академика Эппингера помощника и тому подобное.

Разрешения эти должны быть без потери времени сообщены для сведения и частью для исполнения как действительному статскому советнику Новосельскому, так и самому академику Эппингеру, которые оба находятся в Одессе. Так как я не получал еще выписки из журнала Комитета и копии с оной, то я не знаю, предположено ли сделать означенные сообщения гг. Новосельскому и Эппингеру, — а посему долгом считаю покорнейше просить Ваше Сиятельство не оставить сих господ без официального уведомления прямо от Комитета заблаговременно и немедленно, потому что тот и другой успели бы сделать разные распоряжения в то время, пока я буду в пути отсюда до Иерусалима.

К половине будущего сентября можно будет адресовать ко мне письма уже прямо в Константинополь.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Б. Мансуров

Б.П. Мансуров — А.В. Головнину

Иерусалим
№ 12

13/25 октября 1859 г.

Сегодня получил я письмо Ваше от 10/22 сентября из Петербурга и спешу благодарить Вас, многоуважаемый Александр Васильевич, за это истинное утешение. Ваши письма всегда составляют для меня радость, а здесь тем паче, ибо нигде мне не нужно более нравственной поддержки. К сожалению, я убеждаюсь в том, что друг наш Оболенский теряет участие к Иерусалимскому делу; я этого, право, не понимаю. Впрочем, я знаю, что он видел в России отца Леонида, который мог ему сообщить верные сведения насчет Кирилла. Еще раз смею удостоверить Вас, что

с таким епископом никакое дело не пойдет нигде и не может идти, потому что он везде видит и ценит только себя и себя. По несчастью, Анна I степени опять вскружила ему голову, вселив в него убеждение, что сам великий князь был здесь неправ, принося ему неполное одобрение; он забыл и письмо государя. Вообще, после этой несчастной Анны дело здесь становится еще более трудным; я нисколько не сомневаюсь в нашем окончательном материальном успехе, но убежден в том, что Кирилл испортит всю нравственную сторону дела. Сколько нам стоило трудов, чтобы поладить с греческим духовенством, против которого, как Вы знаете, у нас нет никаких злых намерений? Вы знаете даже, что, напротив того, моя цель есть ладить с ними более чем когда-либо, ладить искренно, доказывая грекам, что хотя мы работаем для благосостояния в Иерусалиме русских, на национальном начале достоинства России, однако общее достоинство Православной Церкви и их нравственные выгоды не могут в этом не выигрывать.

Ныне в противность здравого смысла, а также общего достоинства и даже во вред своему, Кирилл всячески старается опять восстанавливать против меня греческих иерархов, но, по счастью, успеваает в этом не совсем благодаря доктору Мазараки, чрез которого мы налаживаем самые лучшие отношения именно с приверженцами Патриарха, который сам лучше все знает.

Ради Кирилла чуть-чуть не испортилось дело о покупке земли у о. Никифора, а на действительность стараний Кирилла ссорить меня с греками есть доказательства, потому что Иерусалим — такая среда, что здесь все узнается. К тому же Преосвященный Кирилл по-прежнему неосторожен и многоглаголив без меры.

Спешу еще раз повторить, что меня все это вовсе бы не сердило и мало бы тревожило, если бы я не предвидел, что после Доргобужинова все наше дело в руках Кирилла потеряет свой беспристрастный, богоугодный и нелицеприятный характер. Я здесь более чем когда-либо мягок и мил с Преосвященным, обхожусь с ним ласково, стараюсь увлечь значением дела, а не лиц; но ничего не берет. Сердца и души, любви к делу и к пользе общей у него нет нисколько; всякий разговор всегда оканчивается вопросом: я, он, Вы и я. Грустно видеть и слышать.

От души, от полного убеждения опыта, без желчи, без сердца и без всякого нерасположения лично к Кириллу, с коим мне *au bout du compte*⁹¹ нетрудно прожить несколько месяцев, повторяю, для пользы дела, просьбу о том, чтобы взяли отсюда Кирилла поскорее, так, чтобы преемник его застал еще здесь Доргобужинова и даже меня. Я знаю, что Вы засмеетесь, прочитав адресование сей просьбы к Вам; знаю, что я прошу о сем какую-то неведомую власть, но кроме Вас я не могу

⁹¹ В конечном счете (франц.).

никому писать всей правды и всего, что я думаю, потому что другие могли бы приписать мои слова личным расчетам, личной неприязни к епископу и т.д. В существе — какие у меня могут быть к нему личности. Пройдет еще несколько времени — и я расстанусь с Кириллом, может быть, навсегда; какое мне дело до него. Самолюбие мое удовлетворено вполне, потому что дело, о коем я хлопотал, утвердилось благополучно от меня и не требуется большего успеха, как начать постройки. Даже за Доргобужинова мне нечего хлопотать. Но еще несколько месяцев, в особенности при мне, и дело продвинется благополучно; болтовня Кирилла вредит ему самому столько же, сколько и нам; следовательно, из-за мелочных личных убеждений не стóит ни мне, ни Доргобужинову действовать против епископа.

Поверьте, и, надеюсь, Вы верите и Его Императорское Высочество верит, что мною руководит только усердие и любовь к делу.

Все это не мешает мне работать; дело двинется скоро; только бы не задерживались в Петербурге наши будущие представления. Писать я буду отсюда только в действительной надобности; надеюсь, что время от времени Вы порадуете меня словечком.

Жена и отец мой кланяются Вам от души. Еще раз искренно благодарю Вас за письмо. Будьте здоровы.

Душевно преданный Вам
В. Мансуров

28

Б.П. Мансуров — А.В. Головнину

Иерусалим

17/29 октября 1859 г.

Многоуважаемый Александр Васильевич, опять Вы обрадовали меня письмом от 15 сентября, и я немедленно берусь за перо, чтобы благодарить Вас и отвечать. Спешу воспользоваться тем, что я в настоящую минуту нахожусь в расположении духа весьма покойном и хладнокровном.

Я очень рад, что Вы оправдываете мою решимость отправиться скорее и прямо в Иерусалим; я сам теперь очень рад, что поступил так. Хотелось мне очень показать жене и отцу Константинополь и соблюсти экономию в проезде, взявши там русский пароход, на коем я, по правилам Общества, мог не платить за свой проезд; но Доргобужинов звал меня скорее в Иерусалим, мне уже становилось совестно жить за границей без дела, и, сколько это ни странно, меня тянуло в Палестину, где разрабатывается дело, искренно близкое моему сердцу и вполне отвечающее моим мечтаниям насчет Востока, Церкви и пр. Конечно, было бы хорошо, если бы я мог свидеться в Царьграде с Патриархом Кириллом, с коим я должен

устроить порученное мне Его Императорским Высочеством Вифсахурское дело, и с Лобановым, пред коим все-таки не мешало еще раз извинять и защищать наше постороннее, мнимое вмешательство в дела восточной политики, однако из двух надобностей пришлось избрать необходимейшую, и я поспешил в Иерусалим, где Доргобужинов нуждался в нравственной дружеской помощи. Кажется, Богу угодно было благословить мою решимость, потому что в самый день приезда нашего в Иерусалим обнаружился новый счастливый фазис в моей семейной жизни и жена моя поступила, как теперь подтверждается, в первый период беременности. Конечно, это еще не так безусловно верно, чтобы я мог сообщить об этом ея семейству, и я прошу даже Вас никому об этом не говорить, однако все признаки подтверждают пока наши надежды. Вам я говорю об этом потому, что это обстоятельство должно силою вещей иметь решительное влияние на мои действия и на продолжительность моего пребывания в Иерусалиме. Во всяком случае, я принимаю это за благословение Божие, потому что, если бы признаки беременности Мани обнаружались ранее приезда в Иерусалим, то мы все испытали бы в пути все заботы и тревоги страха и беспокойства. На месте и в покое материальное первое время становится сносным и менее страшным. По решительному говору всех докторов, у которых я советовался <...>⁹² Маня должна провести на месте и в покое первые 3½ месяца и последние 3 месяца, т.е. октябрь, ноябрь, декабрь и ½ января, — а затем апрель, май и июнь. Само собою разумеется, что ни при каких условиях и ни за что на свете я не могу и не должен оставаться в Иерусалиме до последней разрешительной эпохи; насчет этого нет и не может быть возражения; следовательно, в начале апреля мы должны быть на месте, а не в пути, и в таком месте, где имеются все медицинские препараты и все условия материального комфорта, о чем здесь, конечно, нет и помину. Засим для перемещения из Иерусалима в это покойное место остается время от ½ января до 1 апреля и еще менее, потому что в январе нельзя будет пускаться в море. Непременно должно мне также не быть в море во время мартовского равноденствия, следовательно, на выезд из Палестины и достижения ближайшего порта Европы (март) я по необходимости должен употребить весь февраль. Иными словами, я решительно не могу оставаться в Палестине позже 1 февраля. Вы понимаете, что какие бы ни были обстоятельства службы и дела, эти уважения составляют условия более чем преходящие и второстепенные в сравнении с вопросом о здоровье жены и о сохранении в ней и чрез нее всего и единственного верного счастья жизни. В таком вопросе не может быть ни сомнения, ни колебания, ни затруднения, я слишком люблю жену и слишком философически смотрю на карьеру и пр., чтобы минуту задуматься, и надеюсь, Вы мне в этом поверите.

⁹² Слово неразборчиво.

Вследствие всего этого я должен всепокорнейше и горячо испрашивать у Его Высочества, чтобы Комитет по возможности скорее рассмотрел и утвердил планы и сметы, которые я пошлю отсюда в Петербург в конце ноября или начале декабря, если Его Императорскому Высочеству угодно, чтобы первое исполнение проектов здесь последовало в моем присутствии. С своей стороны, я не вижу никакой надобности в начале положения фундамента при мне, если наши планы будут утверждены, потому что это дело чисто архитектурское, а моя роль кончается составлением планов и смет и проекта образования будущих русских в Иерусалиме учреждений. Дело совсем другое, если наши планы и сметы не будут утверждены в Петербурге и если их придется переделывать; в таком случае нет никакой причины, чтобы наше дело когда-нибудь кончилось. Мы сделаем дело по крайнему нашему разумению и пользуясь такою опытностью, какую нужно долгое время приобретать; нет вопроса, которого мы бы не изучали и не перерабатывали со всех сторон; все критические замечания великого князя будут приняты в руководство, точно так же принимаются в руководство: цифра расхода, на который можно решиться, т.е. 700 000 руб., и расчет того, что в Иерусалиме крайне необходимо. Если признают за мною, Эппингером и Доргобужиновым честность, добросовестность и знание местных условий лучше тех, кто в Иерусалиме не был, то при рассмотрении наших проектов останется под сомнением только то: понравится ли в Петербурге то, что мы составим, ибо размеры того, что требуется, известны? Нет никакого спора в том, что NN могут сделать все наше дело гораздо лучше нас, но в таком случае, как я выше говорил, нет никакой причины, чтобы дело когда-либо кончилось и чтобы поставки начались. И второй проект может не понравиться, а быть может, что новые проекты, составленные чрез новых лиц, не отдавших почти три года на уроки по изучению местности, на неизбежные ошибки и на ознакомление с людьми края и т.д., быть может, эти будущие проекты хотя и понравятся и будут дешевле на бумаге, а вовлекут в расходы большие впоследствии, а главное, пропадет минута, в которую можно еще скоро успешно кончить дело так, чтобы обеспечить будущее надолго. Изю всего этого видно, что для благополучного исхода нужно (на нынешних условиях), чтобы с нашей стороны была полная добросовестность, готовность жертвовать своими мыслями и планами, отчетливость обработки и изучения и решимость подчинять планы строгой экономии с устранением всякого увлечения формой и т.п. Со стороны Комитета нужно доверие к нам, устранение всего того, что может принадлежать к области прихоти, подчинение вопроса формы (вопроса нравится ли?), скорости исполнения и главной цели, т.е. чтобы заведения были построены, поклонники и Миссия удобно помещены, и все дело кончено при тех благоприятных условиях, что ныне, слава Богу, еще существуют; нужно, смею выразить прямо, к

нашему утверждению, что иначе делать нельзя и невыгодно. На самом деле, примите в соображение, что весь вопрос состоит именно в том только, чтобы наши заведения были возведены согласно цели, определяемой числительностью поклонников и Миссии, и в размерах средств, также указываемых цифрою. Вспомните, что, при трудности всего нашего дела, все с радостью примирились бы с чем бы то ни было, если бы по волшебному знаку восстало бы сразу только большое здание, какое бы ни было, помещающее все, что нужно, в Иерусалиме, не выходя из размеров того капитала, каким Комитет располагает. Повторю здесь дипломатическую фразу, которая при начале последней Итальянской войны наделала много шума: «Il vaut mieux avant les embarras de la lutte (а здесь embarras переписки и хлопот) accepter ce que l'on sera peut être forcé d'accepter après»⁹³ (т.е. после новой потери времени по переделке планов чрез новых людей).

Все это я говорю, между прочим, по тому поводу, что, рассматривая первые планы академика Эппингера, Его Императорское Высочество настоятельно требовал устранения всякой европейской системы построек и возведения оных совершенно сообразно системе или отсутствию системы арабских и вообще восточных построек, следуя извилинам местности. Тогда же Его Императорское Высочество заметил действительные недостатки в планах Эппингера в том, что в них было мало галерей и террас. Это замечание, безусловно, верно и принято к исполнению в новых планах, которые уже составлены и готовы, но замена европейской системы построек восточною оказалась практически невозможною в особенности потому, что при последней системе расходы почти бы удвоились. Главная особенность восточных построек заключается в том, что на данном пространстве европейская система (при достижении тройных удобств) дает втрое более помещений и посредством простоты линий и отсутствию ломаных линий и беспрепятственных спусков, подъемов и темных углов дает огромную экономию. Если взять за норму постройки какой-либо из восточных монастырей, например афонских, и если дать архитектору задачу достигнуть того же количества помещений и удобств при тех же размерах, окажется математически, что при восточной системе построения израсходуется несравненно более денег, а удобства будет гораздо менее, в особенности, когда нужна централизация надзора за массою живущих и приходящих. Оригинальность и кажущаяся гармония в некоторых из больших восточных построек, например в Крестовом монастыре близ Иерусалима, всегда только кажущаяся для посетителя, осматривающего здания в несколько часов. Стоит пожить в нем несколько дней, чтобы убедиться в

⁹³ Перед тем, как взваливать на себя хлопоты борьбы, лучше согласиться на то, к чему впоследствии нас, возможно, принудят (*франц.*).

неудобстве отсутствия правильности постройки; я сам на себе испытал справедливость этого факта и всегда по ближайшем изучении здания приходил в удивление, как в нем мало удобств и мало поместительности, несмотря на протяжение местности, высоту размеров и т.д. Если восточные постройки таковы, какими мы их видим, то это потому, что все они суть только наросты на прежних остатках, а эти остатки всегда принадлежат ко времени, когда большие христианские здания строились в виде крепостей, с явным пожертвованием удобств вопросам защиты. Одним словом, если бы нам ныне пришлось выстроить точное подобие Крестному монастырю, помещающему около 100 человек, — то такое здание стоило бы нам гораздо более, чем европейское здание, вмещающее 500 человек с большим удобством.

Эти данные математически верны и признаются всеми, кто в последнее время строил на Востоке новые здания, не переделывая старые крепости и остроги. И Эппингер, и я советовались по сему предмету везде, где могли, и находили везде одинаковые отзывы. Наконец, опыт всех новейших построек на Востоке, начиная от Константинополя и кончая Иерусалимом и Бетжалой, где католики возвели великолепную Академию, указывает, что выгоднее строить по европейской системе простых, прямых линий с применением двух особенностей: а) террас и галерей и б) ширины простенков между окнами и больших размеров комнат, по возможности.

Если бы можно было для польщения глазам европейцев, любящих на Востоке своенравность тамошней архитектуры, и вообще для красоты зданий дать волю воображению архитектора, не обращая внимания на расходы, то можно было бы легко соединить все удобства европейских построек с оригинальностью восточных фасадов и избегнуть той прямолинейности, которая в России всеми называется казарменным видом. Великий князь совершенно справедливо назвал первые планы Эппингера казармами, но Его Императорское Высочество не обратил внимания на то, что нам именно и приходится строить казармы, ибо иначе нельзя назвать здание, помещающее 500 и 700 человек. Казарменность вида есть прямолинейность и простота, а простота есть экономия, т.е. возможность на те же деньги сделать вдвое более или сохранить капитал.

Таким образом, в новых планах Эппингера (который рад был бы для своей славы делать оригинальные фасады, исполнен вкуса и приносит в жертву самолюбие артиста) соблюдены условия имения террас и галерей и широких простенков, — но опять является главным условием прямолинейность и простота, которые можно назвать казарменностью. По нашему крайнему убеждению, с этой идеею надобно помириться вперед, потому что мы все подчиняем экономии, а планы и потребности, по необходимости, весьма обширны. Кроме того, мы рассчитываем так, чтобы оставить будущности возможность расширять размеры заведений;

совершенно несомненно, что чрез несколько лет число поклонников превзойдет цифру 1000 в год, а мы строим только на это число и то при условии тесноты; нормальная численность наших проектов есть 800, каковое число было уже в 1859 году и 1858.

Вы можете мне возразить: почему я так стою на утверждении проектов Эппингера, как будто бы тут было заинтересовано мое собственное самолюбие? Не я же буду носить всю ответственность пред публикой, художниками и не художниками, за большую или меньшую красоту зданий, я, может быть, — и это более чем вероятно — и не увижу этих зданий, я даже не желаю и не нахожу нужным присутствовать при закладке. Следовательно, тут нет и не может быть для меня вопроса самолюбия, а еще менее упрямства. Наконец, не я исключительно призвал на это дело Эппингера. Его дало нам Общество, а я знаю его честность, добросовестность и готовность принести свое художественное самолюбие в жертву самому существу дела. Наше дело вошло уже в период, где все зависит от честности, добросовестности и даже мягкости характера архитектора. Отныне все дело будет в его руках, а Вы знаете, как легко архитектору набить себе карман, становясь за недосыгаемые кулисы техники в особенности тогда, когда едва ли найдутся охотники заменить его в Иерусалиме и даже поверять его поездкою в Палестину. Я настаиваю и обязан настаивать на том, чтобы честное и святое дело оставалось в честных руках, дабы потом не могли обвинять нас в появлении злоупотреблений на счет священных денег. Эппингеру я верю и имею основание верить; за него можно поручиться, но академик не есть чиновник. Очень естественно, что если его проекты в Петербурге забракуются и ему вышлются чужие для исполнения по чужой идее — что с ним уже случилось с явным вредом для дела по постройке в Севастополе церкви, — очень понятно, что он устранился и обратит свою деятельность в другую сторону, т.е. будет заниматься постройками Общества в России, чему Общество будет очень радо.

Я забочусь преимущественно об экономии священных денег и о добросовестном исполнении дела. Я сознаю возможность достигнуть сего при посредстве Эппингера, другого подобного лица не знаю, следовательно, естественным образом хватаюсь за него для поставления нашего дела на ноги твердо и честно. Для артиста самолюбие есть все, следовательно, нельзя и претендовать, чтобы он исполнял чужие проекты, как чиновник призван исполнить чужие инструкции. Участие артиста есть участие свободное, участие собственной воли; тогда оно и достойно уважения. Когда оно основано на желании исполнить задуманную идею.

Вы говорите, что великий князь был огорчен желанием Доргобужинова оставить Иерусалим, нашел потом мелочную причину, заставившую Доргобужинова отложить первую мысль, и смотрит теперь на

Доргобужинова как на чиновника и придворного, а не как на энтузиаста, служащего идее. Мне чрезвычайно было грустно прочитать столь строгое осуждение, но мне также кажется, что ближайшее рассмотрение положения Доргобужинова, его поведения прежде и ныне и всего того, что и как он делал, может привести Его Высочество к более снисходительному воззрению. Великий князь слишком уже знает людей вообще и при разумном уважении к личности достаточно доказал умение взвешивать качества и недостатки людей, вверивших Ему свою судьбу, чтобы я не был вправе надеяться на смягчение мнения, высказанного на таком отдалении от обвиняемого. Более чем кто-либо я знаю, какие уважения побудили и убедили Доргобужинова принять место в Иерусалиме и оставить Россию, где при своих способностях Доргобужинов мог надеяться получить место, подобное таким, которые удовлетворяют и самолюбию и любви к покойной столичной жизни. Доргобужинову теперь 37 лет; 30-ти лет он оставил Петербург, увлеченный Корниловым и самым увлечением сего последнего; Корнилов не обещал ему ни чинов, ни крестов, а обещал работу и буквально сдержал обещание. Как мне ни трудно говорить о себе после Корнилова, но в Николаеве и из Севастополя я увлек Доргобужинова на участие в нашем деле; я тогда и для себя предвидел только труды и всеобщее негодование, другого я Доргобужинову и обещать не мог. Если вышло противное, т.е. хорошее для нас, — тому виною сила и энергия и доверие великого князя. После первого моего посещения Палестины я прожил у Доргобужинова в Николаеве три недели; преисполненный тогда самым пламенным энтузиазмом к Иерусалиму и вообще к Востоку, я тогда же имел счастье сообщить этот энтузиазм Доргобужинова, тогда же сообщил ему мечту о том, чтобы нам вместе снова начать богоугодную деятельность на Востоке под покровительством великого князя. Все, что я тогда писал, и память свидетельствуют о том, что я и в этом деле предвидел не только одни труды, но положительное негодование Министерства иностранных дел и Синода; готовый на это, я оттого и решился критиковать смело, не останавливаясь ничем и надеясь, что, во всяком случае, великий князь поймет, что я исполнил долг совести. Припомните наши тогдашние разговоры и отдайте мне справедливость в том, что, увлеченный сам не мыслями о чинах и крестах, я не мог увлекать этим и Доргобужинова, которого Вы и я уговорили идти в Иерусалим. Вспомните, как он горячо согласился, но горячо и отнекивался, выражаясь буквально так, что и в Иерусалиме он может найти какого-нибудь Бутакова, который мелочами очернит его в Петербурге; Доргобужинов, зная, что, работая вместе со мною, ему придется энергически ратовать против амбиции и самолюбия, в разговорах с Вами и со мною всегда говорил одно: «Я готов работать в чудном, священном деле, но пожалейте меня; я буду в Иерусалиме, отданный на съедение. Вы будете в Петербурге; Вас защитит

великий князь, Вы сами будете за меня стоять, но Вам, быть может, не удастся, а я рискую потерять будущность и доверие великого князя». Я никогда не скрывал перед Доргобужиновым, что на меня самого Петербург злится и что успех за нами не обеспечен; это он знал из всего, из бумаг Министерства иностранных дел, а мы вместе, когда думали о себе, помышляли только о том, что выйти целыми, не потеряв главного: уважения и доверия великого князя. Всякий день доказывал нам справедливость опасений и присутствие опасности. А разве обстоятельства не оправдывают сих опасений, правда, я статс-секретарь, но едва ли великий князь имеет ко мне прежнее доверие? Едва ли и обо мне не думается Его Высочеству, что я развожусь личностями пристрастия к Доргобужинову или вражды к Кириллу. Возьми верх Преосвященный Кирилл — ведь на мне появится клеймо человека, хлопчущего о чинах и звездах, неуживчивого, интригана, революционера; на что мне тогда послужит бывшая милость? Государь сам будет прав, если лишит меня своего милостивого доверия, а высшие органы управления выставят меня в дурном виде. Ведь и ныне я, стоя выше Доргобужинова, играю игру в пан или пропал лично в отношении к себе. Все это Доргобужинов знает, и я несколько этого пред ним не скрываю именно для того, чтобы он не терял духа, пока видит, что я не совсем унываю. Чиновники и придворные стараются служить в Петербурге, в столицах, при дворе, среди всякого комфорта, угождая начальствам, не возбуждая против себя сильных мира и всегда оставляя за собой обеспечение благополучного выхода. Такое поведение даже совместно с качеством честного человека. Чиновники и придворные не теряют лучших лет жизни, последних лет молодости на совершенное отчуждение от действительных прелестей европейской образованной жизни. Надобно иметь невероятное чувство почитания к крестам, чинам и мундирам, чтобы думать, что эти награды сами по себе могут удовлетворить и Доргобужинова, и меня и быть целью наших усилий. Эти блага, право, слишком легко получаются и в Петербурге, чтобы стоило за ними ездить четыре раза в Иерусалим или жить там два года, когда знаешь, что со всех сторон над вами либо смеются, либо сыплется правда укоров, неудовольствий и т.п.

Вспомните только одно: у кого в Петербурге Доргобужинов найдет благосклонный прием, кроме великого князя, если только Его Императорское Высочество будет снисходителен? Доргобужинов надеялся, что Его Высочеству, который удостоил его одобрением и благодарностью, удастся поставить в Петербурге общее мнение (или, по крайней мере, мнение тех властей, от коих зависит и успех нашего дела, и будущность Доргобужинова) на сторону истины. Неудачный исход представления Доргобужинова к награде дал ему понять, что противная сторона взяла верх и что, если даже в такую экстренную минуту, после исторического путешествия, слово великого князя не имеет решительного веса — то

само собою разумеется, что из чувства самосохранения должно спешить и удалиться, пока честь еще спасена. Правда, что думать только о самосохранении есть грех, когда задача долга не исполнена и когда порученное дело оттого пропадет, но так было в отношении к Доргобужинову? Он не только сделал свое дело, но сделал более, чем можно было от него требовать и ожидать. Не забудьте, что он и в денежном отношении отправлялся в Палестину без всякого обеспечения. Не будь личного взаимного доверия между Новосельским и Доргобужиновым и не будь между ними меня, который мог быть адвокатом обеих сторон, соблюдая деликатность той и другой, Доргобужинов был бы весь в скандально неоплатных долгах, либо в совершенной невозможности держать себя в Иерусалиме с достоинством. В какую же минуту Доргобужинов решился оставить место? В такую, когда все наше дело *en principe*⁹⁴ было кончено, земли куплены, фирманы получены и все, наконец, увенчано благополучно совершившимся посещением великого князя. Не забудьте, что Доргобужинов вперед обязывался выждать моего приезда и даже не выехать из Палестины ранее ноября. Его совесть могла быть совершенно покойна, когда он оставлял в Иерусалиме меня с возможностью научить нового консула новому делу.

Примите в соображение, наконец, то, что тесно связано с природою всякого человека: болезнь, нервы, пылкость характера. Одно это могло бы извинять Доргобужинова, когда ему суждено действовать бок о бок с таким несчастно сложенным лицом, как Преосвященный Кирилл. Доргобужинову было трудно с Бутаковым-генералом, каково же должно быть с генералом-архиереем? Если бы Доргобужинов был чиновник и придворный, то он никогда бы не сделал именно того, что он сделал, т.е. не махнул бы просьбы об увольнении после уменьшения награды. Неужели можно думать, что он не понимал, до какой степени такое действие может ему повредить? Он в этом действии позабыл даже и самолюбие, ибо, уходя из Иерусалима явно и добровольно, спускал флаг пред Кириллом; если Доргобужинова считать человеком мелочным, злым и чиновником, то должно допустить, что он не мог решиться на такую уступку.

Доргобужинов сделал ошибку, но сделал ее потому, что упал духом, что бывает с самыми энергическими людьми, а упал духом, потому что увидел неудачу великого князя, единственного покровителя нашего дела в его, Доргобужинова, мнении. В отношении ко мне Доргобужинов поспешил поступить очертя голову и написал мне, что чрез три дня посылает просьбу для того, чтобы я снова не убедил его оставаться, чтобы еще раз не увлечься делом. Когда он получил милостивый рескрипт Его Высочества, в нем заговорило сердце, он не хотел показаться

⁹⁴ В принципе (*франц.*).

неблагодарным, малодушным, и тотчас сам, не успев получить от меня и слова, оставил свое намерение. Доргобужинов имеет к великому князю преданность неограниченную, но настала минута, где он и в нем усумнился. Если это грех, то вспомните, что и Фома явился сомневающимся.

Примите в соображение, что Доргобужинов просил просто увольнения на отдых, не прикидывался изнеможенным, не просил другого места, прямо шел на немилость, готовый распроститься и с службою, и с придворным мундиром, и с крестами. Ей-ей, не так поступают чиновники и придворные.

В нашем деле Доргобужинов и я нераздельны, я с ним совершенно откровенен и никогда его не обманывал, следовательно, опять обращусь к моему собственному воззрению на дело. Вспомните, что после отбытия Его Императорского Высочества из Палестины я сам начал приходить к мысли, что посещение великим князем Иерусалима не даст нам достаточной силы, чтобы скоро преодолеть вредное и тлетворное влияние, или, лучше сказать, присутствие Кирилла, который ничего не делает, а действует отрицательно — *par inertie*.⁹⁵ Мой личный успех меня не ослепил, я думал и думаю, что для себя я не к добру поехал в Иерусалим в четвертый раз. Я не колебался, решился на это 1) из душевной преданности делу, которое в существе уже спасено, 2) из преданности великому князю, чтобы показать, что моя вера в его участие к главным чертам дела не угасла и что я верю в его такт для отделения второстепенных сторон дела от существа, 3) из преданности и любви к Доргобужинову, которого я не должен был покидать в столь трудную минуту, ибо я его увлек в дело, где он согласился быть вторым, а не первым действующим лицом (еще благородная черта). Если бы Доргобужинов искал в Иерусалиме целей чиновника и придворного, то, вероятно, это предо мною бы не ускользнуло, и я сам мог бы ему сказать, что ему не на что жаловаться, что Анна, с которой мимо Станислава и пр., есть блистательная награда и что я уже не обязан идти к нему на помощь, несмотря на мои новые семейные отношения. Конечно, на мне лежала обязанность еще раз отправиться в Палестину, но, зная, как дела делаются в Петербурге, Вы согласитесь со мною, что можно было с некоторым старанием обставить мое новое положение так, что меня бы, может быть, после некоторого нерасположения, избавили от тяжкого и в полной мере страшного путешествия. Действуя по-придворному, я (к удовольствию Министерства иностранных дел и Синода) остался бы в Петербурге, при Дворе, покойно занимался бы какими-нибудь делами и нормальным ходом получил бы следующую награду, — тогда как теперь, по чести, я не убежден, что бы мне не пришлось выдержать еще новой борьбы за себя и за Доргобужинова при

⁹⁵ По инерции (*франц.*).

меньшем доверии великого князя, меньшем сочувствии Его Величества и большем озлоблении противников нашего дела. Никто не может поручиться, а я тем менее, что бы все это не кончилось мало-мальски долговременным отпуском авес oubli навсегда, если не отставкою, и для Доргобужина и для меня.

Спешу прибавить, что эти предположения нисколько не уменьшат нашего с Доргобужинным усердия к делу, не уменьшат моей решимости высказывать правду и испытывать все средства — толцые, и отвернется. Я знаю, как против нас в Петербурге восстановлены, знаю, как легко нам лично потерять многое, но вполне сознаю также, что наши легкости ничего не значат, лишь бы спасено было дело. Работая и действуя честно, мы желаем только одного: сохранить доверие и уважение великого князя и чрез Его Императорское Высочество — милостивое расположение государя; скажу более — мы имеем право на это потому, что мы работаем добросовестно; мы можем делать ошибки, но не ошибаются только те, кто ничего не делает; кто в огонь не идет, тот и ранен не бывает.

Конечно, и Вам скучно читать, и мне грустно писать так много и долго о личностях вместо дела; но делать нечего: ведь без деятелей и дело не делается. Самое то, что Вы мне пишете о необходимости нам уступить во многом Кириллу, означает явно, что в Петербурге наше дело вращается на личности и вращается в нашу невыгоду, что там менее заботятся об успехе задуманного предприятия, чем о возвеличении или, по крайней мере, удержании Кирилла на месте. Отсюда является для нас необходимость защищаться, а это дело нелегкое, когда не знаешь, в чем заключается обвинение, и когда Кирилл опирается в Петербурге на такие элементы, против которых или нельзя, или не хочется бороться. Теперь повторяется, по-видимому, столь обыкновенная уловка неправых сторон: представляться жертвами и смело обвинять правых. В свою очередь, я могу спрашивать: в чем же хотят, чтобы мы уступали Кириллу? в чем мы ему не уступаем? единственная уступка, которой он желает, — это отозвание из Иерусалима и меня, и Доргобужина, передача в его руки и дела, и денег, и соединении в начальнике Духовной Миссии всех сторон деятельности русского правительства в Палестине. Вы понимаете сами, что это просто невозможно. Смешнее всего то, что Министерство иностранных дел, которое более всех должно бы противиться системе Кирилла и заботиться о полноте прав и преимуществ представителя своей гражданской власти, первое поддерживает клерикальный элемент потому только, что Кирилл окружает министерство комплиментами и похвальными песнями, а Доргобужин и я критикуем и указываем на то, где и что нехорошо. Константинопольское посольство смотрит на все это дело точно так же, как и Министерство иностранных дел в Петербурге, и то — только из чувства напрасно обиженного самолюбия.

Звание архиерея всегда было окружаемо нами всеми должными знаками почитания и уважения; доказательством тому служат остающиеся до сего дня отличными наружные отношения и мои, и Доргобужинова к Преосвященному Кириллу. Неужели можно допустить в нас столь мало такта, чтобы предполагать, что мы можем забыть наши обязанности в этом отношении? Достаточно любви к Православной Церкви и к достоинству нашего отечества, чтобы заставить нас всегда явно и энергически поддерживать личное достоинство русского иерарха пред чужими. Но могу ли я сделать теперь ту уступку, которой Кирилл добивается, вовсе не помышляя о нравственном ударе, который произойдет в отношении к русскому здесь влиянию, если, как он явно хочет, например, госпиталь я отберу у консульства и передам ему? Ведь это было бы здесь таким скандалом, что десятками лет не поправишь дела, когда все знают, что разграничение обязанностей и предметов ведомства сделано в Иерусалиме лично великим князем и утверждено государем по положению Комитета. И какое может быть уважение — сделать подобное распоряжение? Если госпиталь поныне существует и процветает, то это именно потому, что он взят нами в наше заведывание. И это не потому, что мы умнее Кирилла, а потому, что наши средства позволяют нам содержать госпиталь, стоящий не менее 4000 руб. в год, а у епископа всего было в распоряжении 40 000 руб. на все политические надобности Миссии и надежда на 8000 руб. дохода в год. Кирилл и в этом поступил опрометчиво, не обеспечив ничего и рассчитывая на неопределенные источники. В последние месяцы своего заведывания госпиталем Кирилл никому уже ничего не платил по неимению денег (свои 40 000 руб. он уже давно истратил); все служители госпиталя хотели уйти, в госпитале почти не было белья и утвари, а епископ уже не имел средств их приобрести. 8000 рублей в год едва достаточно Миссии на пособие и дополнение скудного с казенного бюджета, больных даром содержать нельзя, что же бы случилось с госпиталем? Вот Вам правильный образчик разумной деятельности Кирилла.

Вы говорите мне, чтобы я поменьше писал в Петербург и действовал, не затрудняя Петербурга спорами. Но возможно ли это, когда я знаю, что от Кирилла льдымя⁹⁶ льются в Петербург обвинения, жалобы, сплетни и даже даровые выдумки. Как ни говорите, а из того, что он пишет, все-таки остается хоть что-нибудь в общем мнении или в сферах, против нас действующих. *Calomnies toujours, car il en restera toujours quelque chose.*⁹⁷ Это правда, истина, освященная временем. *Bons rétablit un peu la balance*⁹⁸ — я должен и хочу писать, конечно, не прибегая к сплетням,

⁹⁶ Так в тексте.

⁹⁷ Всегда клевета, ведь от нее всегда что-нибудь да останется (*франц.*).

⁹⁸ Добро немного восстанавливает равновесие (*франц.*).

а еще менее — к наговорам и клевете. Вот уже несколько месяцев, как Кирилл следует системе возбуждать в Петербурге будто бы затронутое самолюбие государыни в том, что он на деньги Ее Величества основал разные заведения, которые мы у него отняли. Разве может быть у Ее Величества самолюбие, разве она не государыня, а министр отдельной части, у нее нет своего, ибо все ей принадлежит. Все это хорошо и правда, но малою наговоров можно увлечь и ее мнение, если ловко подделаться. Долго уже я гонялся и думал об этом и наконец решил написать прилагаемое письмо к фрейлине Тютчевой, которое я усердно прошу Вас, многоуважаемый Александр Васильевич, передать ей лично и конфиденциально и прочитав с ней вместе. Я прошу ее спросить у государыни и уведомить меня, правда ли, что Его Императорское Величество гневается на меня, как говорит Кирилл, и располагает явить мне знак своей немилости.

Фрейлина Тютчева умна и осторожна и просила меня относиться к ней, когда мне нужно; я с ней всегда был в очень хороших отношениях. Только усердно прошу Вас, во всяком случае, передать ей сие письмо на мою голову и на мое счастье.

Я хотел послать к А.Ф. Тютчевой еще прилагаемый *mémoire*;⁹⁹ но нашел потом, что это не довольно осторожно. Посылаю его на Ваше усмотрение, как удачно, кажется, сложившееся объяснение всей истории дела, которую забыли и забывают.

Для спасения дела постарайтесь, благодетель Александр Васильевич, поговорить с императрицей, восстановить правду и сообщить ей хотя историческую часть этого *mémoire*. Ей-ей, я перестал надеяться на Оболенского — его слишком разобрали лень, отчаяние и равнодушие, я говорю это с горем, но без сердца и претензии на него. Нельзя и требовать, чтобы расписались за чужое дело и за другие. На Вас я все-таки твердо и инстинктивно надеюсь.

Подошла почта, и я опять спешу.

Ради Бога, упросите Его Высочество кончить дело с Кушелевым покупкою¹⁰⁰ его обеих земель и принятием его условий. Нечего делать, а без его земель обойтись невозможно. Это мое убеждение и последнее слово, а поверить мне в этом можно. Впрочем, дело вообще обставилось так благополучно, что и с кушелевскими землями все приобретения земель и в Иерусалиме, и в Назарете, и Кайфе обойдутся не более 45 000 руб. Во всяком случае, дело счастливое и выгодное, ибо обеспечится будущность на веки веков.

⁹⁹ Записку (франц.).

¹⁰⁰ Я бы заплатил Кушелеву что просит, да потом тиснул бы о том в газетах, а он сам сделал себе пьедестал человека, не уступившего мнимой угрозе и желавшего остаться независимым от расчета угождения Двору (прим. Б. Мансурова).

Оболенский уведомил Доргобужина только об ответе Кушелева, а не о результате сего ответа в Комитете.

Имейте в виду, что для достоинства нашего Правительства до такой степени необходимо, чтобы госпиталь оставался в заведывании консульства (я не говорю уже о выгоде самого госпиталя), что если бы на днях я получил изъявление желания, чтобы он снова был передан Кириллу, или даже приказание в этом роде, то я, под страхом всей ответственности и рискуя гневом начальства, взял бы на себя не исполнить приказания в ожидании ответа на мои законные, правдивые и добросовестные объяснения.

Достоинство великого князя и нашего правительства для меня дороже личных уважений, а тем паче дороже самолюбия Кирилла. Мы здесь на краю успеха или страма, ибо все глаза устремлены на нас, а пока только здесь известно, до какой степени Кирилл уже страшит русские власти рассказами всякому поклоннику, едва грамотному, о горькой чаше испытываемых им притеснений от консульства и от г. Мансурова.

Если меня Петербург не поддержит еще месяца четыре (я большего не прошу), то, право, напрасно меня сделали статс-секретарем и напрасно не удержали от поездки сюда.

Извините меня, дорогой, добрый и искренно любимый Александр Васильевич, за надоедание Вам письмами вроде сего; слишком много горечи на душе. Утешаюсь тем, что на прочтение письма Вы употребите много-много $\frac{3}{4}$ часа, а если бы я был в Петербурге, то я бы надоедал Вам и чаще, и дольше.

Всему виновато отдаление Иерусалима.

Бедная жена моя решительно беременна и вот три недели не встает с дивана. Беды и опасности нет, но страха и раздумья много. Решительно, позже 1 или 10 февраля я не могу здесь оставаться. Жене нечего и думать возвращаться в Петербург ранее будущего августа. Я свезу ее в феврале в Париж, оставляю там с отцом, а сам к 1 или 10 марта явлюсь в Петербург месяца на два, но не более, и попрошу отпуска до сентября.

Извините еще раз и позвольте обнять Вас от души и сердца.

Искренно Вам преданный и неизменно благодарный

Б. Мансуров

[P.S.] Извините, Бога ради, за вложение сюда трех писем, в особенности одного в Москву; я опоздал на почту, одолжите 10 коп. взаймы. Наперед благодарю и еще извиняюсь.

Октябрь 1859 г.

Рассматривая всю цепь событий, сопровождавших учреждение в Иерусалиме Духовной Миссии, консульства и самой благотворительности, которую Россия начала для своих паломников, можно признать, что правительство придерживалось во всех своих действиях очень простого и очень четкого порядка:

1. При назначении епископа Мелитопольского и создании Миссии, им возглавляемой, он был единственным представителем, которого наше правительство намеревалось послать в Иерусалим. Посему в его руках были сосредоточены все полномочия, которые могли быть связаны с русским представительством в Палестине: политическая и пастырская деятельность, материальные заботы — все было доверено ему, несмотря на большую трудность вести все эти дела напрямую одною рукою. Отсюда проистекают столь общие инструкции, которыми был снабжен Его Преосвященство Кирилл.

2. Бюджет, которым должна была располагать Миссия, оказался столь мало сообразным с поставленными перед нею задачами, что, ввиду трудности возложить новое бремя на государство, Ее Величество императрица милостиво решила сформировать для епископа дополнительный, но не официальный бюджет, который мог бы помочь ему хотя бы отчасти достичь намеченной цели. Ее Величество, бывшая зачинательницей этого дела, удостоила меня чести лично сообщить, что суммы эти были назначены епископу, чтобы дать ему возможность делать все расходы, необходимые на Востоке русскому епископу: такие, как помощь арабским церквям, милостыня, ремонт церквей, помощь православным общинам, которые все нищенствуют, помощь монахам, которые пришли бы к нашему епископу с протянутой рукою, и т.д. Эти нужды столь реальны, что без помощи Ее Величества императрицы епископ каждодневно оказывался бы в весьма затруднительном положении. Сам размер той суммы, которая стихийно была собрана императрицей, указывала на то, какое служение предстоит епископу: 40 000 рублей (или около того) было собрано в течение года, и еще 8 000 должно было выделяться в будущем ежегодно — все это предоставило Духовной Миссии замечательное обеспечение для раздачи пособий и политико-религиозной милостыни. Совершенно очевидно, что наша августейшая правительница не предназначала эти суммы на основании в Иерусалиме постоянных, солидных учреждений, поскольку

Ее Величество уже тогда знала, каких жертв и вложений капиталов, предназначенных для обеспечения их деятельности в будущем, требуют заведения такого рода.

3. Во время своего первого приезда в Петербург из Палестины я имел счастливую возможность открыть нашему правительству глаза на печальное положение наших паломников в Иерусалиме и на то, что необходимо сделать для достоинства России и благополучия ее подданных. Я был главным ходатаем о том, чтобы в Иерусалиме присутствовала Русская Миссия, на том единственном условии, что у нее будут средства, необходимые для поддержания ее внешнего достоинства. Тогда же я постарался доказать, что следует собрать новые денежные средства, чтобы основать в Палестине большие приюты, подчиненные какому-либо русскому монастырю. Я лично изложил все свои надежды и планы Ее Величеству императрице, которая сооблаговолила их одобрить и своим августейшим покровительством обрекла на успех новую систему, согласную с тем, что она сама уже сделала специально для Миссии. Преимущество, заключающееся в сочетании этой новой системы с нашим большим коммерческим предприятием, занимающимся мореплаванием, принятое решение об основании императорского консульства в Иерусалиме, уже приобретенный мною опыт и согласование всех будущих работ с учреждениями и интересами совершенно гражданскими и материальными — все это имело своим логическим следствием, что проведение в жизнь новых мер было доверено мне и консулу. Теперь, когда я говорю после неожиданного всплеска самолюбия, я не могу понять, чем второй проект правительства мог задеть самолюбие епископа Мелитопольского? Он мог и должен был иметь в нашем лице лишь преданных союзников, служащих одному с ним делу, результатом нашего сотрудничества могло быть укрепление его позиций, он мог приобрести еще одну опору, согласившись разделить с нами задачу, в которой ему отводилась бы самая почетная и самая возвышенная часть — нравственная, политическая и религиозная. А нам бы оставались материальные заботы, утомительные сделки с жадными и лживыми людьми, дипломатические и административные трудности.

Сосредоточение новых капиталов, специально предназначенных для покупки участков и управления приютами, должно было сделать епископа в два раза богаче в ином смысле и позволило бы ему самостоятельно распоряжаться суммами, предоставленными Ее Величеством императрицей для решения вопросов, напрямую связанных с политическими целями и достоинством Духовной Миссии.

4. Очевидно, что второй, более конкретизированный проект правительства должен был привести к разделу обязанностей, первоначально

возложенных на епископа, уже потому, что с учреждением посольства русское представительство России в Иерусалиме осуществлялось двумя учреждениями, однако ни у епископа, ни у кого-то еще не было никаких причин предполагать, что это разделение обязанностей является посягательством на достоинство Духовной Миссии. Существование консульства на Востоке — это вещь совершенно ординарная, учреждение это необходимо для всех, кто ведет дела на Востоке, и все не-Православные Церкви ищут и находят в своих консульствах помощь и опору, без которой не могли бы обойтись. В то же время ничто не давало епископу оснований видеть во мне или господине Доргобужинове лиц злонамеренных или враждебно к нему настроенных: мы совершенно друг друга не знали и все трое начали свою деятельность в Палестине, не будучи стеснены каким-либо прошлым или прежними отношениями.

Первые ошибки епископа заключались в том, что

— едва прибыв в Иерусалим, он поспешно и открыто занялся поисками участков, не зная даже, для чего они послужат, не изучив нужд наших паломников, не посоветовавшись ни с одним архитектором, не подсчитав будущих расходов и соотношения между этими расходами и ресурсами, размер которых еще не был известен;

— он принял нас как самозванцев и дурно судил о наших намерениях, не имея на то никаких оснований;

— он посчитал нас представителями некоей клики, к которой неодобрительно относятся Их Величества император и императрица и которые действуют вразрез с намерениями Министерства иностранных дел;

— он упрямо желал буквально придерживаться первоначальных инструкций, которые должны быть отменены, и не учитывал, что мы сами можем действовать лишь в соответствии с точными распоряжениями и что нам были вручены суммы ad hoc, специально предназначенные для возведения наших приютов, тогда как Миссия располагала лишь 30 000 рублей серебром;

— в течение 6 недель, когда я уже был в Иерусалиме, он настойчиво продолжал невыгодные переговоры о покупке земли и потерпел неудачу, которая привела к бесполезной потере 3 000 рублей серебром из вспомогательных сумм, выделенных Ее Величеством императрицей; затея его вызвала столь непомерный рост цен на землю в Иерусалиме, что позднее нам пришлось платить двойную и даже тройную цену;

— наконец, после моего первого отъезда из Иерусалима, он начал открытую борьбу с консульством за влияние, в которой умышленно вел себя совершенно неправильно как по форме, так и по содержанию, о чем свидетельствует обширная корреспонденция; в начале этого года Его Императорское Величество лично принял окончательное решение по этому делу в пользу консульства.

Здесь я еще раз с полной ответственностью заявляю, что консул ни на минуту не прекращал окружать епископа всеми должными знаками почтения, соответствующими его рангу. Ему было бы невозможно действовать иначе, поскольку честь и достоинство главы Духовной Миссии в Иерусалиме дороги каждому русскому, чтобы не забыть об этом, нужен лишь патриотизм, а господин Доргобужинов благодаря своему твердому и возвышенному характеру сумел столь высоко поднять авторитет нашего правительства в Палестине, что он имеет полное право утверждать, что никому не уступает в патриотизме.

Я менее всего хотел бы судить и порицать епископа, я даже глубоко удручен тем, что приходится говорить о нем неприглядную правду, но раз уж мы вынуждены решать личные вопросы, я должен напомнить, что все факты доказывают, насколько характер владыки Кирилла не соответствует его миссии, состоящей в том, чтобы установить мир и согласие в Иерусалиме. Насколько мне известно, трое лучших членов Миссии вскоре покинули ее и ничуть не скрывали, что трудный характер епископа сделал невозможным служить под его началом. В числе этих лиц был отец Леонид, один из самых почтенных монахов, отличавшийся крайним смирением и образцовой жизнью. Жемчужина нашей Миссии, отец Ювеналий, молчит, но страдает и изо всех сил ждет дня, когда сможет покинуть Иерусалим. Разве этого мы могли ожидать от тщательного отобранных монахов, которые под мягким отеческим руководством должны были мечтать лишь о том, чтобы никогда не уезжать из Святого Града, стать особыми людьми и создать питомник для преданных и полезных проповедников? Если каждые два года придется набирать новый персонал для Миссии в Иерусалиме, мы никогда не достигнем возвышенной цели, стоящей перед этим учреждением. В самом Иерусалиме нет людей, занимавших хоть сколько-нибудь высокое положение и не имевших бы разногласий с епископом Мелитопольским, который пользовался любым случаем, чтобы поведать всем на свете о своих распрях и недовольстве; даже паломников последовательно ставили в известность об этих мелких и пошлых вопросах.

Говоря от чистого сердца и с чистой совестью, я ничуть не преувеличиваю, и если я решился доверить бумаге строгое суждение о столь высокопоставленном представителе нашей Церкви, то лишь потому, что, воистину, нельзя закрывать глаза на то, что епископ Кирилл своим неосмотрительным и вспыльчивым поведением и, прежде всего, своим зачастую ребяческим тщеславием сильно растерял народное почтение. Общество осуждает и обвиняет его, а такого быть не должно. Сейчас стало очевидно, что епископ Мелитопольский — человек большой эрудиции, хороший советчик и ученый, однако он напрочь лишен практического ума, дипломатического такта и таланта выбирать людей и по-доброму обходиться с ними. Его главные недостатки — непомерное

тщеславие и самолюбие — заставляют его каждодневно совершать ошибки, имеющие в Иерусалиме слишком тяжкие последствия из-за того особого положения, которое он там занимает.

Я прекрасно понимаю, что мое свидетельство может подвергнуться критике и сомнению, но, чтобы судить о его ценности, можно учесть тот факт, что я ничуть не заинтересован в том, чтобы навредить епископу, поскольку мне остается провести в Палестине всего несколько месяцев. Мое личное задание будет завершено, и никакое чувство самолюбия не свяжет меня с тем наследием, которое останется после меня в Иерусалиме, поскольку наши усилия были увенчаны достаточным успехом благодаря высочайшему покровительству, которое мы обрели у подножия российского трона. Я бы мог промолчать, но, по моему убеждению, это противоречило бы моему долгу, поскольку я вижу, как напрасно падает тень на достоинство нашей Церкви и нашего правительства. Мне было бы тем более непозволительно не сказать правды, что я являюсь практически единственным человеком, который может говорить на эту тему беспристрастно.

Ради блага Миссии в Иерусалиме, ради успеха ее деятельности и ради блага самого епископа Мелитопольского его следует незамедлительно призвать к делу, более соответствующему его характеру и способностям, подыскав ему преемника с более уживчивым, более миролюбивым и пастырским нравом. К сожалению, я не знаю, насколько скоро мы можем ожидать его замены, посему я могу лишь облегчить свою совесть, выразив все свои опасения насчет нашего будущего, поскольку я глубоко убежден, что ближайшие события докажут мою правоту и то, что епископ Кирилл находится не на своем месте в Иерусалиме.

Пер. с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

30

В.И. Доргобужинов — А.В. Головнину

Иерусалим

25 октября/6 ноября 1859 г.

Милостивый государь Александр Васильевич!

Честным словом уверяю Вас, милостивый государь, что про все здешнее я не писал ни к кому, кроме Вас и Мансурова. Не писал даже слова об этом и сестрам моим. С первых столкновений с архиереем я убедился, что жалобам его на меня — и в посольство, и князю Горчакову, и в частной корреспонденции, и кликушам-поклонницам — не будет конца; вместе с этим убедился и в том еще, что от клеветы мне не спасти себя. Оставалось только спасти достоинство свое молчанием и делом

дела. Этой системы держусь я и до сего дня и буду держаться неуклонно, пока Бог не выведет меня отсюда. Ею не купишь мнения большинства: немногие способны оценить ее заслугу; оттого-то и больно, если эти немногие, как Вы, например, бесконечно почитаемый мною Александр Васильевич, выражают сомнение в умении моем терпеть молча, т.е. не верят тому, в чем я полагаю главную заслугу мою.

В письме Вашем от 10 сентября есть, впрочем, та утешительная сторона, что слышится в нем гуманное участие Ваше в безвыходно тяжелом положении моем. Много любви принесет Вам это благодатная способность болеть чужою бедою.

Вы пишете, что сила моя лежит в убеждении en haut lieu,¹⁰¹ что я служу идеи и что я — энтузиаст:

Роль энтузиаста не тяжела только Ростовцеву.

Нормальному человеку она не под силу.

От меня требуют:

Делать новое и важное дело в продажной среде, где всякое начинание приходится брать с боя не только против жадных турков, греков и арабов, но и против интриг русского архиерея, который систематически портит мне дело подкупами на императрицыны деньги (факт) из-за того только, что делаю его я, а не он.

Глотать молча все его оскорбления и молча же интриговать против его интриг: чья возьмет.

Быть выше мелочных, чиновничьих расчетов; ходить к архиерею с поздравлением, когда он получит панагию с брильянтами, а через месяц ленту; т.е. не интересоваться ничем, что льстит самолюбию служащего человека, что дают ему, архиерею, за порчу дела и в чем отказывают мне за труд.

Быть здоровым, потому что без здоровья нельзя работать; а я глохну с каждым днем от хронического катара в ухе, полученного зимою в здешнем сыром доме.

Забудьте на миг о важном здешнем деле и оглянитесь на личность исполнителя: выполнима ли надолго такая программа? Требуемые от меня всего этого — не те ли они, старые «связуют бремена тяжка и бедне носима и возлагают на плеща человеческа: перстом же своим не хотят двигнути их».

Ей Богу, мне уже не до престижа.

Именем лучшей привязанности в жизни молю Вас: облегчите мне возможность выехать отсюда 10 апреля. Только к маю попаду я в Париж на консультацию и только к июню туда на воды, куда пошлют меня. Выпустят отсюда 10 апреля — в отпуск ли, в отставку — мне совершенно все равно, и я не опоздаю к началу курса и, с помощью

¹⁰¹ В высшие круги (*франц.*).

Божию, сохраню слух. Затянут разрешение долее — пожалуй, ведь и испортится совсем работающая машина, которую — и только которую — видят они во мне. Прошение об отпуске или отставке я пушу отсюда в январе или в декабре.

Как это сделать — формой ли отставок, формой ли отпуска — решит здесь Мансуров. Прошу загодя позволения написать Вам вместе с отправлением прошения отсюда.

С чувствами неизменно глубокого уважения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Владимир Доргобужин

31

Б.П. Мансуров — А.В. Головнину

Иерусалим

29 октября/10 ноября 1859 г.

Дорогой и многоуважаемый Александр Васильевич, третьего дня получил я присланные мне из Петербурга подарки, т.е. письмо Оболенского и предписание великого князя от 29 сентября. Вы можете себе представить, сколько я был обрадован. Вот и польза путешествия великого князя! Великолепная обстановка при всех условиях успеха дела кончается скандалом на чужой земле, в центре Православия! Достоинство русского великого князя явно нарушается и нарушается руками русского архиерея, который, вместо того, чтобы в христианском духе снести хотя бы (положим) ошибочное распоряжение, вполне личное, Его Высочества, поднимает ради своего самолюбия, даже во вред себе, долго задуманную и упрямо веденную интригу!

Не могу скрыть, что Кирилл здесь — предмет вечного соблазна. Он уже проболтал здесь пред греками, в особенности пред Преосвященным Мелетием, что одержал победу в Петербурге над всеми, пока мы старались молчать и окончить дело по возможности тише. Хороша картина: русский архиерей, по счастью, лично недостойный сего сана, ставит на явный позор раздор русских властей и не останавливается тем, что компрометирует своего великого князя.

И предписание Его Высочества, и письма Оболенского я получил после отправления в Петербург всех моих писем, в том числе и письма к А.Ф. Тютчевой. Более чем когда-либо настаиваю пред Вами насчет передачи ей сего письма, которое ничего испортить не может, ибо оно очень мягко.

Писал я Вам, между прочим, что я вперед решил не исполнять приказания из Петербурга о передаче госпиталя Кириллу. После того,

что мне пишет Оболенский, и явного нежелания великого князя отстоять свое же распоряжение, мне смешно было бы быть *plus royaliste que le Roi*.¹⁰² Я исполню приказание, но буду искать возможности сколько можно менее терять столь трудно приобретенный престиж и спасти достоинство русского имени. По совету Оболенского, постараюсь ловко выйти из скверного положения.

Напрасно, однако, Оболенский пугает меня потерей на Иерусалимском деле личного моего авторитета. Петербург научает меньше ценить это благо, и я докажу это на деле. Если Оболенский хочет выходить из Комитета для того, чтобы не быть жертвою ссор высших властей, то я не хочу больше входить в него с полною безнадежностью для дела. Я свое дело ближайшим образом кончу, уйду с сознанием, что оставил упроченное наследие, упроченное, сколько от нас зависело, а затем позволения пожить для себя и для жены.

Надеюсь, что ни Вы, ни Оболенский не будете более говорить нам о возвышенности чувств, о службе идеям, о терпении и презрении мелочами. Ни я, ни Доргобужинев не помышляем о чинах и наградах; он решается на отставку, а я на все, что угодно, включая и сию меру, если нельзя будет помириться на долговременном отпуске без всякого содержания. Говорю, не шутя, но говорю только Вам и даже не для Оболенского, потому что я не хочу закидывать вперед пустых фраз и выставлять себя жертвой. Я просто устал, и мне надоело работать для чести тех, кто своею честью не дорожит.

Еще раз и опять скажу Вам для передачи в особенности графу А.П. Толстому: для спасения чести русской иерархии и русского правительства пускай возьмут отсюда скорее Кирилла, который вместе недостойный пастырь и дурной человек без сердца и без разума.

Уже теперь страму много, а потом будет хуже. После последней истории он будет стараться забрать в свои семинарские руки все дело наше; подумайте, что из этого будет, если он успеет.

Еще раз скажу: Доргобужинова здесь все любят, уважают и ценят; Кирилла все не терпят, никто его не уважает, даже паша высказал это прямо к *en toutes lettres*¹⁰³ (sic). Не скажут же мне, что я вожусь в Иерусалиме с людьми непорядочными и сомнительными! Вот уже несколько месяцев, как Кирилл оставлен всеми русскими, никто к нему не ходит даже болтать, и он от скуки и нечего делать ходит сплетничать на русских к тем редким грекам, конечно, низшего нравственного разбора, которые не прекратили с ним всяких неофициальных сношений.

Лучше взять Кирилла теперь среди его победы; все-таки соблюдется достоинство иерархии.

¹⁰² Большим роялистом, чем сам король (*франц.*).

¹⁰³ Прямым тестом (*франц.*).

В существе, я мало виню Петербург в последней истории, но ради моего присутствия здесь и ради моего положения можно было отложить передачу госпиталя после моего отбытия отсюда.

Дай Бог Вам здоровья и терпения, того желает Вам от всей души сердечно преданный Вам

Б.М.

Жена очень Вам кланяется и благодарит за Вашу дружбу. Она не встает с дивана вот три недели и все страдает.

Я буду писать Оболенскому при первой возможности. У нас уже начинают болеть: Эппингер в постели в ревматизмах. Нечего сказать — тяжела здесь жизнь!

31

Б.П. Мансуров — К.С. Варранду

Иерусалим
№ 26

19 ноября/1 декабря 1859 г.

Любезный друг Варранд, во-первых, поздравляю тебя преискренно с лестным титулом преемника А.В. Головина, чему я премного обрадовался и для тебя, и для нас, а во-вторых, позволь передать тебе просьбу о докладе Его Высочеству следующих обстоятельств:

1) Когда великий князь был здесь, он остался очень доволен Армянским Патриархом, который сделал Его Высочеству весьма замечательный подарок. Тогда еще Его Высочество предполагал испросить сему Патриарху пожалование панагии от имени государя, тем более, что он уже имеет древнюю панагию, пожалованную покойным императором. Эта панагия не вошла тогда в наше общее представление, которое я представил лично государю, но великий князь положительно хотел отблагодарить Патриарха, ибо при себе не имел духовных подарков. Сделай одолжение, напomini об этом деле Его Высочеству; я не знаю, не сделано ли что-нибудь по сему предмету в Петербурге; но, во всяком случае, великий князь не может и не должен оставаться в долгу, получив подарок; а армян наше правительство всегда голубит и хорошо делает. Это соответствует давно принятой системе.

2) Его Высочеству известен г. Гуармани, который более года заведовал русскою почтою в Иерусалиме и устроил оную в то время, пока нами установлен был для всей Восточной линии временный и весьма удобный порядок. Дело шло весьма хорошо, но в недавнее время беспечность и варварство нашего Почтового казенного управления испортило дело так, что из Иерусалима стало невозможно писать в Россию по русской

почте: почтовые марки запрещено употреблять за границей и приказано все письма франкировать только до Константинополя по огромной цене; теперь за провоз писем от Константинополя до Одессы (40 часов) казна берет с лота 30 коп. серебром!, тогда как из Одессы в Иркутск берут с лота 10 коп. Одним словом, Почтовое министерство сделало для всего Востока такую неурядицу, что решительно нельзя писать в Россию иначе как по французской почте, тогда как в течение целого года посредством употребления почтовых марок в одном Иерусалиме почта приносила до 500 руб. дохода, чем окупались все расходы на жалованье г. Гуармани и почтарям и оставался барыш.

Теперь все это рухнулось, я должен был прекратить почтовый контракт с г. Гуармани, и мы должны будем содержать своих курьеров, а все частные письма передавать на французскую почту. То же самое является во всех портах Востока, а прежде каждый пароход приносил одного почтового дохода от 20 до 25 руб. серебром.

Для нашего достоинства необходимо чем-нибудь отблагодарить г. Гуармани, который за прошедший год взял с нас только стоимость содержания курьеров и лошадей, а доход почти оставил нам. На прощание с ним я осмеливаюсь спрашивать у Его Высочества высылку для г. Гуармани приличного подарка, т.е. перстня или табакерки (но не часов) от имени Его Высочества, но на счет тех 10 000 рублей, которые Пароходное Общество дает Комитету на устройство поклоннических заведений, ибо почта устроена была именно для удобств поклонников. Это совершенно правильно и удобоисполнимо: деньги от Общества получают Оболенским, а просимый мною расход можно просто поставить на счет Комитета. Стоимость подарка я прошу рублей в 200 или 250.

3) Еще в Афинах я получил на имя Его Высочества deux écussons en marbre¹⁰⁴ из Родоса, приношение от тамошнего русского вице-консула г. Генриха Дуччи (Henry Ducci). Эти замечательные остатки рыцарства я сдал на фрегат «Громобой» в Яффе для отвоза в Кронштадт и Петербург во дворец Его Высочества. Великий князь удостоил тогда, по докладу моему, принять сей подарок от г. Дуччи и обещать выпросить ему за то орден Св. Станислава в петлицу. Более сего и не нужно, но это есть единственное средство отблагодарить г. Дуччи за подарок, имеющий большую цену у антиквариев.

Доложи о сем деле Его Высочеству и испроси означенную награду, если это еще не сделано. Не знаю, был ли великий князь в Родосе, видел ли он там г. Дуччи и сказал ли он ему что-либо?

Рекомендую сии просьбы твоему вниманию, любезный друг; в них заинтересовано достоинство Его Высочества; но я боюсь, не забыты ли сии дела.

¹⁰⁴ Два мраморных герба (*франц.*).

Работы наши начались и мое дело, слава Богу, приходит к желаемому концу.

Будь здоров, желаю тебе всякого счастья, и не забывай искренно преданного тебе

Б. Мансурова.

Отвечай мне via France et Marseille, адресуя просто: M. Mansuroff à Jérusalem, Palestine, par Marseille à Jaffa.

32

В.И. Доргобужинов — Е.П. Ковалевскому

Иерусалим

Копия
29 ноября 1859 г.

Милостивый государь Егор Петрович!

Отправляю с этим же пароходом к князю А.Б. Лобанову-Ростовскому докторское свидетельство о болезни моей и прошение об увольнении меня в четырехмесячный отпуск во Францию, Германию и Россию для пользования минеральными водами, долгом считаю ныне же покорнейше просить благосклонного представительства Вашего, милостивый государь, в Петербурге об исходатайствовании мною просимого увольнения.

Прошлая зима в сыром здешнем доме, откуда не выжить сырости никакими калориферами, развила во мне катар уха, который в настоящее время принимает все более и более серьезное направление и грозит глухотою. Дела наши удерживают меня здесь еще на зиму. При условии усиленной работы, я надеюсь покончить все вопросы поважнее к Пасхе так, чтобы иметь возможность, ко времени получения здесь разрешения на отпуск, если Вы изволите признать возможным исходатайствование его, — сдать нетрудное наследство тому, кому поручено будет исполнение консульских обязанностей на время отсутствия моего.

Затруднение приискать и отправить в столь далекий путь, как Иерусалим, такого чиновника, — может, сколько могу судить, быть устранено поручением, если Вы изволите признать это возможным, секретарю моему Кривошеину исполнять должность мою впредь до прибытия сюда консула.

Позволяю себе предложить меру эту на благоуважение Ваше, милостивый государь, потому только, что признаю в г. Кривошеине все условия, необходимые для успешного ведения обыкновенных дел наших

здесь. Трудно ожидать, чтобы при теперешнем обилии политических вопросов первой важности, разрешением которых занята дипломатия всех первостепенных держав, вспомнили бы об Иерусалиме и пришлось бы вследствие того французскому и русскому консулам во Святом Граде работать будущим летом по вопросам о куполе Святогробского храма или об общем владении Вифлеемским святилищем, а кроме этих дел вся политическая деятельность наша здесь имеет характер еще более религиозный и по этому самому сосредоточена в руках г. начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Консульство же занимается преимущественно делами русских поклонников в Палестине, число которых в летний период, с Пасхи и до половины сентября, бывает весьма невелико.

Ныне, с окончанием в Иерусалиме дел по приобретению земель под наши будущие богоугодные заведения, не имеется в виду ничего особенно важного и по этому отделу занятий моих здесь. Лето пройдет в открытии фундаментов и в прочих первоначальных работах по проектированным постройкам. Все это будет делаться под личным надзором русского архитектора; на долю же консульства останется только посредничество между ним и территориальными властями, что, конечно, может быть возложено на г. Кривошеина, которому неоднократно доводилось уже успешно исполнять поручения подобного рода.

В случае согласия Вашего Превосходительства на отпуск мой, присылка в Иерусалим разрешения на это не позже первых дней апреля довершила бы одолжение, о котором дозволяю себе утруждать Вас: последнее обстоятельство тем для меня важно, что так как отпуском я желал бы воспользоваться с 15 апреля, то он даст мне возможность двинуться отсюда с первым после Пасхи пароходом и попасть к маю в Париж на консультацию, а к началу курса туда на воды, куда пошлют меня. Таким образом, все, что еще напортит здоровью зима, — будет захвачено вовремя, и я могу надеяться на сохранение слуха.

Еще одна просьба, которую решаюсь утруждать Вас, многоуважаемый Егор Петрович, из-за опасения, что безделица может затянуть дело до лета перепискою с Иерусалимом, отнять у меня возможность подлечиться на водах и сделать меня негодным не только уже для разных потреб вроде Иерусалима, но даже и просто для жизни про себя и для себя. К прошению об увольнении нужен гербовый лист в 90 копеек. Могу ли я ожидать от давней благосклонности Вашей ко мне, что Вы изволите приказать внести эти деньги?

С чувствами совершенного уважения и таковой же преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Владимир Доргобужинов

P.S. Смею ли надеяться, что Вы позволите мне быть Вашим должником — до свидания, Бог даст, по лету — за паспортный заграничный бланк? Единственное оправдание, что позволяю себе утруждать Вас подобными скучными мелочами — это невозможность выслать отсюда деньги в Петербург.

33

В.И. Доргобужинов — А.В. Головнину

Иерусалим

30 ноября ст. ст. 1859 г.

Милостивый государь Александр Васильевич!

С нынешнею почтою отправлены мною: письмо к Ег.П. Ковалевскому, у сего в копии представляемое; другое, подобное первому, письмо к князю Лобанову-Ростовскому, к которому приложены докторское свидетельство о болезни моей и прошение на Высочайшее имя об увольнении меня на воды в Европу на четыре месяца; письмо к Е.П. Новикову, которым прошу его наблюсти за спешным представлением ходатайства об отпуске в Петербург, а также за скорою высылкою мне сюда разрешения, по получении его оттуда в Константинополе; и письмо к Н.А. Новосельскому относительно увольнения моего.

Из представляемой копии Вы изволите усмотреть все уважения, побуждающие меня проситься на воды и облегчающие средства найти мне здесь на первое время преемника. Позволяю себе ожидать от обычной благосклонности Вашей, милостивый государь, ко мне, что Вам угодно будет не отказать мне в слове участия перед Его Высочеством относительно отпуска моего.

Как ни важно для меня просимое увольнение по необходимости лечиться, но без Вашего заступничества самая необходимость эта может быть истолкована великому князю бутадою:¹⁰⁵ комментаторов contra всюду немало. Поэтому, на случай, если бы кому-либо из лиц, от которых зависит мой отпуск, пришло бы на мысль, что прошу я о нем не столько для лечения, сколько из-за желания покататься, и что в этой прихоти можно и отказать; на этот случай считаю необходимым сознаться Вам, и, чрез Ваше благосклонное посредство, им, что положение мое настоятельно требует лечения и что, в случае отказа в отпуске, забота о здоровье вынудит меня выйти и в отставку, чего мне, прослужившему 16 лет, ей-Богу, не хотелось бы. Отказ этот отнимет только у меня лето, которое пройдет в переписках об отставке; дело

¹⁰⁵ Прихотью (от *франц.* boutade).

не выиграет в руках у больного, рвущегося в другой климат; а в убытке — все-таки я. Могу ли ожидать от Вашего обязательного участия в моем положении, что все написанное Вы изволите, в случае надобности, передать а *qui de droit*¹⁰⁶ с тою мягкостью, которая исключает даже и подозрение в задоре или всяком другом, не располагающем к просителю, движеньи. Не пугать я хочу отставкой: немало у нас людей, вполне способных заменить меня здесь, а только ставлю здоровье выше соображений служебных.

С отличным уважением и искреннейшею преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Владимир Доргобужин

34

К.С. Варранд — Д.А. Оболенскому

[Санкт-Петербург]

17 декабря [1859 г.]

Получив от Мансурова прилагаемое письмо о иерусалимских делах, о которых я ничего не знаю и не имею поэтому основания докладывать о них великому князю, я показывал это письмо А.В. Головнину, который отозвался, что разрешение настоящих просьб Мансурова зависит от тебя, по заведыванию тобою уплатами Иерусалимского комитета, а потому и поспешаю передать тебе письма Мансурова. Третий пункт я сообщаю также по совету Александра Васильевича, на усмотрение К.П. Чичерина.

Преданный Вам
К. Варранд

35

А.В. Головнин — Д.А. Оболенскому

[Санкт-Петербург]

26 декабря [1859 г.]

Посылаю Вам почтительно, князь Дмитрий Александрович, прилагаемые бумаги, на которые может быть только один ответ; т.е. официальное извещение Доргобужининову, что он вовсе увольняется от должности консула, оставаясь при Морском министерстве, что великий князь разрешит ему остаться за границей для леченья и что для него имеются в Морском министерстве прекрасные поручения: исследование

¹⁰⁶ Кому следует (*франц.*).

быта мастеровых и рабочих на заводах и изыскание мер к развитию купеческого флота. Я уверен, что подобное уведомление очень обрадует его. Великий князь на это согласился, и я пишу ему частным образом.

Преданный

Головнин

36

Б.П. Мансуров — А.В. Головнину

Иерусалим

7/19 января 1860 г.

Дорогой Александр Васильевич, сейчас получил я Ваше драгоценное письмо от 7/19 декабря о чудном и малоожиданном решении государя императора по делу о госпитале. Я имею полное основание радоваться (поверьте, не из чувства самолюбия), во-первых потому, что дело получает достойное для чести России разрешение, а во-вторых потому, что мои здешние распоряжения, вследствие первого предписания о сдаче госпиталя Кириллу, дают возможность оставить все в прежнем правильном виде, не подвергая нас страху двойного отобрания и новой передачи. Одним словом, госпиталь еще не передан Кириллу и вот почему и как:

а) Получив предписание о передаче, я девять дней держал оное в кармане и секрете для того, чтобы самому успокоиться духом и чтобы не делать ничего и не говорить с Кириллом сгоряча и горячо. На десятый день Кирилл внезапно уехал в Бейрут, так что накануне мы о сем не знали. Воротился он только 6 декабря. В это время я и Доргобужинов делали приготовления по сдаче и по устройству нового порядка.

б) Я так мало преувеличивал о том, какой страх и вред для достоинства Его Высочества и вообще русского имени приведет сдача госпиталя из рук, которым сам великий князь лично оный вверил, что сам Кирилл это понял и признал до такой степени, что, когда я с ним вступил в переговоры о сдаче (уже хладнокровно и вполне покойно и мирно) — он положительно сказал мне: а) что он никогда в Петербурге не просил о новой передаче ему госпиталя, б) что он о сем не просил ни государыню императрицу, ни князя Горчакова, в) что он просил только о получении от Его Высочества великого князя Константина Николаевича письменного удостоверения насчет того, что передача госпиталя в заведывание консула сделана была по повелению Его Высочества, действительно им данному, а не по выдуманному мною повелению государя великого князя; г) что он убежден, что я это повеление выдумал, а что великий князь дал свои приказания в рассеянности, уговоренный мною, а не убежденный в силе своего повеления; другими словами, что я будто бы подвел Его

Императорское Высочество, и что великий князь бессознательно говорил то, что я ему подсказывал, д) что он не хочет принимать госпиталя иначе как со всем наличием, которое приобретено Комитетом, т.е. мною, и что он протестует против останова дополнительная постройка комнат, которую я должен был остановить на основании предписания Его Императорского Высочества; е) что если, как я говорю, великий князь *propter motu*,¹⁰⁷ а не по моему уговору, приказал передать госпиталь консулу, то он, Кирилл, не хочет принять на свою душу странных последствий от новой передачи госпиталя Миссии в противность личного распоряжения Его Императорского Высочества; в заключение Кирилл объявил мне, что он не принимает госпиталя, не может его принять, что он откажется от сего на письме и предлагает мне вместе написать Его Высочеству и государыне с просьбою оставить все по-прежнему или передать госпиталь ему, Кириллу, с достройкою комнат и со всем нашим наличием.

Все это Вам покажется странным и смешным; но так оно есть. Мы три дня толковали, я — настаивая на сдаче ему госпиталя, он — отказываясь, ибо чувствовал, что личная его победа произведет страму для общего нашего достоинства, следовательно, и для его.

Поверьте — Кирилл был мне жалок в эти минуты, ибо он понимал, до какой степени грешно ему было выносить себе победу вследствие его жалобы на распоряжение великого князя. Все это, как он сам мне теперь десять раз подтвердил, произошло от того, что он думал, что великий князь совсем не сознавал, что приказывал, ибо если бы не так, то Его Императорское Высочество дал бы ему, Кириллу, письменное повеление. И вам, и мне должно казаться смешным услышать в первый раз от Кирилла, что великий князь Константин Николаевич похож на министров, коих директора водят за нос; если бы я сам этого не слышал повторительно, я бы этому не поверил, так мне смешно подумать, что кто-либо принял нашего великого князя за автомата; кажется, уже в самостоятельности характера трудно отказать Его Высочеству, который *si il pêche, так pêche plutôt par le contraire*.¹⁰⁸

Я не имею времени передать Вам всех подробностей, но вот результат, достигнутый накануне Рождества:

а) снова переносить дело в Петербург я счел невозможным, чтобы не возбуждать там новой скуки и возни по делу, которое там считают конченным; я убедил Кирилла, что стыдно ему, епископу, и мне, имеющему полномочия, не решить самим всего на месте и не согласиться, когда нам известны все местные уважения;

б) распоряжение Его Императорского Высочества, сделанное вполне лично, без моего уговора, на основании высочайшего письма, гласно пред

¹⁰⁷ По собственному побуждению (*лат.*).

¹⁰⁸ Если он и грешит, так грешит скорее вопреки (*франц.*).

всем русским управлением, как и следовало, при епископе, подтвержденное в разговоре Его Императорского Высочества с Кириллом при мне и Доргобужинове, — имело пред всем Иерусалимом то значение и характер, что Его Императорское Высочество, представляя государя и все правительство, берет сие богоугодное заведение в заведывание правительства, отнимая у госпиталя характер частного заведения самого Кирилла (заметьте, что высочайшее имя государыни императрицы никогда дотоле Кириллом не заявлялось ни пред кем, а что он выставлял одного себя создателем госпиталя; имя Ее Императорского Величества упомянуто было Кириллом только тогда, когда он жаловался на распоряжение великого князя); следовательно, участие великого князя в заботливости о больных не должно обращаться в нуль пред публикой, тем более что в программе, высочайше утвержденной для комитета, значится госпиталь на 60 кроватей, а от обязанности устроить таковое заведение ничто нас не избавляет; в) благо больных и дело общей пользы положительно требуют расширения госпиталя, следовательно, такого благого дела достанет и на многих; средств у Кирилла нет, а у нас есть, материальное наличие у нас большое и отличное, а у него есть старая ветошь и нет времени сделать запасы, не оставаясь несколько месяцев в нужде для больных; г) я обязан и сдать Кириллу госпиталь, и устроить госпиталь по программе Комитета, не могу и передать все наше наличие в Миссию, ибо оно есть собственность Комитета, — Кирилл не может со страмом вступить в управление госпиталем, из коего я должен вывести публично $\frac{3}{4}$ наличия, я сам не должен производить такого страма и должен оставить за великим князем христианское участие в заботливости о больных. Вот дилеммы, из коих я предложил Кириллу выйти так, чтобы, помирившись взаимно, заняться госпитальным делом, я ему передам старый госпиталь, в котором оставляю часть нашего наличия, а сам в одном из наших домов устрою особое отделение, в котором ощущается ежедневная надобность.

Прилагаю к сему копию с трактата, нами заключенного 17 декабря 1859 г. Вы видите, что кое-как я постарался сгладить дело, но все-таки не могу теперь скрыть, что если бы и этот трактат исполнился, то честь русского правительства здесь получила бы удар, от коего оно долго бы не оправилось. Как ни смазывай, а все осталась бы странная, греховная победа русского архиерея над русским великим князем; посещение Его Императорского Высочества оставило бы по себе память гласно признанной ошибки и ссоры между им и государыней. Кирилл до того здесь сначала возрадовался, что бог вещь что наболтал. При объяснениях со мною он сделался смирен и тих, под конец сам меня упрощивал и благодарил, а в то же время гласно и публично рассказывал, что он меня поприжал, что он меня окончательно укротил и вследствие моих настоятельных просьб для смягчения ошибки великого князя сделал уступки и тому подобное.

Спешу уведомить Вас вкратце о том, что госпиталь до сего дня находится еще в заведывании консульства по вышеизложенным уважениям, что госпиталь и не будет передан Кириллу впредь до приказаний, кои я лично получу в Санкт-Петербурге, что, следовательно, предписание Его Императорского Высочества без моего умысла осталось и останется неисполненным, и что мысль государя императора приведена в буквальное исполнение и все дело кончилось уже благополучно. Теперь, если Комитет пришлет сюда какое-либо приказание, ошибочно предполагая, что госпиталь уже передан Кириллу, то бумага о сем останется у меня в кармане без последствий, а Доргобужиннову я официально предпишу впредь до нового уведомления из Петербурга оставить все в том виде, в каком оно находится по распоряжению великого князя.

Слава Богу, честь и слава и государю императору, и великому князю. Теперь я покоен и могу сказать, как Симеон: ныне отпускаемо раба Твоего, Владыка, с миром из Иерусалима.

Позвольте обнять Вас, дорогой Александр Васильевич, от всего сердца и от живо благодарной души. Жена Вам сердечно и искренно кланяется. Дай Бог Вам здоровья. Отныне j'ai la superstition que chascune de vos lettres c'est une bonne nouvelle.¹⁰⁹ Прав я был, когда заявил, что Оболенский поспешил. Еще раз от всей души благодарю Вас за честь русского имени. Глубоко преданный и благодарный

Б.М.

[Приложение]
Копия

Между Преосвященным епископом Мелитопольским и действительным статским советником Мансуровым по предмету передачи госпиталя в заведывание Духовной Миссии соглашено и положено:

1) Так как на основании высочайше утвержденной программы для заведений, которые высочайше поручено Палестинскому комитету устроить в Иерусалиме, консульство обязано образовать помещения для 60 человек больных, так как за сим в ныне существующем русском госпитале имеется всего 24 кровати и более сего устроить нельзя, а давно уже ощущается большая надобность в отдельных больничных комнатах для лиц высших сословий и для таких больных, которые по роду болезни не могут быть помещены в общих палатах, наконец, имея в виду, что именно в теперешнее зимнее время необходимо озаботиться сими дополнительными мерами, а в распоряжении консульства имеется как вполне достаточное новое наличие кроватей, белья и прочих

¹⁰⁹ Я имею суеверие, что каждое Ваше письмо — это добрая весть (франц.).

принадлежностей, так и удобное помещение в одном из нанятых для поклонников зданий, то по распоряжению консульства ныне же учреждается особое отделение для лиц высших сословий, служащих в Иерусалиме, членов Духовной Миссии и для больных, коих доктор признает нужным отделить от других. Это госпитальное отделение будет находиться в заведывании консульства и содержаться на счет сумм Палестинского комитета.

2) Ныне существующий русский госпиталь 1 февраля 1860 года будет сдан в заведывание Духовной Миссии согласно инвентарю, по коему он был принят консульством, на основании повеления о том Его Императорского Высочества государя великого князя, председателя Палестинского комитета.

3) Как нынешний госпиталь, так и особое отделение для лиц высшего сословия будут находиться в медицинском заведывании доктора Мазараки, коего заслуги в отношении к русским поклонникам удостоились высокого внимания императорского правительства. От него, доктора Мазараки, будет зависеть назначение к помещению в особое отделение госпиталя тех больных, которые, по его мнению, потребуют пользования вне общих палат.

4) Для устранения всяких невыгодных для нас толков, если бы сдаваемый в заведывание Духовной Миссии госпиталь возвратился в прежнее вещественное положение, в котором он находился в мае 1859 года, когда Миссия не успела еще снабдить его полным наличием, для предоставления госпиталю возможности и в руках Миссии давать больным все, что они имеют и теперь, и имея в виду, что в распоряжении консульства имеется ныне достаточное наличие для 40 и более больных, как то кровати, белье и т. под. — признается возможным и нужным при сдаче госпиталя Духовной Миссии оставить в оном из наличия, приобретенного на суммы Палестинского комитета, 12 железных кроватей и из белья сколько окажется возможным и нужным для содержания, достаточного снабжения и хорошего порядка как в сем госпитале, так и в особом отделении, имеющем ныне открыться. Оставляемое наличие будет сдано под расписку, затем от Духовной Миссии будет зависеть возвратить оное в консульство, когда она найдет это возможным и удобным.

С подлинным верно: Б.М.